

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Боташова Асият Казиевна

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ:
ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Специальность 23.00.02 - Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Н.П.Медведев

Ставрополь - 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА	14
1.1. Политический терроризм: категориальный анализ.....	14
1.2. Политический терроризм и другие виды политического насилия:	
границ соотношения.....	47
1.3. Вопросы детерминации политического терроризма	69
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО	
ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	89
2.1. Политический терроризм как форма этнического экстремизма.....	89
2.2. Политический терроризм как форма религиозного	
экстремизма.....	106
2.3. Основные направления преодоления политического	
терроризма.....	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	154
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ	
ЛИТЕРАТУРЫ.....	161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Начало третьего тысячелетия современная цивилизация встретила всплеском терроризма, получившим широкое распространение во многих странах. Обострение борьбы за сферы влияния между различными социальными силами, политическими идеологиями, блоками, союзами, международными организациями, в том числе этнического и конфессионального характера, частое применение субъектами политики террористических методов борьбы стало одной из главных проблем, мешающих устойчивому развитию общества. Появилось больше источников политического терроризма, изменился его характер. Методы и практика политического терроризма представляют собой грубое пренебрежение законом и моралью, препятствуют международному сотрудничеству, ведут к подрыву основных свобод и демократических основ любого государства.

Актуальность исследования феномена политического терроризма возрастает для отечественной науки из-за угрозы, которую представляет терроризм государственной безопасности России, ее национальным интересам со стороны террористических групп, находящихся на территории страны, и международных террористических и экстремистских организаций, пытающихся влиять на политическую жизнь в российском государстве. Поэтому для нашей страны проблема политического терроризма имеет как внутри-, так и внешнеполитическое значение.

Особую актуальность данной проблеме придает тот факт, что проявления политического терроризма внутри страны подрывают устойчивость политической системы общества, стабильность политического курса, а в ряде случаев даже способны парализовать действия властей, способствуя подрыву их авторитета среди населения, что ставит под угрозу состояние и тенденции прогрессивного развития российского общества, а так же его жизнедеятельность. В качестве объекта безопасности выступают политические и социально-экономические структуры и институты, территориальная целостность

страны, ее суверенитет и конституционный строй.

Внешнеполитические проблемы, порождаемые политическим терроризмом в России, заключаются в стремлении стран Запада ослабить международные позиции России, влиять на геополитическую ситуацию в регионе. Особенно тесно этот аспект связан с поликонфессиональным характером субъектов России, который активно используется другими странами и международными террористическими организациями. От правильного понимания политической сути происходящих процессов, камуфлирующихся под религиозную окраску, во многом зависит не только общественно-политическая ситуация в стране, но и характер отношений России со многими государствами мира. Это актуализирует тему исследования.

Сложность и неоднозначность проблемы политического терроризма в полной мере проявляется на Северном Кавказе, ведь именно Северный Кавказ является в России тем регионом, где наблюдается критический уровень противоречий в сфере национально-государственного устройства, межэтнических отношений, которые осложняются конфессиональным фактором, в большей мере внесенным искусственно извне международными экстремистскими и террористическими организациями.

Сегодняшние реалии таковы, что ни одна из современных теорий терроризма пока еще не дает полный и всеобъемлющий ответ на вопросы, связанные с политическим терроризмом. Нет единых подходов к пониманию проблемы, нет четких критериев идентификации общественно-опасных акций, признаваемых террористическими, неоднозначно оценивается данная проблема СМИ, общественными движениями, правозащитными организациями. Глубокое научно-теоретическое изучение политического терроризма, знание основных механизмов детерминации политического терроризма и условий его функционирования имеют огромное значение для осуществления мероприятий по сужению круга этих причин и условий.

Исследование терроризма неотъемлемо от изучения экстремизма, что позволяет понять их взаимосвязь и взаимообусловленность. Знание сущ-

ности политического терроризма, его зависимости от геополитических, социально-политических, экономических, психологических и др. условий открывает возможности для прогнозирования его проявлений. Решение этих задач позволит своевременно упреждать новые террористические акты, осуществлять подготовку и проведение антитеррористических мероприятий.

Сегодня феномен политического терроризма становится предметом особого интереса государственных органов и исследовательских учреждений, о чем свидетельствует решение Совета Безопасности Российской Федерации в феврале 1994 года о проведении научно-исследовательской работы по данной проблеме; прошедшие в 1995-1996гг парламентские слушания, а также создание комиссии при аппарате Президента РФ по организации противодействия экстремизму и терроризму. С 2000 года в стране проходит многопрофильная реформа, включающая создание Концепции национальной безопасности, Военной Доктрины, Доктрины информационной безопасности, а также Концепции государственной национальной политики. Задача ученых разного профиля заключается в том, чтобы внести посильный вклад в создание комплексной стратегии борьбы с терроризмом (контроля над терроризмом).

Степень научной разработанности проблемы. Явление политического терроризма многоаспектно и для того, чтобы составить целостное представление о данном феномене, необходимо исследовать терроризм с точки зрения различных наук. Теоретическими основами настоящей работы являются труды отечественных и зарубежных исследователей в области политологии, философии, социологии, конфликтологии, юриспруденции, психологии. Ученые разных направлений науки заложили теоретическую базу исследования проблемы, для создания работ, носящих междисциплинарный характер.

Политическому терроризму как актуальной проблеме сегодняшней политической жизни уделили большое внимание следующие ученые: Ю.И. Авдеев, А.Г. Здравомыслов, В.В. Витюк, А.В. Дмитриев, А.А. Кара-Мурза, Е.Г. Ляхов, Э.А. Паин, А.С. Панарин, Е.И. Степанов, А.И. Соловьев, А.И. Уткин и др. Ими дан анализ терроризма как социально-

политического явления, рассматриваются причинно-следственные связи политического терроризма с развитием общественных отношений, его зависимость от социально-политической и экономической обстановки. Данные авторы сосредоточили свое внимание на вопросах сущности и содержания политического терроризма, его места и роли в системе политической борьбы.

Работы Н.Н. Афанасьева, А.А. Веселицкого, А.С. Грачева, А.В. Герасимова, Е.П. Кожушко, А.А. Козлова, Д.В. Ольшанского и других посвящены анализу основных направлений современного политического терроризма, ими исследуются мотивы действий террористов, идеологические корни терроризма: социальные, психологические, мировоззренческие. В этих работах рассматриваются аспекты процесса трансформации экстремизма в политический терроризм.

С социально-философских позиций рассматривают политический терроризм К.С. Гаджиев, В.В. Никитаев, В.М. Розин. Эти ученые акцентируют внимание на философско-нравственных аспектах проблемы терроризма, дают оценку социальной обусловленности феномена с философской точки зрения.

На уголовно-правовом и криминологическом уровне аспекты террористической деятельности исследуют В.П. Емельянов, М. Краснов, В.Н. Лопатин, В.В. Лунеев, Г.Н. Морозов, М.Н. Назаркин, Э.Ф. Побегайло, В.В. Устинов, О.М. Хлобустов и др. Этими авторами предложен ряд практических мер, которые необходимо предпринять для профилактики и предотвращения экстремистских и террористических действий субъектов политики.

Особую группу составляют работы, посвященные вопросам безопасности России Т.А. Алексеевой, О.А. Белькова, А.А. Игнатьева, В.Е. Петрищева, В.П. Пугачева, В.Н. Ремарчук, В.В. Серебрянникова и др. Эти исследователи концентрируют внимание на таких важных аспектах, как динамика развития политического терроризма, факторы политической напряженности, геополитические аспекты национальной безопасности России.

Значительный вклад в изучение постсоветских конфликтов, а также

общей конфликтной ситуации на Кавказе внесли исследования северокавказских этноконфликтологов и политологов: В.А.Авксентьева, М.А.Аствацатуровой, И.О.Бабкина, А.В.Баранова, И.В.Болгановой, С.М.Воробьева, О.Н.Гундарь, Г.С.Денисовой, В.Д.Дзидзоева, А.Ю.Коркмазова, С.В.Кузнецова, Э.Т.Майбороды, Н.П.Медведева, А.А.Магомедова, Е.П.Михиной, О.С.Новиковой, С.В.Передерия, М.В.Саввы, В.А.Соловьева, Л.Л.Хоперской, А.Ю.Хоца, В.Р.Чагилова, А.В.Чубенко, В.М.Юрченко и др.

Глубокий анализ причин возникновения и роста политического терроризма дается рядом зарубежных ученых. К числу таких исследователей относятся У.Бек, У.Гори, Э.Гидденс, Б.Гросскап, М.Креншоу, У.Лакер, С.Ломброзо, Н.Ливингстон, М.Функе, А.Шмидт и др. Перечисленные ученые фокусируют свое внимание на концептуализации роли государства в возникновении и осуществлении политического терроризма, влияние политико-экономических процессов на содержание и направленность террористической деятельности. Спецификой данных работ является концентрация внимания на проблеме политического терроризма в западных и восточных странах, в период развития индустриального и постиндустриального общества. В начале XXI века ряд американских авторов обратились к проблеме политического терроризма, особенно после событий 11 сентября 2001г. Среди таких ученых можно выделить Р. Кагана, Д. Смока, Б. Грэхема, Д. Приста, А. Иаффе и др.

В последнее время повысился интерес к событиям, связанным с политическим экстремизмом и терроризмом, в СМИ и СМК. Важную роль в освещении темы играет Интернет, где авторы некоторых сайтов организуют Интернет – дискуссии и всевозможные экспресс – опросы. Научный интерес представляют материалы сайта Всемирного антикриминального и анти-террористического форума – www.waaf.ru.

Таким образом, анализ научной разработки темы исследования показывает, что эта тема в имеющейся литературе получила значительное распростра-

нение, однако воззрения на данную проблему часто не совпадают. Следует также отметить, что большинство исследователей берут в качестве объекта лишь отдельные аспекты проблемы детерминации политического терроризма, не учитывая при этом множественность и взаимосвязанность причин, вызывающих к жизни политический терроризм.

Объектом исследования является политический терроризм.

Предметом исследования является детерминация политического терроризма в современном мире, его формы, признаки и особенности его проявлений в современной России.

Основной целью диссертационного исследования является: прояснение сущности политического терроризма как феномена современности.

Указанная цель конкретизировалась через постановку и решение **задач**:

- провести системное изучение теоретико-методологических подходов, существующих в мировой политологической науке, политической социологии, конфликтологии, рассматривающих категорию «политический терроризм»;
- выявить основные признаки, многообразие видов и типологию политического терроризма;
- показать соотношение политического терроризма и других видов политического насилия;
- исследовать предпосылки и причины возникновения и активизации политического терроризма в современной России;
- проанализировать содержание и сущность политического терроризма как формы этнического и религиозного экстремизма;
- рассмотреть существующие пути и способы предотвращения политического терроризма.

Теоретическая и методологическая основа диссертации. В соответствии с особенностями темы, объекта и предмета исследования в диссертации применяется совокупность принципов и методов, позволяющих реализовать сформулированные цели и задачи, обеспечить достоверность получен-

ных результатов. Исследование строится на основе принципа всестороннего рассмотрения проблемы в соответствии с логикой восхождения от абстрактного к конкретному. Это получило выражение в структуре диссертации, в формулировках названий глав и параграфов. Отталкиваясь от категориального анализа основных понятий темы, автор последовательно рассматривает вопросы детерминации политического терроризма, формы его проявления и пути преодоления.

Помимо общефилософских и общенаучных методов познания в ряде случаев там, где идет речь о проявлениях и формах политического терроризма, применяется сравнительный подход, позволяющий выявить существенные отличительные признаки этого феномена политической жизни, рассмотреть его соотношение с другими формами политического насилия.

При рассмотрении вопросов детерминации политического терроризма автор опирается на диалектико-материалистическую методологию рассмотрения причинной обусловленности явлений, использует элементы геометодологии, предполагающей учет роли геополитических интересов в детерминации внешнеполитических и внутривнутриполитических явлений.

В разделах, затрагивающих вопросы борьбы с политическим терроризмом, в ряде случаев применяются элементы социального моделирования и метода анализа конкретных ситуаций (case-study), позволяющего проиллюстрировать и подтвердить ряд теоретических выводов диссертации. Когнитивный аспект анализа проблемы дополняется ценностным подходом, позволяющим применить общечеловеческие критерии оценки политического терроризма во всех его формах и проявлениях, избежать ошибки абсолютизации крайностей сциентизма и антисциентизма, недооценивающих реальное взаимодействие субъекта и объекта в рамках единой человеческой деятельности.

Рассмотрение ряда вопросов, в том числе преодоления политического терроризма, потребовало обращения к системному подходу, использованию структурно-функционального анализа места и роли различных органов государственного управления, общественных организаций в борьбе с политиче-

ским терроризмом.

В диссертации используются официальные документы, в которых квалифицируются многообразные явления, связанные с политическим терроризмом, определяются принципы политики государства по отношению к его предупреждению и преодолению.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- проанализированы и систематизированы имеющиеся подходы к определению сущности и содержания политического терроризма;
- уточнено понятие политического терроризма путем включения в него религиозно-политического, этнополитического и бандитско-криминального аспектов;
- показано соотношение политического терроризма с другими видами политического насилия: экстремизмом, террором, войной, фашизмом, партизанской войной, диверсиями и т.д.
- изучается обусловленность политического терроризма в России отсутствием общей единой национальной идеологии и проникновением зарубежных экстремистских идеологий и террористических организаций;
- анализируются экономические, политические, культурные аспекты проблемы, психологические предпосылки, а также глубокие исторические корни противоречий в различных сферах и геополитические факторы международных отношений;
- исследуются разного рода мотивации террористической деятельности на основе рассмотрения комплекса межэтнических и межнациональных противоречий, детерминирующих проявления политического экстремизма и терроризма.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Критериями, позволяющими отнести те или иные явления к проявлениям политического терроризма и отражающими его сущность как особого социально-политического явления, могут являться следующие признаки:

присутствие непосредственного или опосредованного насилия для достижения политических целей, которые, по мнению тех, кто к нему прибегает, не могут быть достигнуты обычными (законными) средствами; объектом насилия политического терроризма, как правило, являются представители политического авангарда из лагеря политического противника или символическая невинная цель, воздействуя на которую террористы пытаются влиять на политического противника; умышленный характер насилия и устрашения, направленность на дестабилизацию или разрушение основных политических структур противоборствующей стороны; использование конспирации как необходимого условия существования террористических организаций и осуществления террористических действий; категорическое отрицание субъектами политической борьбы принципов общечеловеческой морали, циничное пренебрежение нормами гуманизма и справедливости.

2. Виды политического насилия, как массовый геноцид, репрессии, фашизм, террор, война и политический терроризм выступают как самостоятельные формы политического экстремизма на государственном и межгосударственном уровнях. И обоснованием для такой квалификации служит характер их связи с государством и уровень собственной институционализации.

3. Если раньше политический терроризм являлся формой борьбы тех, кто не имел или не видел для себя возможности легитимными и легальными средствами заявить о своих интересах и отстаивать их, то сегодня политический терроризм приобрел кардинально новый характер. Он заключается в слиянии деятельности политического терроризма, организованной преступности и наркомафии, в диффузном характере нападений на мирное население, в готовности использовать ядерное и бактериологическое оружие. Обостряется напряжение в мировом сообществе, связанное с активизацией насилия и радикализма, ожидания непредвиденных ситуаций.

4. После 11 сентября 2001 года мир вступил в новую эпоху взаимоотношений между государствами. Это обновленные отношения партнерства, взаимопомощи, объединения антитеррористических усилий. Но приходится

констатировать и другие изменения характера современной политики, например, со стороны США - принимать силовые решения, не считаясь с мировым сообществом, демонстрировать отсутствие всякого диалога с оппозицией. Необходимо развивать конструктивное отношение к оппозиции на государственном уровне, нужны новые модели безопасности.

5. Для снижения уровня угроз национальной безопасности России необходимо уделить особое внимание следующим аспектам контроля над терроризмом: укреплению государственности; установлению главенства закона; усилению борьбы с коррупцией и организованной преступностью; созданию общероссийской национальной идеологии; единства и взаимосвязи антиэкстремистской и антитеррористической стратегии и координации деятельности в этом направлении федеральных органов власти, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления. Необходим всесторонний анализ тенденций глобализации и геополитических интересов противостояния между различными странами.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что положения и выводы диссертации могут быть использованы в изучении современных процессов развития, при подготовке научных публикаций, учебной литературы по национальным и конфессиональным отношениям и политическому терроризму, а также при подготовке лекций и спецкурсов по политологии и социологии. Материалы диссертации могут быть полезны для дальнейшего углубленного изучения феномена политического терроризма историками, политологами, социологами, психологами, конфликтологами, философами. Практическое значение диссертации состоит также в возможности использования рекомендаций по контролю над политическим терроризмом на территории России соответствующими государственными и общественными структурами.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на кафедре политологии и социологии Ставропольского государственного университета. Основные положения диссертации представлены на IX научно-практической конференции

«Политические, правовые, социальные и экономические проблемы современного российского общества» (апрель 2003 г., г.Ставрополь), на 49-ой научно-практической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука - региону» СГУ (апрель 2004 г., г.Ставрополь).

Основные результаты исследования нашли свое отражение в 5 публикациях автора общим объемом 2 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих 6 параграфов, заключения, библиографического списка использованной литературы. Общий объем – 160 машинописных страниц. Список литературы включает 315 наименований, в том числе 12 на иностранных языках.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

1.1. Политический терроризм: категориальный анализ

Политический терроризм в XX столетии стал универсальным феноменом, который обусловлен расширением международных связей и взаимодействием стран и народов в различных областях. Как негативное социально-политическое явление он перерос рамки национальных границ и превратился в масштабную угрозу для безопасности всего мирового сообщества, приобрел международный и глобальный характер. Широкая интернационализация политического терроризма - это неоспоримый факт, перед которым сегодня оказалось человечество. Особенно как бы беспроблемно эти процессы происходят на поле маргинального экстремизма и терроризма как крайней формы проявления первого.

Если до Второй мировой войны террористические организации в различных точках земного шара не были связаны (или были, но слабо) между собой идеологически, информационно или финансово, то современное состояние политического терроризма характеризуется, прежде всего, интеграцией этих отдельных организаций в более крупные структуры на религиозной, политической, этнической и других основах. Как правило, эти структуры прекрасно организованы, используют современные средства связи для координации своих действий, пользуются последними достижениями науки и техники. Они имеют надежные источники финансирования и поставщиков оружия, в роли которых, хотя бы того они или нет, выступают как экономически развитые страны, так и слабо развитые регионы, где имеют место вооруженные конфликты.

В конце XX и начале XXI века проведены десятки международных конференций с участием руководителей государств, специальных служб и правоохранительных органов, представителей общественных организаций и СМИ, конференции Центра конфликтологии Института социологии Российской

Академии наук, посвященные поиску эффективных путей борьбы с терроризмом. Не случайно встревоженный угрозой со стороны политического терроризма и терроризма вообще, цивилизованный мир сейчас находится в поисках путей его сдерживания и пресечения.

Сегодняшние реалии таковы, что в рассуждениях о политическом терроризме царит серьезный разнобой. Нет четких критериев идентификации общественно опасных акций, признаваемых террористическими, причем это присуще не только политикам и публицистам, но и исследователям, как отечественным, так и зарубежным. Это говорит о том, что выработка адекватных и единообразных представлений об особенностях и основных параметрах таких действий продолжает оставаться актуальной. Рассматривая формы, способы и средства, к которым прибегают современные террористы, необходимо уточнить воззрения на политический терроризм наших дней.

Не менее важным является вопрос о социальных условиях возникновения и распространения политического терроризма, рассмотрение которого позволит органически соединить понятийно-теоретические и содержательно-практические проблемы, выявить основные ситуации, причины и факторы, «провоцирующие» обращение к террористической деятельности как к способу решения тех или иных общественно-политических задач.

Следует отметить, что ни одна из теорий терроризма вообще пока еще не в состоянии дать полный и всеобъемлющий ответ на вопросы, связанные с политическим терроризмом, но знакомство с каждой из них позволяет изучить и объяснить определенный аспект проблемы.

В политическом плане политический терроризм добивается целей, как правило, силовыми методами. В плане минимум - задача заставить власти пойти на значительные уступки, диктовать ей свои условия. В плане максимум - сменить существующий политический строй, сложившиеся общественные структуры и институты. Для этих целей используются террористические акции, сочетаемые с методами партизанской войны и подрывной деятельности.

В области культуры политический терроризм проявляется в пропаганде

насилия, жестокости, цинизма. Осознание молодежью наличия в мире постоянной террористической угрозы отрицательно сказывается на процессе воспитания, уровне культуры.

В сфере межнациональных и меконфессиональных отношений политический терроризм находит выражение в террористических методах борьбы, используемых в ходе национальных и религиозных столкновений, в вооруженных конфликтах; проявляется в террористических актах на территории другого государства или по отношению к некоренному населению, представителям других этнических или религиозных групп. Отсюда следует разжигание вражды и ненависти между нациями и народностями, миграционные настроения среди населения.

В сфере экономических отношений политический терроризм наносит большой ущерб финансовой стабильности государства, подрывает экономические устои, способствует реализации накопленного террористами опыта в области отмывания денег.¹ Террористические организации в состоянии снимать не только политический, но и финансовый «урожай». Другой вариант проявления терроризма находят свое отражение в деятельности преступных групп коммерческих предприятий: оказании давления, устрашении руководителей государственных предприятий, сотрудников отраслевых министерств и ведомств.

С философской точки зрения, чтобы понять истоки терроризма, необходимо осознание факта, что экстремальность заложена в самой природе человека, что жестокость и насилие сопровождают всю историю человеческого развития, в какой-то мере стимулируя постоянное движение и развитие человечества. Именно в философском русле теории терроризма пытаются решить проблемы оправданности устрашающих методов.

Социально-психологический подход объяснения феномена терроризма выявляет поведенческие механизмы конфликтов и мотивацию обращения к террористическим методам борьбы. Иррациональное восприятие

---

¹ См: Абаринов В., Велехов Л. Черная касса Усамы // Совершенно секретно. - 2001. - №10.

действительности той или иной социальной, политической, этнической или религиозной группой, наличие особой доктрины, релятивизирующей общее человеческое качество, является мощным средством мобилизации террористических устремлений. Констатируя жесткость и возросшую опасность террористических методов борьбы, сопровождающих политические, социальные, этнические и религиозные требования, социально-психологический подход заставляет пересмотреть концепции и доктрины национальной безопасности. Они должны стать более гибкими и социально зависимыми. Речь идет о том, что фактор военного превосходства перестает быть гарантом эффективной политической стабильности.

С точки зрения политической психологии, поведение субъектов террористической деятельности объясняется психопатическими отклонениями¹. К вариантам невротического обоснования природы политического терроризма можно отнести сформулированное еще в прошлом веке утверждение И.Ломброзо о том, что «политический терроризм – это косвенная форма самоубийства»². Но прямая, жесткая корреляция между теми или иными психологическими отклонениями и общественной позицией личности не существует. В то же время, знание психологических аспектов проблемы необходимо не только для объяснения конкретного террористического акта и его причин, но и всего явления терроризма в целом. Основу психологического познания терроризма составляет анализ мотивов преступления. Исследователи называют следующие мотивы терроризма: преодоление отчуждения, конформизма, обезлички, маргинальности, пресыщения и т.п. Возможны корыстные мотивы, которые могут вытеснять идейные или переплетаться с ними. По этому поводу представляется, что корыстные стимулы лишь внешне выглядят единственными мотивами. На самом деле существуют более мощные побуждения на подсознательном уровне, которые представляют собой порождение деструктивных сил в обществе и человеке как отражение культа насилия.

С точки зрения конфликтологии политический терроризм влияет на

---

¹ См: Ольшанский Д.В. Психология терроризма. - СПб., - 2002.

² Герасимов А.В. На лезвии с террористами. - Париж, - 1985. - С. 206.

степень остроты конфликта; на темпы построения цивилизованного общества. Применение террористических методов борьбы ухудшает этнонациональные отношения, вызывает конфликты в системе государственного управления и т.п. Причем использование террористических методов говорит о наличии скрытого или явного конфликта, поэтому исследование политического терроризма неразрывно связано с исследованием конфликтов. Конфликтологическая постановка проблем насилия и агрессии в политике рассматривает терроризм как достижение политических целей использованием устрашения, проводимого в отношении правительства какого-либо государства, его властных структур, отдельных политических деятелей; групп граждан или всего населения в целях принуждения к совершению деяний, выгодных террористам.

В рамках политологического анализа терроризму пока не уделено должного внимания. Но именно в рамках политологии рационально исследовать такие важные вопросы, как роль политического терроризма в дестабилизации политической системы общества. Политический терроризм отличается непризнанием компромиссов противостоящими политическими силами, проникновением во все сферы общественных отношений. В основе любого критерия терроризма - отрицательное отношение к нему как выражению принципа насильственного преодоления противоречий. Таким образом, в сфере политологического анализа терроризм - явление, которому присущи общественная опасность, нелегитимность и устрашение. В этом плане терроризм необходимо дифференцировать от прочих проявлений нелегитимного насилия.

Юриспруденция помогает создать правовую базу для борьбы с терроризмом. Российская система противодействия террористической деятельности складывалась за очень короткий срок: формально с 1998 г., - после законодательного ее оформления, а на практике - на опыте неудач первой чеченской кампании. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» принимался непосредственно после ввода в Чеченскую Республику Федеральных войск.

При рассмотрении особенностей правового регулирования и борьбы

с терроризмом отправной точкой является законодательное решение дефиниции терроризма, поскольку в данном случае эта ключевая для всей антитеррористической деятельности задача переходит из области теоретизирования в практическую плоскость. Но законодатели до сих пор не определились с законодательным определением терроризма. В уголовно-правовой области, юридической теории и политическом языке феномен терроризма обозначают три взаимосвязанных и взаимообусловленных, но не тождественных подхода, порой противоречащих друг другу.

Все ученые сходятся во мнении, что вопрос определения феномена «терроризм» - одна из серьезнейших проблем, решение которой имеет исключительное значение для эффективной борьбы с этим явлением, ведь именно определение терроризма позволяет выявить круг общественных отношений, затрагиваемых терроризмом и борьбой с ним, выработать механизмы правового регулирования этих отношений.

Определение понятия политического терроризма – один из важных элементов модели исследования - достаточно сложная проблема. Зависит это от многих причин. Во-первых, сложность и многоплановость явления, его быстрая эволюция во времени и пространстве. Во-вторых, политический терроризм является предметом изучения нескольких дисциплин. В-третьих, мешает научному осмыслению феномена частое и вольное употребление термина «терроризм» в общественно-политической сфере. Большинство ученых и политиков вырабатывают свои рабочие формулировки, которые подходят их целям и задачам. Потом политики, журналисты и писатели выбирают из этих определений то, что отвечает их собственным взглядам и убеждениям. В-четвертых, политический терроризм ошибочно причисляют к таким явлениям, как экстремизм, война, фашизм, диверсия, партизанское движение и т.д.

В 1973г. в СБ ООН был создан специальный комитет по терроризму, в рамках которого шла интенсивная разработка определения терроризма. Эксперты-террологи делали попытки классифицировать понятие «терро-

ризм» по целям, средствам и т.п. Было организовано 12 международных конвенций по борьбе с терроризмом различного плана. Но до сих пор ни к единому понятию, ни к единому определению прийти не удалось. Так же безрезультатно окончились и усилия, предпринимавшиеся Ассоциацией международного права. И это несмотря на то, что учеными-террологами, правительственными и неправительственными организациями было предложено более 100 вариантов определения терроризма.

Зачастую мешает научному осмыслению политического терроризма и расширительное понятие феномена «терроризм». Так, французские ученые Я. Майад¹ и Дурантон -А.М. Крабол² отмечают, что понятие «терроризм» относится к преступлению, которое угрожает человеческому спокойствию и безопасности, оскорбляет всеобщую совесть и наносит ущерб человеческому достоинству. Немецкий ученый Ю. Бейкес отмечает, что терроризм проявляется в беспорядочном насилии, направленном, как правило, против людей. По его мнению, терроризм представляет собой «систематическое насилие для достижения публичных или политических целей»³.

В настоящий момент за рубежом существует несколько школ, которые трактуют понятие «терроризм» исходя из тех или иных научных подходов, выделяя философские, политические, психологические аспекты данного явления. В итоге разработано несколько направлений решения данной проблемы. Сторонниками первого подхода, условно назовем его «нормативным», стали Б.Дженкинс (B. Jenkins), директор Центра исследований политических наук «Ренд Корпорейшн» и У. Лакер (W. Laguer), профессор истории Джорджтаунского университета, известный ученый-терролог.

Б. Дженкинс предложил определение, которое стало использоваться органами безопасности: «терроризм - это использование или угроза использования силы, направленной на достижение политических изменений»⁴.

---

¹ Mayaud, Yves. L'extremisme. - Paris, - 1997. - P. 146.

² Duranton-Crabol, Anne Marie. L'Europe de l'extrême droite de 1945 à nos jours. Bruxelles. - 1991. - P. 221.

³ Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. - 1989. - P. 385.

⁴ Jenkins B. The Who, What, What, Where, How and Why of Terrorism. // Paper presented at the Detroit Police Department Conference on «Urban Terrorism: Planning or Chaos?». - 1984. November.

У. Лакер назвал терроризмом «незаконное использование силы против невиновных людей для достижения политических целей», при этом добавляет, что попытки выйти за рамки простого определения бесполезны, т.к. сам термин противоречив¹. Интерпретация У. Лакером и Б. Дженкинсом универсального определения, которое бы удовлетворяло все заинтересованные стороны: правительственных чиновников, ученых, аналитиков и сотрудников правоохранительных органов не увенчалась успехом.

Второй подход к исследованию данной проблемы заключается в акцентировании на правовых аспектах определения. Этот подход присущ ряду правительств европейских государств. Например, в Германии под терроризмом понимается использование преступных актов для достижения политических целей или способ, который позволяет создать политический беспорядок. Таким образом, уточняет Б. Гросскап (B. Grosscup), «терроризм определяется в Германии как нарушение закона и против террористов, которые преступают закон, могут быть приняты определенные правовые меры»². По такому же пути пошел Конгресс США, издав в 2001 году новый закон по борьбе с терроризмом, название которого уже несет в себе идеологизированную нагрузку в духе времени: «Акт патриота США 2001 года».

Сторонники третьего подхода к решению проблемы определения терроризма, условно назовем его «аналитическим», критикуют нормативный подход за моралистичные и эмоциональные определения. Правовой подход они критикуют за узкую правовую направленность, которая не исчерпывает все связанные с терроризмом аспекты, считая, что правовой подход выпячивает правовую сторону террористической деятельности, игнорируя необходимость первоначально всесторонне охарактеризовать современный терроризм как сложный социальный феномен и затем на этой основе выделять симптомы, которые надо криминализовать и нормативно оценивать.

С точки зрения М. Креншоу, представительницы аналитического подхода, сам террористический акт, цели и возможность политиче-

---

¹ Laqueur W. The Age of Terrorism. – Boston: Little, Brown, - 1987. - P.97.

² Grosscup B. The Explosion of Terrorism. – Far Hills, NJ: New Horizons, - 1987. - P.78.

ского успеха являются факторами, которые должны быть проанализированы перед использованием термина «терроризм». А определение терроризму аналитики дают следующее: «Терроризм - это социально и политически недопустимое насилие, направленное на невинную символическую цель во имя достижения психологического эффекта»¹.

А. Шмидт попытался дать синтетическое определение феномену. Проанализировав десятки определений ученых-террологов, он нашел 22 элемента, общих для большинства определений, и создал определение, содержащее из 13 этих элементов. В итоге у него получилось: «терроризм - это насильственный метод или угроза его использования, применяемые неправительственными законспирированными индивидами, группами или организациями в мирное время, осуществляемые с помощью дискретных действий, направленных на различные объекты с определенными целями или эффектом»².

Итак, тщательное изучение данной проблемы позволяет сделать вывод о том, что разработка понятийного аппарата в области изучения терроризма в настоящее время остается незавершенной. Мы видим, что на сегодняшний день отсутствует единая модель анализа терроризма, не выяснена четко сущность явления. Терроризм и политический терроризм отождествляются. Ряд авторов для определения терроризма используют политические и эмоциональные рамки влияния на общество. Другие - используют предметные рамки (политические, правовые). Третьи - логические процедуры (анализ, синтез), четвертые - роль государства в организации и распространении терроризма (государственный, поддерживаемый государством) и т. д.

Положение усугубляется высокой степенью зависимости данной проблематики от идеологических пристрастий исследователей. Все это свидетельствует об отсутствии на сегодняшний день адекватной модели анализа этой проблемы. Подобная модель, по мнению автора, должна включать сле-

---

¹ Crenshaw M. Terrorism, Legitimacy, and Power. – Middletown, CT: Wesleyan University Press, - 1983. - P.107.

² Schmid A.P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. – New Brunswick, CT: Transaction, - 1983. - P.124.

дующие аспекты рассмотрения:

- политический терроризм как социальный феномен;
- нелегитимный способ борьбы для достижения политических целей;
- особая тактика политической борьбы;
- продолжение политики насильственными средствами;
- один из методов политической борьбы.
- форма политического экстремизма;

Обратимся к отечественной научной литературе. В Большой советской энциклопедии читаем: «Террор (терроризм)- насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения»¹.

Современный словарь иностранных слов замечает нетождественность понятий террор и терроризм, давая два определения: «Террор - политика устрашения, подавления политических противников насильственными мерами» и «Терроризм - политика и практика террора»².

Более прав исследователь терроризма Е. П. Кожушко, когда в своей книге «Современный терроризм: анализ основных направлений» противопоставляет эти два понятия: «Террор - это политика репрессий со стороны государства, опирающегося на мощь своих силовых институтов», а «терроризм - это насилие, осуществляемое со стороны политических группировок. Оружие террора - репрессии, оружие терроризма - террористический акт»³.

В отечественной научной литературе также хотелось бы отметить книгу Е.Г. Ляхова «Терроризм и межгосударственные отношения». Она представляет собой наиболее солидное научное исследование, насыщенное размышлениями и обоснованными выводами автора, а также большим фактическим материалом. Автор подчеркивает, что терроризм представляет собой сложное явление политико-правового характера. В монографии содер-

¹ Большой энциклопедический словарь. - М., - 2001. - С. 1197.

² Современный словарь иностранных слов. - М., - 1992. - С. 605.

³ Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. - Минск: Харвест, - 2000. - С. 10.

жится обстоятельный обзор литературы, в конце которого делается следующий вывод: «В литературе под террором, терроризмом, террористическим актом понимается устрашение насильственными методами политического противника, т. е. конкретного физического лица (лиц), исполняющего государственные, политические или другие общественные функции»¹.

Просматривается тенденция со стороны зарубежных и отечественных авторов определять терроризм как насилие, осуществляемое только со стороны политических группировок. В то же время террористические методы борьбы могут использовать субъекты, не преследующие политические цели (хотя бы на первом этапе борьбы). Такими субъектами могут выступить преступные группировки, криминальные элементы общества, члены определенной религиозной секты и т.д., что позволяет выделить следующие политически немотивированные виды терроризма:

1. Бандитско-криминальный терроризм – это насилие или угроза насилия со стороны преступных групп, сообществ и организаций, направленные на создание атмосферы страха и достижение благодаря этому каких-либо корыстных целей. На внутригосударственном уровне, проявляясь спорадически, в качестве крайнего средства со стороны бандитско-криминальных элементов, по частоте и масштабам свершения он обычно не представляет особой национальной опасности. Но дело обстоит иначе, когда этот вид терроризма начинает тесно переплетаться с организованной преступностью, и перечисленные субъекты бандитско-криминального терроризма приобретают национальный или транснациональный характер. Симбиоз бандитско-криминального терроризма и организованной преступности еще не получил своего определения. В то же время они вместе используют устрашение и непосредственное насилие в различных формах (в том числе и в террористической) как основное средство воздействия на власть, ее представителей, на конкурентов по законному и незаконному

---

¹ Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. - М., - 1991. - С. 7-8.

бизнесу в целях перераспределения сфер влияния, собственности и финансовых потоков. Настораживает тенденция к политизации, стремление организаторов бандитско-криминального терроризма влиять на политику в целях ослабления деятельности правоохранительных органов, торможения законодательных инициатив, вхождения в органы законодательной и исполнительной власти и т.д.

2. Психологический терроризм подразумевает террористическую деятельность индивида, который совершает насилие вследствие психической неполноценности, также террористическую деятельность лица, группы или организации, совершающего нелегитимное насилие (или угроза совершения) под определенным психологическим воздействием.

3. Индивидуальный немотивированный терроризм свидетельствует о специфической конституции его исполнителя, о его склонности к повышенной интровертности, спиритуальности. Объектом такого насилия являются члены общества. Индивидуальный немотивированный терроризм – частый случай в США. Исследователи объясняют это климатом либерального общества, где общинное противостояние в системе часто невозможно в силу предельной дезинтеграции органических коллективов, определяющей качество этого общества.

4. Политический терроризм подразумевает нелегитимную тактику политической борьбы, опирающейся на террористический акт, когда неизбежные жертвы являются средством для достижения политической цели. Сжатое определение политического терроризма может звучать так: «Политический терроризм – это насилие или угроза насилия, направленные на создание атмосферы страха и достижение благодаря этому каких-либо политических изменений».

Следовательно, определение терроризма может звучать следующим образом: «Терроризм – это нелегитимный способ борьбы, форма политического, бандитско-криминального или психологически мотивированного насилия, использующего тактику, направленную на изменение поведения посредст-

вом страха».

Подобная формулировка позволяет выделить следующие виды терроризма по характеру деятельности субъектов:

1. Политический;
2. Бандитско-криминальный;
3. Психологический;
4. Индивидуальный немотивированный;

Существует многообразие других классификаций форм (видов) терроризма, как по характеру объектов, так и по характеру субъектов деятельности. Рассмотрим в этом плане некоторые работы отечественных авторов. Н.Мелентьева предлагает различать пять видов терроризма:¹

1. Идеологический, который осуществляется со стороны представителей тех политических идеологий, которые по тем или иным причинам оказываются исключенными из рамок официальной или легитимной политики.

2. Этнический терроризм (разновидность терроризма, субъектом которого является не идеологическая, а национальная, этническая община). В данном случае, по мнению Н.Мелентьевой, речь идет о миноритарной этнической группе.

3. Религиозный терроризм. Здесь субъектом выступает религиозное меньшинство или активный авангард мажоритарной религии, подпавшей под отчуждающее и враждебное влияние марионеточных властей.

4. Криминальный терроризм. Довольно редкое явление, как правило, служащее инструментом более общей идеологической цепи. Иными словами, криминальный терроризм вероятен в том случае, если преступная группировка имеет выраженный идеологический, этнический или религиозный характер.

5. Индивидуальный терроризм.

В адрес приведенной классификации по видам терроризма можно сде-

---

¹ Элементы. 2000. №7. – <http://arctogaia.org.ru/modules.php?Names=56>.

лать несколько замечаний. Несмотря на то, что в основу классификации Н.Мелентьева взята характер субъектов явления, в первом предложенном виде автор опирается на идеологию как на субъект. Это представляется неправомерным, так как в основе любого проявления терроризма лежит определенная экстремистская идеология, доведенная до крайних форм выражения. Несогласие с предложенной классификацией вызывает и утверждение, что «криминальный терроризм» вероятен в том случае, если преступная группировка имеет выраженный идеологический, этнический или религиозный характер. Ведь определение «криминальный терроризм» имеет смысл и в том случае, если в качестве субъекта рассматривать криминальные элементы общества, находящиеся в местах лишения свободы, при захвате заложников (обычно из представителей администрации) с целью побега, перевода в другое исправительное учреждение, привлечения внимания к своим проблемам и нуждам, а так же принятия иного судебного решения. Данный вид терроризма, даже если криминальные элементы будут утверждать, что действуют по политическим мотивам, никакого отношения к политическому терроризму иметь не будет.

Далее рассмотрим классификацию В.В. Лунеева. В настоящее время, по мнению этого авторитетного ученого, реальны следующие виды террористической деятельности:¹

1. Терроризм по политическим мотивам, совершаемый в виде убийств государственных и общественных деятелей, либо представителей власти;

2. Уголовный терроризм организованных преступных сообществ (внутренних и международных), направленный против государства и его представителей с целью помешать расследованию уголовных дел, воспрепятствовать ведению и продолжению жесткой уголовной политики, а так же имеющих целью ликвидацию активных сотрудников правоохранительных органов, принуждение судей к вынесению мягких приговоров.

---

¹ Лунев В.В. Терроризм: понятие, ответственность, предупреждение – http://crime.vl.ru/docs/stats/stat_62.htm.

3. Националистический терроризм сепаратистских сил, имеющий целью парализовать деятельность федеральных органов власти и достичь политической или экономической обособленности.

4. «Воздушный терроризм», совершаемый угонщиками самолетов путем захвата заложников для вымогательства денег, оружия, наркотиков и вылета в другие страны.

5. Международный терроризм, совершаемый путем убийств представителей иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений.

6. Религиозный;

7. Государственный;

8. Стихийный и организованный;

Что касается классификации видов (форм) терроризма, предложенной В.В. Лунеевым, то она также недостаточно полна. Вызывает удивление выделение «воздушного» терроризма в отдельный вид, так как возможны нападения и на другие виды транспорта.

Что касается технических аспектов рассматриваемой проблемы, то для организации и осуществления террористической деятельности важное значение имеет специфика пространственных условий, в которых совершаются террористические акты. По этому признаку традиционно выделяют три основных вида терроризма: наземный, воздушный и морской терроризм. При этом «с пока еще существующей во многих странах мира относительной «простотой» подготовки и осуществления актов воздушного терроризма, а также огромного психологического эффекта каждой конкретной акции этой разновидности терроризма, в обозримое время воздушный терроризм будет с высокой вероятностью занимать одно из лидирующих мест в террористической практике. Это обстоятельство вполне оправдывает отнесение мировым сообществом борьбы с ним к приоритетным направлениям своей защиты... для морского терроризма в большей степени характерен криминальный, а не политический аспект, что во многом объясняется сложностью подготовки и проведения таких акций.

Однако формирование крупных террористических структур, развитие между ними «международных» связей может привести к их расширению»¹.

И, наконец, В.В. Лунеев выделяет отдельно термин «уголовный» терроризм. Ю. Антонян по этому поводу замечает, что террористы вообще должны быть отграничены от остальных уголовных преступников: «конечно, терроризм уголовно наказуем, и в этом смысле террористы – по терминологии С.А. Эфирова – уголовники, но все же по существу это очень разные вещи».² Более точен В. Емельянов: «всякий терроризм – уголовный и никакого неуголовного терроризма не существует»³.

Анализ подобной тенденции позволяет уточнить следующие важные моменты: политический терроризм подразумевает преступные действия, совершаемые по политическим мотивам, но это вовсе не превращает эти преступления в некую политическую акцию. Тем более не может быть и речи о политической амнистии. Зачастую ореол самоотверженных политических борцов террористической деятельности пытаются придать силы, заинтересованные в их деятельности. Всякий терроризм есть зло, которому нет никакого оправдания. Поэтому политический терроризм должен восприниматься как политико-криминологический феномен, включающий в себя совокупность насильственных уголовно-наказуемых деяний, совершаемых субъектами политики.

Для более подробного определения политического терроризма необходимо рассмотреть два спорных вопроса. Первый касается такого фактора политического влияния, как национально-освободительное движение, которое использует террористические методы борьбы. Второй вопрос касается концепции «государственного терроризма», с которой обычно не соглашались развитые страны, и в первую очередь, США.

По первому вопросу примером может служить необъективная оценка

---

¹ Авдеев Ю.И. Типология терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Степанова Е.И. – М.: Эдиториал УРСС, - 2000. - С.71.

² См: Жалинский А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. - 1995. - № 4. - С. 22.

³ Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. - Харьков. - 1997. - С. 65.

рядом государств, в том числе и США, событий на Северном Кавказе по поводу «национально-освободительного движения», которое открыто использует террористические методы борьбы. Российские силовые структуры участвуют в антитеррористической операции в Чечне. Российские чиновники и политики в своем большинстве одобряют военные меры против чеченских боевиков. А чеченские «полевые командиры», в свою очередь, утверждают, что ведут борьбу за независимость и свободу республики Ичкерия. Тут наблюдается неоднозначная реакция мирового сообщества. В опубликованном Госдепартаментом США списке террористических организаций чеченские террористические группировки отсутствуют. Некоторые же мусульманские государства, в частности, Саудовская Аравия и Кувейт, заявили протесты в связи с прозвучавшими в их адрес со стороны России обвинениями в поддержке чеченских боевиков и использованием в приложении к боевикам терминов «ваххабизм» и «ваххабиты». Подобное необъективное, с нашей точки зрения, отношение ряда государств к данной теме усложняет не только проблему определения политического терроризма, но и борьбу с ним.

По второму вопросу, который касается понятия «государственный терроризм», то утверждение маститого терролога У. Лакера, что терроризм определяется как «применение или угроза применения негосударственного насилия»¹ вызывает большое сомнение. Если раньше под терроризмом подразумевались действия против политических деятелей или какой-то конкретной политической группы, то сегодня наблюдается так же и терроризм против общества или против государства (государств), осуществляемый хорошо организованными и технически оснащенными террористическими корпорациями, в том числе государственного и международного характера. Данный подход определяет этот вид терроризма как деятельность, поддерживаемую государством, как преднамеренную националистическую политику врага.

---

¹ Лакер У. Терроризм эпохи постмодернизма // США-ЭПИ. - 1997. - №2. - С.83.

Принятая сейчас в Евросоюзе формулировка определяет терроризм как «умышленную атаку человека или группы людей на какую - либо страну, ее институты или ее народ с целью их запугивания».¹ Как видно, понятия «государственный терроризм» в предлагаемом варианте нет. Вашингтон решает подобную проблему путем зачисления тех или иных государств в спонсоры терроризма. «США, - пишет по этому поводу Р. Винсент, - манипулирует проблемой терроризма для поддержания своей гегемонии, равно как в отношении друзей, так и врагов».² Для мусульманского же Востока первопричиной конфликтов является политика «государственного терроризма» соответствующих правительств.

Видно, что процесс выработки единого общепринятого определения политического терроризма затрудняет и нежелание некоторых государств связывать себя твердой формулой, способной создать препятствия для их скрытой от мира и собственного народа связи с террористической деятельностью. Настал момент, когда надо констатировать: государственный терроризм существует и, соответственно, имеют место изменения в представлении об объектах и субъектах политического терроризма, что так же должно быть отражено в определении данного феномена.

Далее в зависимости от объектов воздействия политического терроризма, субъектом которого выступает государство, надо различать внешнюю и внутреннюю направленность. В данном случае речь идет о внешней направленности, о террористической политике и практике государства за пределами страны.

Раньше государственный терроризм осуществлялся спецслужбами или спонсируемыми государством группами тайно и неизменно в политических целях, например: убийство одного из политических противников российского большевизма Л. Троцкого 20 августа 1940 года в Мексике по заданию НКВД СССР Р. Маркадером, а также организованные ЦРУ США в конце 50-х - начале 60-х годов прошлого столетия покушения на жизнь кубин-

¹ Мамаев Ш. Конфликт понятий // Эксперт. - 2002. - №14. 8 апреля. - С.77.

² Terrorism and International Order. - Middletown, Ct : - 1993. - P.5.

ского лидера Фиделя Кастро¹. С конца XX века это может быть насилие в отношении иностранного государства, иностранного правительства, международных органов с целью изменения их внешней или внутренней политики. Приходится констатировать факт использования террористических методов борьбы правительствами конкретных государств, например, правительством Израиля против палестинцев. Для этих целей существуют террористические группы, используемые государством или блоком государств для подрыва интересов политических соперников. Террористические группы, поощряемые государством, со временем разрастаются, становятся самостоятельными, автономными. Тут заслуживает внимание вывод Дж. Адамса, что большие террористические группы уже не нуждаются в поддержке государства².

Далее для универсального определения феномена «политический терроризм» необходимо более четко выявить ряд его отличительных признаков.

Первый признак – ведение вооруженных действий не против вооруженных сил противника, а против мирного населения, с целью оказать давление на политическую власть и элиту. Говоря другими словами, в войне для победы противник старается оккупировать вражескую территорию, при терроризме же нет территории, которую противник оккупирует.

Второй признак - конспирация и анонимность, тайная подготовка террористических актов.

Третий признак - терроризму часто присуща ориентация на сенсацию. Террористический акт – это зрелищное, драматическое по своей жестокости представление.

Четвертый признак - примитивная идеология. (Данный признак терроризма не распространяется на терроризм, когда его носителем выступает государство). В основном идеология терроризма выражена сравнительно узко по содержанию и реализуется средствами общественной психологии, религиозными постулатами и догмами. Для террористов вооруженная борьба ста-

¹ Раззаков Ф.И. Век террора: хроника покушений. - М., - 1997. - С. 340.

² См: Adams J. The Real Financing of Terror. – New York: Simon and Schuster, - 1986. - P.65.

новится важнее процесса идеологического обоснования. Американский ученый Р.Е. Рубинштейн считает: «менталитет терроризма основан на отказе от слов (агитации, убеждения) в пользу поступков (насильственных действий). Террорист интерпретирует насилие как средство коммуникации»¹. Хотя необходимо отметить, что сейчас прослеживается тенденция терроризма все больше использовать идеологическое обоснование своей деятельности, используя для этого, в первую очередь, Интернет.

Итак, к числу главных признаков, по которым следует оценивать политический терроризм в качестве негативного социально-политического явления, надо отнести: его общественную опасность, анонимность, нелегитимность, принуждение и устрашение.

Обобщая значимые теоретические разработки и артикулируя ряд отличительных признаков феномена политического терроризма, можно дать ему следующее определение: политический терроризм - это неожиданное, противоправное, умышленное нападение любого субъекта (будь то личность, сообщество, государство, международное сообщество) с применением насилия в любой его форме (или угроза его применения) с использованием любого вида оружия на любой объект (будь то личность, общество, государство, международное сообщество, материальные объекты, экологическая среда), который не является политическим противником субъекта, а является символической целью, воздействуя на которую субъект пытается влиять на политического противника, преследуя политические цели: принуждение правительства (правительств) или международной организации к исполнению или воздержанию от исполнения какого либо действия, а также для дестабилизации или разрушения основных политических, экономических (социальных) структур страны или международной организации.

Современный политический терроризм при этом несколько отличается от политического терроризма, который существовал в прошлые века. Ранее террористическая агрессия чаще была направлена именно на представителя

---

¹ Молодежный экстремизм / Под редакцией Козлова А.А. - СПб., - 1996. - С. 16.

политической власти, как на политического противника субъекта, т.е. объектом выступал представитель политической власти.

В конце XX - начале XXI в.в. большее распространение получил другой вариант, когда агрессия субъекта направлена на объект - символическую, непричастную цель, чтобы заставить политического противника пойти на уступки. Связано это с несколькими причинами. Во-первых, это усилившаяся охрана фигур значимого политического масштаба, во-вторых, возросшая жестокость терроризма, в-третьих, большая ориентация на зрелищный, драматический эффект.

Е.И. Степанов по этому поводу заключает: «вспомним известную сталинскую формулу: «нет человека - нет проблемы». Может ли она служить неким выражением принципа терроризма? никоим образом! Ибо если вы просто уничтожите человека - вы уничтожите или постараетесь тем самым уничтожить и проблему. А вот если вы не уничтожите человека средством применения к нему насилия, а заставите таким путем подчиняться себе, своим интересам, - здесь-то и начинается терроризм. Поэтому не в самом лишь устрашении конечная цель и конечный результат терроризма в конфронтации с противником (а всякий терроризм — выражение решительного и бескомпромиссного противоборства). Такой целью и таким вожделенным результатом для террориста выступает безоговорочное подчинение ему»¹.

Думается, тут есть один интересный момент, незаслуженно пропущенный исследователями. Террористическими можно назвать и такие действия при достижении политических целей, которым присуще стремление вызвать общественное возмущение, когда от страха перед следующим террористическим актом общество само начнет требовать от своего правительства уступок террористам (или возмущаться политическим курсом правительства, которое вызвало подобное бедствие).

Терроризм может выступать на различных уровнях, что позволило

---

¹ Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. - 2001. - № 5. - С. 7.

профессору У. Гори выделить следующие типы терроризма:¹

- международный терроризм (контролируемый каким - либо государством);
- транснациональный (не контролируемый государством, но действующий с позиции данной страны на территории другой страны);
- внутренний государственный (организуемый государственными органами страны на собственной территории);
- внутренний негосударственный (осуществляемый находящимися в меньшинстве политическими или чисто криминальными группировками).

Автор не согласен с формулировкой «международного терроризма» и считает более целесообразным:

- 1) выделить в отдельные виды международный и государственный терроризм;
- 2) уточнить, что внутренний государственный терроризм есть государственный террор;
- 3) учитывать процесс глобализации терроризма;

В итоге, рассматривая политический терроризм по уровню масштаба как по горизонтали, так по вертикали, можно выделить следующие типы политического терроризма:

1. Международный терроризм, (контролируемый международными террористическими организациями, осуществляемый на территории нескольких государств);
2. Государственный терроризм (контролируемый каким-либо государством, проводимый с участием государственных органов);
3. Транснациональный (не контролируемый государством, но действующий с позиций данной страны на территории другой страны);
4. Внутренний государственный терроризм, совершаемый государственными органами (государственный террор);
5. Внутренний негосударственный терроризм (осуществляемый нахо-

¹ Гори У. Выступление на международном коллоквиуме «Войны и мир в XX веке», организованном Французским Фондом оборонных исследований в декабре 1995г. // Дефанс насьональ. - 1996, апрель. - С.135.

дящимися в меньшинстве политическими группировками);

6. Глобальный терроризм (политическое преступление против всего мирового сообщества).

Термин «международный терроризм» возник в начале 90-х годов после принятия на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1984 г. резолюции «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государства, направленных на подрыв общественно - политического строя в других суверенных государствах». Несмотря на то, что в последнее время все чаще в документах, а также в литературе стали употребляться термины «международный терроризм» и «государственный терроризм», до сих пор единого мнения по поводу определения международного и государственного терроризма нет.

Необходимо более внимательно рассмотреть внутригосударственную форму политического терроризма, которая, в свою очередь, по субъектному признаку подразделяется на следующие виды:

- этнический терроризм;
- религиозно-политический терроризм;
- оппозиционный терроризм;
- революционный терроризм;
- национал-политический (шовинистический) терроризм;
- военный терроризм;
- индивидуальный терроризм.

Рассмотрим различие между названными видами политического терроризма, которое определяется характером субъектов террористической деятельности:

1. Этнический терроризм. Это организации этносепаратистского толка, преследующие политические цели: выход из этнофедеральной системы, либо расширение территорий автономии, получение особого статуса, изменение политической структуры государства.

2. Религиозно-политический терроризм. Это организации политико-

религиозного толка, преследующие сугубо политические цели, прикрывающиеся религиозными лозунгами, использующие в своих корыстных целях мобилирующий фактор религии. Сюда же можно будет отнести и религиозно-психологический терроризм, при условии, что религиозные фанатики в своем фанатизме дошли до стадии посягательств на политические структуры и политическую власть, стремятся к политическим изменениям в обществе.

3. Оппозиционный терроризм. Это оппозиционные власти политические партии (группы, организации), стоящие на позициях изменения политической системы. В общем плане синонимом данного вида выступает понятие «оппозиционный террор».

Что касается оппозиционного терроризма, то как социальное явление он появляется, когда слабейшая сторона не может одолеть сильнейшую с помощью обычных средств. Иными словами, это форма косвенной стратегии, к ней прибегают в случае возникновения очень сильного несоответствия между претензиями нескольких (двух или больше) сторон.

Субъекты оппозиционного терроризма: оппозиция, слабая сторона, оружием которого является террористический акт. Объект: политическая власть, правящий класс, любая более сильная сторона. Причина: сильный структурный дисбаланс между двумя или несколькими участвующими сторонами. Насилие, осуществляемое террористами, находится в прямой связи с ограничением социально-политических средств для достижения цели. Поэтому причинную обусловленность оппозиционного терроризма надо искать в конкретной юридической и социально-политической базе, на которой основано общество.

Тактика терроризма в оппозиционном терроре используется более или менее многочисленными группами, которые не в состоянии вести полномасштабную войну. Исследователи говорят в таком случае о «войне бедных». Но история гериллий не раз доказывала и тот факт, что при перемене соотношения сил эти группировки превращаются в регулярную народную армию, которая способна нанести противнику решающий удар (например, алжирский

Фронт национального освобождения в 50-х годах).

Оппозиционный террор может быть подлинным лишь в том случае, когда террористическая (кие) организация (организации) имеют характер довольно идеологизированной и структурированной общности политического, этнического или религиозного меньшинства.

4. Революционный терроризм (синоним «революционный террор»). Тут субъектом выступает антагонистический класс (или классы), использующие террористические методы борьбы за политическую власть.

5. Национал-политический (шовинистический) терроризм, субъектом которого являются экстремисты-националисты. Содержанием этого вида политической борьбы становятся террористические акты (или систематический террор), подогреваемый ненавистью и враждой к другим нациям и народностям (расизм и шовинизм). Примером может служить фашистский террор.

6. Военный терроризм (синоним военный террор). Это террористические методы борьбы, совершаемые на территории, где идут военные действия. Речь идет не о нарушениях обычаев и правил ведения войны, а о террористическом характере нападений на гражданское население, проводимое частями вооруженных сил.

7. Индивидуальный терроризм (синоним: индивидуальный террор). Субъект – отдельный индивид. Индивид совершает террористический акт (акты) по соображениям, перечисленным в предыдущих пунктах. В этом случае этот вид относится к политическому терроризму, так как индивид преследует определенную политическую цель, основанную на определенной идеологической (идейной) политической ориентации.

Главным отличием индивидуального терроризма служит то обстоятельство, что его субъект - не общность, а отдельная личность. Причем индивид может быть частью террористической организации как субъекта или может не иметь никакой связи ни с какой организацией и действовать индивидуально. Если террористический акт совершен единолично, но по соображениям идео-

логии той организации, которая подготовила этот теракт, то речь идет о идеологизированном состоянии индивидуума. Терроризм в этом случае выступает как форма социальной (девиантной по сути) активности одиночек, направленной против конкретных лиц.

Вместе с тем акты политического терроризма могут осуществляться самоубийцами-бомбистами, готовыми пожертвовать своей жизнью в интересах достижения определенной политической цели. При этом определяющим условием действий получившего специальную психологическую и военно-физическую подготовку террориста является его готовность умереть в процессе выполнения поставленной ему задачи. Подобное поведение в научной литературе получило название «суицидный терроризм»¹. Есть другой вариант, когда заставляют конкретную личность путем угроз совершить террористический акт. Изучение важнейших характерных признаков десяти потенциально готовых к акциям «суицидного терроризма» групп позволило ученым установить, что в принципе любая террористическая группа или организация имеет возможность применять «суицидный» метод.

Политический терроризм для достижения своих преступных целей использует следующие способы:

- убийства (массовые и индивидуальные);
- взятие заложников (с целью предъявления политических и экономических требований);
- угоны самолетов, а так же их использование как орудий «возмездия»;
- использование различных видов оружия;
- использование самоубийц – бомбистов («суицидный метод»);
- использование современных кибернетических, космических, информационных технологий, биоматериалов и т.д.

При этом способы террористической деятельности могут иметь вид насилия:

---

¹ См: Куршев М. «Суицидный терроризм» //Уголовное право. - 2002. - № 3. - С. 115.

- физического;
- экономического;
- экологического;
- информационного;
- морально - психологического.

Обозначая терроризм как тип политического поведения, Н.Я. Лазарев выделяет следующие направления политической борьбы террористических организаций:¹

- нарушение системы государственного управления с помощью политических убийств, шантажа, нагнетания страха;
- разрушение основ цивилизованной жизни и создания хаоса в функционировании систем связи и жизнеобеспечения, транспортных средств и т.д.

Следует добавить, что нарушение системы государственного управления может осуществляться также с помощью необъявленной войны или экспорта контрреволюции.

При этом политический терроризм следует понимать как один из методов политической борьбы, который имеет не тотальный или массовый, а наоборот локальный характер. Как метод борьбы политический терроризм отличается применением таких действий при достижении политических целей, которые превышают необходимую степень воздействия, независимо от используемых средств. Говоря же про методы, которые используются в самой террористической борьбе, то можно выделить следующие группы:

Первая группа методов предполагает насильственное воздействие с целью физической ликвидации лидеров политической организации противоположающей стороны. Если при совершении политических убийств террористам удается достичь поставленной цели (прекращения политической деятельности этого лица), то такой признак, как передача требований государству при совершении террористических актов не всегда предусматрива-

---

¹ Лазарев Н.Я. Терроризм как тип политического поведения // Социологические исследования. - 1993. - № 8. - С. 33.

ется.

Вторая группа методов предполагает насильственное воздействие на людской потенциал противоборствующей стороны.

Третья группа методов предполагает насильственное воздействие на материальную базу, экологическую среду, информационную среду и Интернет-технологии с целью заставить противника к принятию решений, выгодных террористам; дестабилизировать общественно-политическую обстановку.

Четвертую группу образуют методы морально-психологического давления на противоборствующую сторону, которое обычно проявляется после свершения террористического акта. Преследуется цель принуждения противника к тем или иным решениям посредством демонстрации готовности перейти к более ощутимым террористическим действиям.

Пятая группа методов политического терроризма носит организационный характер. Заключается данный метод в создании экстремистских организованных структур и придании их деятельности террористической направленности.

Представляя собой наиболее выраженную форму политического экстремизма, политический терроризм сигнализирует о наличии бескомпромиссной политической борьбы, о крайних средствах реализации политических целей, о желании добиться определенных политических сдвигов в обществе и политике преступными средствами, осуждаемыми законом и моралью.

Поэтому политический терроризм надо понимать как:

- политико- криминологический феномен;
- нелегитимный способ борьбы для достижения политических целей;
- тактика политической борьбы;
- продолжение политики насильственными средствами;
- один из методов политической борьбы;
- практический аспект политического экстремизма.

Рассматривая политический терроризм как одну из форм политического экстремизма, надо отметить, что в современной научной литературе, изданной как у нас в стране, так и за рубежом, очень часто наблюдается смешение этих понятий. Многие авторы идентифицируют их. Подобный подход можно увидеть у отечественных исследователей проблемы: В.В.Витюка, С.А. Эфирова¹, Е.Г. Ляхова, А.В. Попова², Л.А. Моджорян³, М.И. Непесова, В.Н. Сапрыкова⁴ и других. Это свидетельствует о неразработанности проблемы, наличии различных взглядов относительно ее содержания.

В энциклопедических словарях слово «экстремизм» поясняется как «приверженность к крайним взглядам, идеям и мерам»⁵. Политический экстремизм необходимо определять как специфичный метод в борьбе за политическую власть. Как пишет В.А. Мальцев, политический экстремизм является идеологией, политикой и практикой наиболее реакционных сил от ультраправых до ультралевых, которые в политической борьбе за власть придерживаются крайних мер и средств насилия, вплоть до уничтожения противника, «где наиболее опасным в современных условиях является националистический терроризм...»⁶.

Когда экстремисты переходят к нелегитимной тактике борьбы с целью насильственного изменения или подрыва общественно-политического строя, дестабилизации или свержении законных правительств суверенных государств, применяют насилие в отношении политических противников, а чаще против символической цели, преследуя психологическое давление на противника – подразумевается совершение террористических действий политического характера. И в таком понимании политического насилия речь идет о поли-

---

¹ См: Витюк В.В., Эфирова С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность.- М., - 1987. - С.315.

² Ляхов Е.В., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. - Ростов-на-Дону, - 1999. - С. 436.

³ Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительные движения // Государство и право. - 1998. - № 3. - С. 82.

⁴ Непесов М.М., Сапрыков В.Н. Современный терроризм: социальные истоки, цели, проявления. - М., - 1984. - С. 34.

⁵ См: Политология / Под ред. Перевалова В.Д. - М., - 1999. - С. 362.

⁶ Мальцев В.А. Основы политологии: учебник для вузов. - М., - 1997. - С.237.

тическом терроризме, как одной из форм экстремизма. При этом С.А. Грачев совершенно правильно замечает, что политический экстремизм «приобретает различные формы – от провокаций террористических группировок... до уносящих многие жизни преступлений политических авантюристов, превративших террор в инструмент государственной политики»¹. Из этого положения видно, что автор рассматривает крайние формы политического экстремизма в интервале от террористических акций оппозиционных преступных группировок до проявлений государственного террора.

Общим для политического экстремизма и для терроризма, как его крайней формы, является стремление к дестабилизации, уничтожению государственных структур а, в конечном счете, разрушению политической системы современного общества с целью установления нового политического порядка, основные черты которого характеризуют его как режим антидемократического, тоталитарного типа. Логично в этой связи предположить, что движения, использующие в своих действиях одинаковые средства (провокации, насилие и подстрекательства к насилию), стремящиеся фактически к одной цели (антидемократическому перевороту) и считающие своим главным политическим противником одни и те же социальные институты, будут заключать между собой соглашение по ряду вопросов и выступать единым фронтом.

Необходимо учитывать, что не все проявления заговорщических, повстанческих и экстремистских операций являются террористическими, поскольку политический экстремизм не всегда связан с использованием террористических методов борьбы. По словам Бояр-Созонович, терроризм «выступает скорее как крайняя форма, логическое, но не обязательное развитие экстремизма»². Тут требуется обстоятельный научный анализ вопроса - какую роль в исследовании политического терроризма может сыграть социально-психологический подход, позволяющий вскрыть скрытые механизмы влияния экстремистской идеологии на террористическую деятельность.

В научном мире недостаточно освещен и разработан вопрос, довольно

---

¹ Грачев А.С. Политический экстремизм. - М., - 1986. - С. 43.

² Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. - Киев, - 1991. - С. 28.

актуальный - связь экстремистского мировоззрения с террористической деятельностью. В основе политического экстремизма как идеологии лежит нигилистическое мировоззрение. Возможно, это и обуславливает агрессивность террористических групп. Терроризм является практическим выражением экстремистского мировоззрения, его крайним выражением, можно даже сказать продолжением. Вырастая из крайностей экстремизма, терроризм сам начинает расслаиваться на все более сложные и утонченные формы. Л. Скрыгин в книге о наиболее известных катастрофах на море «Последний SOS «Вальтурно» утверждает, что наслаждение дурным, лежащее в основе духовного экстремизма, может стать прологом к совершению серьезных преступлений террористического характера¹.

Если чаще всего политический экстремизм понимается как конкретные идеи, то политический терроризм надо понимать как деяние по достижению этих идей. Но сами по себе эти идеи не возникают - необходимы противоречия в обществе, в политике, поскольку не всеми такая идеология признается единственно верной. Отрицая всякое инакомыслие, пытаясь жестко утвердить свою систему взглядов, навязать ее любой ценой оппонентам и колеблющимся, политический экстремизм становится основой для проявлений терроризма. Экстремистская идеология формирует особый тип личности, склонной к экзальтации, потере контроля над своим поведением и готовой, в конечном итоге, на любые террористические акции.

В то же время неверно было бы утверждать, как это делают многие авторы, включая такого известного специалиста в данной области, как А.С. Грачев, что «терроризм - это социальная практика экстремизма»². У экстремизма имеется своя собственная практика. Отличие терроризма от этой практики заключается в том, что террорист доводит до логического конца то дело социальной дестабилизации общества, на середине которого останавливается экстремист. «Там, где экстремист швыряет камни, террорист начинает кидать бомбы. Там, где экстремист блокирует улицы, железнодорожные ли-

¹ См: Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. - 2002. - № 1. - С. 233.

² Грачев А.С. Политический экстремизм. - М., - 1986. - С. 146.

нии, автострады и взлетно-посадочные полосы, террорист берет заложников. Там, где экстремист угрожает смертью, террорист сеет смерть. Экстремизм вырастает из крайностей восприятия явлений общественной жизни, терроризм рождается из крайностей экстремизма»¹.

Предельно точно эта мысль выражена западногерманским автором Манфредом Функе в статье «Терроризм - попытка расследования вызова»: «Экстремист борется с системой, по отношению к центру которой он находится в крайней позиции, но еще с внутренней стороны границы системы. Экстремист еще всегда может вместо переворота хотеть изменения курса и стремиться только к ускорению эволюционных изменений. Экстремист в основе стоит по отношению к системе не на позиции революционера, уполномоченного на это своей совестью, а как противник правительства и определенной политической структуры, т.е. он стоит на позиции реформатора», в отличие от террориста, который прежде всего преследует цель разрушить, уничтожить, устрасить»².

Помимо экстремизма терроризм как социальное явление часто путают с радикализмом. Радикал (от латинского *radix* - корень) - сторонник коренных, решительных мер. По-видимому, стоит прислушаться к М. Функе, утверждающему, что хотя «радикал воплощает высокую степень интенсивной критики системы, однако не приводит свои аргументы в виде выстрелов, и, хотя он смотрит в корень «зла», он фетиширует его в своей теории, однако не участвует практически в политической борьбе»³. Следовательно, радикализм как социальная позиция не имеет ничего общего с терроризмом. Но если рассматривать радикализм в сфере социального действия, когда переходится грань, отделяющая активного критика системы от ее разрушителя, то правомерно будет утверждать, что террорист - это радикальный экстремист.

Таким образом, можно сделать вывод, что в связи с многочисленностью различных мнений о феномене терроризма, различного понимания политического терроризма как явления, что обусловлено сохраняющимися до сих пор

---

¹ Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма.// Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 6. - С. 211.

² Сборник переводов № 3/29-185. - М.: ВНИИ МВД СССР, - 1978. - С. 28.

³ Там же. - С. 28.

противоречивыми интересами участников международного сообщества, различных социальных групп в отдельных государствах, продолжает оставаться высокоактуальной проблема выработки общего унифицированного понимания политического терроризма. Это необходимо для создания эффективных международных и национальных систем борьбы с ним. Не менее важно в этих же целях преодолеть расширительный подход к феномену политического терроризма, в том числе за счет отнесения к нему всех допустимых форм социального протеста, борьбы за интересы государства, войны, партизанской борьбы, фашизма, борьбы больших или малых групп населения в экстремальных условиях (например, в условиях оборонительной войны и т.п.).

Процесс классификации любых явлений, в том числе террористической направленности, всегда имеет элемент условности. Такое состояние связано с наличием многочисленных факторов, влияющих на содержание этих проявлений. В зависимости от условий их совершения, целенаправленности действий субъекта, поведения объекта насильственного воздействия это содержание может приобретать новые черты, элементы, менять свою направленность. Феномен терроризма является более гибким, чем все существующие системы оценок.

1.2. Политический терроризм

и другие виды политического насилия: грани соотношения

Разработка понятийного аппарата в области изучения насильственных посягательств политического характера в настоящее время является незавершенной, достаточно явно проявилось отсутствие четких критериев дифференциации политического терроризма от других видов политического насилия. Перед учеными-террологами стоит задача отработки предельно ясных критериев классификации насильственных антиконституционных посягательств, разграничения их с учетом содержания, основной направленности, субъектов и объектов этих посягательств.

Для объективного познания политического терроризма и других видов политического насилия необходима концептуальная модель для научного сравнения этих явлений. Автор предлагает следующие элементы схемы анализа:

- субъекты и объекты процесса применения крайних форм политического взаимодействия;
- цели насильственных проявлений;
- методы и средства, применяемые для достижения поставленной цели.

Начнем с того, что история мотивированного политического насилия уходит в века. Большинство выдающихся философов, политологов и социологов, все выдающиеся мыслители так или иначе обращались к теме насилия в политической борьбе, предлагали свои методы борьбы с ним, высказывали свое отношение к участникам конфликтов.

Одну из самых ранних известных истории террористических группировок составляли сикарии, прекрасно организованная секта, действовавшая в Палестине в 66-73 гг. н.э. Источники немногочисленны и противоречивы. Их можно считать экстремистски настроенными националистами, про которых в Советской исторической энциклопедии читаем: «они выражали интересы самых обездоленных социальных низов, выступали наиболее неприми-

римыми и последовательными борцами против римского господства и социально-политического гнета собственных имущих классов»¹. Противоположную оценку, ссылаясь на того же И. Флавия, дает сикариям У. Лакер: «Это были самые обыкновенные корыстные разбойники, которые управлялись иноземными силами и использовали призывы к справедливости для прикрытия своих неблагоприятных целей»².

Необходимо сразу отметить, что подобная полярность оценок в отношении террористических актов и субъектов терроризма прослеживается на протяжении всей истории человечества вплоть до наших дней.

Еще Платон и Аристотель исходили из оправданности насилия, используемого в политических целях. Из сочинений Платона, Аристотеля, Цицерона черпали свои доводы Фома Аквинский и Иоанн Солсберийский, которые в XII – XIII веках философски научно обосновали правомочность политического убийства подданными. Французские философы-просветители XVIII в. (Ж.Ж. Руссо, Д. Дидро и др.) считали, что народ должен уничтожать негодных правителей и это будет воплощением идей равенства и братства. В XVII-XVIII веках идею политического насилия пропагандировали знаменитый поэт Дж. Мильтон, драматург В. Альфиери и др. В 1849г. появилась статья Карла Гейнца «Убийство». В ней Гейнцен обосновал неизбежность насилия, отвергал понятие морали и провозглашал правомерность террора в борьбе за достижение политических целей. «К. Гейнцен был первым, кто обосновал законченную доктрину современного террора»³, - пишет крупнейший исследователь терроризма У. Лакер. Сторонником террористических методов борьбы является и И. Мост, один из теоретиков анархистского движения XIX в. (течение «динамитчиков»). И. Мост придавал террористическому акту большое значение, им сформулирован принцип так называемого «эффекта эха», согласно которому каждый акт терроризма находит своих подражателей и вызывает цепную реакцию, способную привести к

¹ Советская историческая энциклопедия в 16 т. Т. 12. - М., - 1969. - С. 89.

² См: Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений. - Минск: Харвест, - 2000. - С. 373.

³ См: Морозов Г.И. Международный терроризм // США. - 1997. - № 11. - С. 66.

взрыву и уничтожить «прогнившее общество»¹.

Первые террористические организации носили в большей мере романтическую окраску борьбы за достоинство и свободу личности. Террор, например, зачастую оправдывался тем, что он якобы открывает путь к господству социальной справедливости и всеобщему благосостоянию. Здесь возникает проблема оценки, проблема допустимости. Кто должен решить, оправданно ли в данном конфликте применение крайних форм борьбы, целесообразно ли это применение? Если обратиться к одной из бывших ведущих парадигм мира - теории марксизма, то у Ф. Энгельса читаем: «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»².

И. Кант не без основания говорил, что история в целом никоим образом не свидетельствует о человеческой мудрости, скорее, она летопись человеческого несовершенства, безумия, тщеславия и порока. И. Кантом был обнародован в 1795г. проект «Вечного мира», где выдвигались возможные пути устранения из жизни человечества политического насилия. Кант, в частности, утверждал, что распространение республиканской формы правления ознаменуется наступлением эры международного мира³.

Но именно на волне Просвещения на Западе и был открыт новый мощный метод воздействия на мысли и поведение граждан – политический террор, который, как вид политического насилия, существует до сих пор.

Понятие террор (terror с латыни значит страх, ужас), ввел ещё Аристотель для обозначения особого типа ужаса, который овладевал зрителями трагедии в греческом театре. Это был ужас перед небытием, представленном в форме боли, разрушения, хаоса. Даже считается, что осмысление террора как разновидности театра породило ритуал суда, побеждающего террор через закон.

Первопроходцами доктрины превращения страха в орудие политиче-

---

¹ Буянов М. Психиатры и политика. - М., - 1996. - С. 39.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. - С.76.

³ См: Гаджиев К.С. Введение в геополитику. - М.: Лотос, - 1998. - С. 366, 372.

ской власти стали якобинцы. Термин террор стал широко употребляться во время буржуазной революции 1789-1794гг. Робеспьер в Конвенте 5 февраля (18 пловиоза) 1794 г. дал следующее определение избранному им методу: «Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, следовательно, он является проявлением добродетели»¹. Для создания массового страха новое государство пожертвовало собственным образом гаранта права, отныне государство само организовывало «стихийные» погромы тюрем с убийством политических заключенных. Политический смысл слова «террор» Марат сформулировал следующим образом: «завоевание или удержание власти путем устрашения общества»².

Чуть позже, в 1798 году словарь Французской Академии наук определит террор как «систему страха». В Великобритании он получит несколько иное название: «правление ужаса». В настоящее время дословный перевод раскрывает не все понятие, а лишь его прямое следствие на эмоциональном уровне. Со временем в понятие террор стали вкладывать не столько значение прямого следствия насилия, сколько сам процесс, который вызывал страх и ужас. В таком понимании термин дошел до наших дней и определить, когда понятие террор стало означать не результат насилия, а сам его факт и весь комплекс связанных с ним причин и следствий, уже не представляется возможным.

С конца XVIII и в течение XIX вв. понятием террор обозначались и открыто насильственная форма государственной диктатуры, и политика разовых политических покушений. Позже это понятие применяли также по отношению к репрессиям, осуществляемым в ходе войн, и к самим войнам.

До сих пор понятие «террор» часто используется как равнозначное понятию «политический терроризм». Толковый словарь С.И. Ожегова предлагает следующее определение террора: «Устрашение своих политических противников, выражающееся в физической насильии вплоть до унич-

---

¹ Робеспьер М. Революционная законность и право. Статьи и речи. - М., - 1959. - С. 210.

² Там же. - С. 194.

тожения»¹. В литературе можно встретить следующие определения террора: «Преднамеренное уничтожение мирного населения и объектов невоенного характера (жилых домов, предприятий гражданского назначения, скота, посевов и пр.) в ходе любого вооруженного конфликта и любой стороной, в том числе обороняющейся за национальную независимость, против оккупантов и пр., есть террор»². Как видно, авторы перечисленных определений прибегают к подмене террора терроризмом, отталкиваясь от субъективного признака явления, что нельзя считать правомерным.

Субъектом государственного террора является государство, политическая власть. Объектом является собственный народ (политическая оппозиция) или народ на захваченной, оккупированной территории. Государственный террор подразумевает основательную идеологическую подготовку, так же, как и война, фашизм или революционное насилие и опирается на политику репрессий. Репрессия (от латыни *repressio* – подавление) – обозначает принудительные меры, применяемые государственными органами в отношении отдельных граждан, групп населения, наций, народностей, этнических групп. По этому поводу У. Лакер справедливо заявляет: «...никто не будет утверждать, что государственные репрессии принесли меньше страданий и бедствий, чем современный терроризм»³.

Репрессии могут проводиться как в отношении граждан своей страны, так и в отношении граждан на оккупированной территории, например, карательные меры без суда и следствия, жесткая политическая диктатура и систематическое насилие, сопровождаемое репрессиями и террористической практикой. При этом террор со стороны государства так же, как и террор, используемый в ситуации полномасштабного военного конфликта, обуславливается недостаточностью и неэффективностью более конвенциональных средств для достижения политических целей или поддержания определенного установленного порядка.

---

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., - 1995. - С. 221.

² Кива А.В., Федоров В.А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. - 2003. - №1. - С.131.

³ Laguer W. The Age of Terrorism. Boston: little, Broun, - 1987. - P. 6

Когда речь идет о репрессивной политике государства, с понятием «террор» логично ассоциируются близкие понятия, такие как «политика террора», «массовый террор», «тотальный террор», «сталинский террор», «фашистский террор».

Поэтому для начала государственному террору уместно противопоставить негосударственный террор. Негосударственный террор (и оппозиционный и индивидуальный террор) вызваны к жизни идеологией, в основании которой лежит фундаментальная и догматизированная концепция относительно абсолютной нелегитимности того строя, внутри которого пребывают представители альтернативной политической силы. Речь идет о длительном и систематическом применении оппозицией политики терроризма, т.е. политики применения террористических методов борьбы. При этом терроризм не есть идеология. Это, прежде всего, тактика борьбы, используемая движениями самого разного толка. И общее между террором и фашизмом - расизм, только в терроре не антропологический расизм, а классовый, духовный, идеологический. Речь идет о манихейском понимании социальной реальности, когда мир жестко делится на два лагеря: кто не с нами, тот против нас.

Обобщая теоретические разработки, касающиеся разграничения понятий «террор» и «терроризм», необходимо подчеркнуть, что понятия «террор» и «терроризм» остались взаимозаменяемыми, хотя с конца прошлого века постепенно обособляются друг от друга и в настоящее время применяются только для характеристики определенного вида политической борьбы.

Понятие «террор» закрепилось за репрессивными действиями государственного аппарата, так же в общем плане обозначает террористическую политику, применяемую оппозицией, при обособлении от других видов политического насилия.

Насилие – неотъемлемая сторона всей человеческой истории. Политика же издавна связывается или даже отождествляется с насилием. При этом легальное политическое насилие может осуществлять только государство. Легальное политическое насилие отличается от нелегальных форм организо-

ванностью, широтой, систематичностью и эффективностью применения. К легальному политическому насилию, кроме государственного террора, относятся и война.

В то же время в XX веке война приобрела тотальный характер, сопровождалась уничтожением не только живой военной силы и военной машины противника, но также его людских резервов и производственно–хозяйской инфраструктуры, почему и стала ассоциироваться с понятиями террор и терроризм. Поэтому сегодня особое внимание должно уделяться рассмотрению политического терроризма в «парадигме войны». Это довольно сложный и спорный вопрос, касающийся многих научных дисциплин: конфликтологии, политологии, социологии, психологии и т. д.

Несмотря на то, что в современной научной литературе проблема применения вооруженного насилия занимает приоритетное место, но как в нашей стране, так и за рубежом часто происходит преднамеренное смешение понятий терроризм и война. Это можно объяснить тем, что ведущим является заинтересованный идеолого-патриотический или национально-религиозный подход в объяснении терроризма и войны. В большой мере сказывается одно-сторонность оценок, его сопряженность с национально-государственными интересами. И война и терроризм излагаются одной из противоборствующих сторон в выгодном для каждой из сторон свете.

На актуальность и необходимость разграничения понятий «война» и «терроризм» указывают ряд отечественных и зарубежных исследователей. Из отечественных ученых наиболее активно поднимают этот вопрос В.В. Устинов, Б. Каверин, О. Бельков и другие. Из зарубежных исследователей наиболее глубоко исследуют эту проблему Р. Лукамбо, Х.Э. Фукуа, Дж.П. Кенджами, К. Ковальтски.¹

Все ученые сходятся во мнении, что сами террористы и их сторонники часто называют свои действия «справедливой тактикой войны против тира-

---

¹ См.: Лукамбо Р., Фукуа Х.Э., Кенджами Дж.П., Ковальтски К. Терроризм: психологические и политические аспекты // file: // A:\ article. htm; Boaz Ganor. Defining Terrorism: Is One Man's Terrorist Another Man's Freedom Fighter? // http: // www. ict. org. il / articles; Boaz Ganor. Countering State- Sponsored Terrorism // http: // www. ict. org. il / articles / articledet. cfm? articleid = 5.

нического режима»¹. В.В. Устинов отмечает, что при этом «нормы международного гуманитарного права тяготеют к односторонности. В то же время различными группировками, в том числе и террористической направленности, военная тактика и ситуация вооруженного конфликта используется для облегчения достижения преступных целей. При этом любое (намеренное или непреднамеренное) отклонение государственных сил от закона ведения войны незамедлительно пропагандируется противной стороной, не считающей себя связанной какими-либо обязательствами»².

В подготовленном Интерполом «Руководстве по борьбе с международным терроризмом» содержится ограничительная оговорка, предусматривающая участие этой организации в борьбе с теми актами насилия, которые совершаются вне зон конфликтов и не являются акциями военного характера. Того же мнения Генеральный секретарь Международной Ассоциации уголовного права Ш. Бьюссони: «Нарушение законов вооруженных конфликтов не является предметом международного права мира»³. Между тем именно международное право мира регулирует вопросы борьбы с современным терроризмом. Очевидно стремление международного сообщества не допускать распространения понятия «терроризм» на международные вооруженные конфликты, хотя это также имеет значение для правового регулирования борьбы с терроризмом.

Подобная практика, как в науке, так и в правовой области недопустима и чревата далеко идущими последствиями. Данный вопрос требует отдельного дифференцированного глубокого исследования в силу того, что разграничение терроризма и насилия, применяемого в ходе вооруженного конфликта как международного, так и немеждународного характера, имеет принципиальное значение.

Примером могут служить события в Чеченской Республике. Так, если в

---

¹ Wauqh W.L. International Terrorism: How Nations Respond to terrorists. Documentary publications. Salisbury. N. C., USA, - 1982. - P. 1

² Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. - 2003. - № 3. - С. 13.

³ Эпштейн В.А. Терроризм: проблема определения понятия – [http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2001/issue2/vest2...6\[1\].htm](http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2001/issue2/vest2...6[1].htm)

1991-1994 г.г. события в Чечне в основном оценивались в плане криминальной ситуации, деятельности незаконных вооруженных формирований и борьбы с ними, то с декабря 1994 года, как справедливо замечает А. И. Долгова, акценты сместились и стали употребляться категории войны и мира¹. Основная направленность правовых актов 1995-1996 гг.- не борьба с преступностью и с терроризмом, а прекращение боевых действий. Все это удачно использовали чеченские террористы для борьбы с самим фактом использования федеральных вооруженных сил.

Отечественные исследователи по этому поводу правомерно отмечают, что точная правовая оценка ситуации в Чечне, сложившейся в 90^{-х} годах XX века, до сих пор не дана. Вызвано это отчасти и несогласованностью в среде российской научной общественности. Такая неопределенность активно используется противниками федерального центра для обоснования правомерности своих политических претензий и применяемых для их реализации методов. Трактую происходившее как «борьбу за независимость» и «международный вооруженный конфликт» и заявляя о международной правосубъектности Ичкерии, лица, применявшие террористические методы для достижения своих целей, одновременно апеллировали к мировому сообществу, чтобы последнее констатировало нарушение международно-правовых стандартов и оказывало на Россию давление.

Необходим нейтральный по отношению к войне или терроризму субъект оценки. Такими субъектами могут выступать ООН и другие международные институты и органы. Но и их отношение к объекту познания, особенно к конкретным войнам и террористическим действиям, не всегда оказывается объективным и бесстрастным. Часто преобладает позиция, характеризующаяся определяющим воздействием на объяснение войны и терроризма тех субъектов, которые вносят основной вклад в финансирование данных институтов и движений.

Во-первых, не существует единого мнения по поводу того, считать ли

---

¹ Долгова А.И. Преступность в России и криминологические проблемы власти // Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. - М., - 2000. - С. 20-21.

политический терроризм продолжением политики насильственными средствами. Например, авторитетный ученый О. Бельков считает, что «есть серьезная натяжка в определении терроризма как продолжении политики насильственными методами»¹.

Представляется, что более прав автор одной из немногих научных работ по данной теме, которая так и называется «Терроризм и война: общее и различия» Б. Каверин, когда пишет: «Оба явления существуют в сфере политики, и терроризм и война означают продолжение политики конкретных субъектов средствами вооруженного и других форм насилия. Террористы в Чеченской Республики Российской Федерации преследуют политические цели, используя, прежде всего, вооруженные средства борьбы. Террористы Бен Ладена также ведут политическую вооруженную борьбу. Участники Второй мировой войны преследовали в первую очередь политические цели. Конкретные цели и программы терроризма или войны могут меняться, иметь различную идеологическую интерпретацию, религиозную, этническую или региональную окраску, но все они политически ориентированы»². Говоря другими словами, война и политический терроризм – крайнее средство реализации субъектами своих политических целей с использованием насилия.

Цель насилия – один из базовых критериев уточнения, понимания и разграничения терроризма и войны. Это важное оценочное суждение, недооценка которого будет давать размытое представление о терроризме, которое мало чем будет отличаться от других видов агрессии. Во избежание такого рода отождествления необходимо разграничить и проанализировать подлинную сущность явлений. Необходимо учитывать, что именно в том или ином насильственном действии выступает главным, приоритетным и доминирующим.

Во-вторых, недостатком многих исследований является отсутствие четкости в определении форм и методов насильственных вооруженных дей-

---

¹ Бельков О. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - № 4. - С. 218.

² Каверин Б. Терроризм и война: общее и различия // Власть. - 2002. - № 5. - С. 11.

ствий, относящихся к категории продолжения политики субъектами; в указании объектов, на которые направлена агрессия. Следует обратить внимание, что в терроризме субъектами могут выступать индивид, группа, партия, организация, правительство и т.д. по сравнению с войной, где субъектами могут выступать государство (коалиция государств) или класс (классы).

Б. Каверин различает следующие признаки войны:¹

Первый признак - война означает наличие военных сил (армии) используемой в боевых действиях. Вооруженные силы (армию) вправе создавать только государство (коалиция государств). Армия может использоваться для нападения на территорию другой страны (стран) государством (странами) или для выполнения задач отражения агрессии врага (врагов), т.е. для выполнения задач обороны (обеспечения национальной безопасности). Вооруженные силы, не участвующие в боевых действиях, имеют постоянную потенциальную готовность продолжать политику государства (коалиции государств) насильственными средствами как внутри страны, так и за ее пределами.

Никакой другой субъект не вправе создавать и использовать вооруженные силы для ведения военных действий. Исключением может быть случай, если вооруженные силы созданы полярными силами на территории одного и того же государства и используются для продолжения классовой политики средствами вооруженного насилия (гражданская война). (Особняком стоят наличные у государства полулегальные военизированные образования, созданные для борьбы с политической оппозицией для осуществления террора на территории собственной страны. По иностранным данным, от организованного государством террора против членов этнических и политических групп погибает больше, чем от всех других смертоносных форм насилия. В среднем каждое десятилетие со времен окончания Второй Мировой войны от рук государства погибало от 1,6 до 3,9 млн. безоружных гражданских лиц.²)

Идентифицировать эти военизированные группы необходимо с дейст-

---

¹ См: Каверин Б. Терроризм и война: общее и различия // Власть. - 2002. - №5.

² См: Исследование международных конфликтов // Международный журнал социальных наук. - 1991. - № 3. - С. 128.

вующей регулярной армией, а полулегальное действие объясняется широким общественным резонансом, вызываемым их действиями.

Второй основной признак войны обозначает использование государством (государствами), классом (классами) вооруженных сил (армии) или в полном объеме или большей их части. Использование меньшей части не составляет признак локального конфликта или ситуативных военных действий. Таким образом, для обозначения военных действий как войны необходимо полномасштабное использование вооруженных сил. При этом война ведется непрерывно, хотя и с большей или меньшей активностью боевых подразделений армий. Терроризм же проявляется спорадически, а вооруженные формирования террористов сложно выявить даже после начала террористической акции.

Третий основной признак войны - явно выраженные фронт и тыл. Терроризм не имел в прошлом, и не имеет сегодня этого признака. Образно выражаясь, терроризм нигде, но он везде. Исключение составляют государственный террор и война, имеющая террористическую направленность. Исключение может составить международный терроризм, если будет преследовать человеконенавистническую политику и использовать оружие массового поражения. Единственное, что сегодня можно утверждать в этом плане – в будущем все войны будут носить террористическую направленность. Они не будут иметь явно выраженных фронта и тыла.

Четвертый основной признак войны - война обозначает наличие вооруженной борьбы между государствами или между классами средствами вооруженного насилия.

Террористы также, как и в войне военные, используют боевую технику, вооружение и даже более мобильны при использовании запрещенных видов оружия, хотя справедливости ради надо отметить, что если использовать в войне вооруженные силы в полном объеме, то передовая армия имела бы несомненное превосходство над террористическими формированиями.

Пятый признак войны - в войне субъекты стремятся к победе над вра-

гом. Террористы тоже стремятся к победе над врагом. Только в слово «победа» включается разный смысл. В случае войны – это полная капитуляция врага, подчинение одного народа другому, уничтожение народов или их ограбление; захват чужой территории и пересмотр границ, изменение сфер влияния и т.д. Можно подразумевать слово «победа» при сохранении конституционного строя; защите граждан, культурных и материальных ценностей Отечества, отражении нападения агрессоров и т.д. Допускается, что и эти благие намерения могут достигаться с применением террористических методов борьбы против захватчиков. Тем более нельзя отрицать наличие террористических методов борьбы при подчинении одних народов другим, при захватнической, экспансионистской войне. Но, даже включая в себя элементы терроризма, в войне стремятся к полному подчинению или уничтожению противника. В случае же терроризма – не столько важна победа над врагом – важна степень психологического воздействия на врага, политическое давление на него, его политическая парализация.

В войне можно предположить тайное начало подготовки, скрытое сосредоточение сил, стремление внезапно использовать новое вооружение и образцы военной техники, изобретение все новых и неожиданных способов ведения боя, которые до поры-до времени сохраняются в тайне и т.д. Но в войне многие процессы открыты и контролируются, происходят под пристальным вниманием мировой общественности. Успех же терроризма напрямую зависит от меры скрытности подготовки и внезапности, неожиданности нападения. Терроризм рассчитывает на психологический эффект. Получается, что война – более широкое явление как по элементному составу, так и по масштабам. Поэтому в терроризме вооруженные формирования не являются армиями по их сущностной характеристике; они выявляются с началом террористической атаки, и то частично, основная часть всегда тщательно законспирирована. Вследствие этого, терроризму не присущи такие элементы войны как дипломатическая, экономическая борьба, экономическая блокада и др. И не потому, что терроризму присущи однообразные спо-

собы и формы проявления, а потому, что такие способы и формы разоблачат террористов, уничтожат главную сущность и преимущество терроризма – внезапность и анонимность. «Войны, в том числе и гражданские, - писал более четверти века тому назад известный терролог У. Лакер, - во многом носят достаточно предсказуемый характер, они происходят, что называется, средь бела дня, противоборствующие стороны и не думают окутывать себя и свои действия ореолом тайны. Даже гражданская война соблюдает те или иные правила, в то время как главные признаки терроризма - анонимность и отрицание каких бы то ни было норм»¹.

Вместе с тем акты политического терроризма могут осуществляться не только одним лицом или полулегальными и нелегальными группами, но и официально зарегистрированными политическими, национальными или религиозными группами.

Если терроризму часто присуща ориентация на сенсацию, то подобная цель во время войны не преследуется, если, конечно, война не носит открыто террористический характер.

Во время войны каждая противоборствующая сторона, независимо от характера войны (освободительная или захватническая) осуществляют концептуально и последовательно идеологическое обоснование войны, т.е. в войне акцентируется внимание на идеологической составляющей. Идеология терроризма выражена сравнительно узко по содержанию и реализуется средствами общественной психологии, религиозными постулатами и догмами..

В чем же заключается основное различие между терроризмом и войной, между этими двумя, казалось бы, одинаковыми продолжениями политики насильственными средствами? Ведь можно с полным правом утверждать: всякая война несет в себе элемент терроризма; всякий терроризм несет в себе элемент войны.

Кардинальное различие в том, что на один и тот же вражеский объект в терроризме и войне субъекты воздействуют по-разному. В случае войны

---

¹См: Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. - Минск: Харвест, - 2000. С.366

агрессия субъекта направлена на живую силу противника, для выведения ее из строя, на разрушение военных объектов, лишения противника физической возможности сопротивляться, защищать свои интересы, ценности, идеалы. Во время войны осуществляют операции главным образом для уничтожения противника, неизбежные при этом жертвы не являются целью. В войне вооруженное давление субъекта на объект оказывается путем вооруженного наступления на специально подготовленную для такого возможного действия вооруженную силу (армию), предназначенную защищать данный объект. В терроризме же давление субъекта на объект оказывается путем внезапного нападения на неподготовленную часть общества – гражданское население. В этом автор усматривает и элемент фашизма. Если фашисты уничтожали по расовому признаку, то террористы уничтожают по признаку граждан той стороны, с политической элитой которой они борются.

Но в современных условиях все войны становятся массовыми и террористическими: боевая операция, направленная против мирного населения на вражеской земле – обыденный факт, атрибут военных действий. Одновременно сам терроризм, по выражению некоторых исследователей – стал войной особого рода. Как пишет «Вашингтон пост», она идет на смену горячей и холодной войнам и представляет собой войну без фронтов, без армий, без правил; война, в которой оружием может стать любой пассажирский самолет, а мишенью – любое здание в любой точке мира¹.

К этому можно добавить, что субъекты терроризма будут предпринимать неклассические военные действия, которые будут превосходить обычные военные действия по масштабам жертв и разрушений. Поскольку при применении террористических методов борьбы террористы не стремятся оккупировать территорию противника, трудно определять рамки подобных войн во времени и пространстве. Применение в ответ армейских сил будет малоэффективным, так как армия применяется на поле боя против ясно видимого и четко выделяемого врага. Это будут войны высоко изощренных в

---

¹ Цит. по: Коммерсантъ. - 2001. - 13 сентября.

жестокости политиков – интеллектуалов.

Более полувека назад выдающийся отечественный военный теоретик Е. Месснер предвидел подобное развитие политических методов борьбы. Новый тип войны, с которым придется столкнуться человечеству, он назвал мятежной. Для них, считал Месснер, будет характерно отсутствие линии фронта, высокая рассредоточенность сил и средств, вопиющая жестокость и отрицание каких бы то ни было норм при нанесении ударов¹.

Именно поэтому различать терроризм и войну становится все сложнее. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что если наблюдается:

- 1) со стороны страны-агрессора односторонняя трактовка международных положений о правилах, законах и обычаях войны;
- 2) нарушение государством–агрессором норм международного права;
- 3) игнорирование страной–агрессором непреложных принципов гуманизма и основ сохранения планетарной цивилизации

- то во всех этих случаях речь идет о террористической войне, или войне, имеющей террористический характер.

Достичь своих целей терроризм не может с помощью войны, а война часто используется для реализации террористических целей. Таким образом, не столько в терроризме имеет место война, сколько в войне имеет место терроризм. Более того, агрессивная, противоправная, несправедливая война должна рассматриваться как проявление терроризма. В данном соотношении терроризм как бы накладывается на содержание войны, выступает ее существенным признаком.

Последнее время часто встречается словосочетание «террористическая диверсия», когда речь идет о террористическом акте. Что касается различия между политическим терроризмом и военными диверсиями, то надо отметить, что это вольное употребление слова «диверсия», так как военные диверсии направлены для уничтожения военного противника, т.е. отсутствует один из главных признаков терроризма – направленность агрессии на симво-

¹ См.: Бельков О. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - № 4. - С. 237

личный, невиновный объект.

Далее необходимо дифференцировать терроризм и партизанское движение. Партизаны прибегают к насилию для того, чтобы уничтожить конкретного врага и дислоцируются в определенной местности. Цель – наносить вражеской стороне удары по живой силе, по военным целям, по вражеской технике. Для партизанского движения, также как и военным действиям, непосредственные человеческие и материальные жертвы не нужны, их интересуют военные цели для нанесения неприемлемого ущерба противнику.

Партизаны – в международном праве - лица, не входящие в состав регулярных вооруженных сил воюющей страны, добровольно сражающиеся за свободу и независимость своей родины в составе организованных вооруженных формирований на территории, захваченной противником. Правила партизанской войны закреплены в ряде общепризнанных международных документов, в частности в 4–й Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (1907г.) и приложении к ней, а также в Женевских конвенциях о защите жертв войны (1949г.) и дополнительных протоколах к ним (1977г.).¹

Партизаны признаются комбатантами, если соблюдают следующие основные условия: имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; имеют явственно видимый отличительный знак; открыто носят оружие; уважают законы и обычаи войны. Дополнительный протокол №1 к Женевским конвенциям (1949г.) конкретизирует некоторые из этих условий. Уточняется, что в целях усиления защиты гражданского населения партизаны должны открыто носить оружие во время каждого военного столкновения, а также в то время, когда они, находясь на виду у противника, развертываются в боевые порядки.

Учитывая то, что часто практикуется совершение террористических актов, сочетаемых с методами партизанской войны (как, например, в Чечне), необходимо проводить четкий дифференцированный подход к насильственным актам, совершаемым под флагом национально-освободительной борьбы.

---

¹ Большой энциклопедический словарь. Т. 19. - М., - 1975. - С.232.

Научный анализ позволяет выделить две категории подобного рода. Первая – национально-освободительное движение, организующее и осуществляющее нападения на правительственные объекты колониальных режимов, представителей оккупационных властей, их военные отряды и т.п. Вторая категория – террористы, совершающие бессмысленные по жестокости акты в отношении ни в чем не повинных людей, совершаемые со стороны лиц, заявляющих о своей принадлежности к тому или иному национально-освободительному движению. Как правило, в результате этих действий «колониальный» или «оккупационный» режим свергнуть не удастся, так как объектом посягательства являются частные лица. Далее для партизанских движений агитация и пропаганда являются важнейшей деятельностью, партизаны потому и берутся за оружие, чтобы обеспечить себе возможность – открыто воевать и беспрепятственно разъяснять свои идеи в условиях, когда наделенная государственной властью противоположная сторона отвергает саму возможность свободной борьбы идей и отвечает террором. Для террористов, напротив, именно вооруженная борьба и насилие, иной раз и немотивированное, становятся важнее процесса идеологического обоснования. Террорист – это разрушитель, сознательно определивший свой образ жизни и стиль поведения на много лет вперед. В этом видится определенное отличие чеченских террористов от партизан, ведущих борьбу, подобно колумбийскому «М19» или сальвадорскому фронту национального освобождения имени Фарабундо Марти.

Чтобы квалифицировать акт насилия в качестве акта терроризма, помимо места совершения деяния целесообразно учитывать в каждом случае его цели и непосредственные объекты.

Особую роль при исследовании политического терроризма может сыграть разграничение терроризма и фашизма, учитывая, что между этими явлениями часто ставится знак равенства. Фашизм как общественный феномен – явление весьма сложное, не сводимое к одной модели, не охватываемое ко-

ротким определением, и которое позорным пятном запятнало историю развития человеческой цивилизации.

Фашизм - идейно-политическое течение и, как идеология, есть крайне эклектичная система взглядов. Он проявлялся в национальных вариантах, каждый из которых отличался заметным своеобразием, он выполнял - в качестве идеологии, массового движения, режима, метода решения внутренних и внешних проблем и т.п. - достаточно разнообразные функции. Наряду с «классическими» вариантами фашизма - которые прошли все этапы развития (от партии к государству), - возникали и иные его разновидности. Истории XX в. известны разные фашизмы: итальянский фашизм, немецкий национал-социализм, португальский фашизм диктатора Салазара, испанский фашизм генерала Франко и др. Каждый из национальных вариантов отличался своеобразием в идеологии.

Но общим для всех вариантов фашизма остается абсолютизация биологических законов и попытка перенести на общество право сильного, царящее в природе. Ценностью здесь является элитарно-иерархический принцип, согласно которому одни рождены повелевать, а другие подчиняться. Поэтому в данной идеологии всячески восхваляется война, которая ведет к сплочению нации, оправдываются территориальные притязания к другим народам, поощряется империализм как завоевание «жизненного пространства» для населения страны, придается большое значение вождизму.

В Федеральном законе «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» подчеркивается, что важнейшим направлением государственной политики Российской Федерации является решительная борьба с проявлениями фашизма. Однако отсутствие четкого общепризнанного определения этого понятия приводит к вольному его толкованию и использованию в качестве политического ярлыка. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», который вступил в силу 25 июля 2002 года, экстремистской деятельностью является, в частности, пропаганда и публичное демонстрирование наци-

стской атрибутики или символики, а экстремистскими материалами считаются, в частности, труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии¹. Однако в этом законе не дано определение фашизма в целом и его германской разновидности - нацизма. По этому вопросу существуют разные позиции. Одни ученые такой необходимости не видят, поскольку Закон от 25 июля 2002 г., по их мнению, дает исчерпывающее понятие экстремизма. Думается, что правы исследователи, которые считают, что целесообразно особо выделить фашизм как крайнюю и опасную форму экстремизма и в законодательном порядке дать его определение, с тем, чтобы партии, движения и отдельные лица, пропагандирующие фашистские идеи или действующие в духе этих идей, могли привлекаться к более строгой ответственности.

Возникает потребность в принятии законодательных актов, определяющих, что такое фашизм и фашистская идеология, что представляют собой система фашистских организаций и политическая практика фашизма. При этом речь должна идти о необходимости выработки именно юридического определения понятия «фашизм». Это задача юристов. Однако выработать такое определение они вряд ли смогут без помощи политологов, задача которых - определить четкие критерии, отделяющие фашизм от иных, схожих или идентифицируемых с ним явлений.

Существуют различные определения фашизма, например: «Фашизм предстает перед нами как особая форма буржуазной диктатуры, использующая наряду с террором и насилием методы идеологического и материального воздействия на массы в целях создания широкой социальной базы, массовой опоры»². Представляет интерес определение фашизма, предложенное специалистами Российской академии наук. Опираясь на родовые признаки и характеристики данного явления, специалисты РАН определяют фашизм как «идеологию и практику, утверждающие превосходство и исключительность нации или ра-

---

¹ ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года // СЗ РФ. - 2002. - №114-ФЗ.

² Ковалев В. Что же такое фашизм? От этимологии к законодательному определению // Российская юстиция. - 2002. - № 10. - С. 52.

сы и направленные на разжигание национальной нетерпимости, обоснование дискриминации в отношении представителей иных народов; отрицание демократии, установление культа вождя; применение насилия и террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; оправдание войны как средства решения межгосударственных проблем.»¹. Принимая такое определение в качестве базисного, диссертант считает необходимым дополнить его, а именно: добавить слово «террористической» - «оправдание террористической войны как средства решения межгосударственных проблем».

Это необходимо сделать потому, что одним из обязательных признаков фашизма является применение террора для подавления политических противников и любых форм инакомыслия; а также использование фашизмом террористических методов борьбы за интересы избранных. Если фашистские силы создают военные и военизированные формирования, находящиеся под командованием вождя, и осуществляют контроль над определенной территорией, осуществляют непрерывные и согласованные действия, речь идет о войне. И в этой войне, продолжая политику насильственными средствами для разрушения объектов и выведения из строя живой силы противника, фашизм опирается на терроризм. Уничтожение нацистами людей в СССР и других странах ставило своей целью не только «очищение» территорий для будущего заселения немцами, но и для устрашения остальных, чтобы заставить их подчиняться или вынудить переселиться. В этой связи целесообразно будет выделить три главных определяющих признака фашизма:

1. Абсолютный культ государства.
2. Признание террористической войны как необходимого условия существования нации и государства.
3. Крайний национализм /шовинизм/ и расовая нетерпимость.

Можно сделать вывод: фашизм - это идеология, исповедующая, во-первых, тотальный приоритет государства над обществом и личностью, во-

---

¹ Ковалев В. Что же такое фашизм? От этимологии к законодательному определению // Российская юстиция. - 2002. - № 10. - С. 53.

вторых, возводящая террористическую войну в ранг необходимого существования общества и государства; в-третьих, практикующая ограничение правового статуса другого народа по расовому признаку.

Если рассматривать фашизм как политический режим, следует отметить, что он является проявлением тоталитарного режима.

Тоталитаризм - одна из разновидностей (наряду с авторитаризмом, военной диктатурой, деспотией и т.п.) антидемократического политического режима и специфического общественного устройства. Он характеризуется особыми экономическими основами, террором, тотальным контролем над жизнью общества и жизнедеятельностью граждан.

Существует множество определений тоталитаризма, однако все они сводятся к пониманию тоталитаризма как государственного строя или политического режима, осуществляющего абсолютный контроль над всеми областями общественной жизни. Тем не менее не следует отождествлять всякий государственный тоталитаризм (или тоталитарный режим) с фашизмом (или фашистским режимом), ибо государственный тоталитаризм, в полной мере соответствующий первому признаку фашизма (из обозначенных в данной работе), в политической жизни общества и межгосударственных отношениях может не иметь второго признака.

Целесообразно считать фашизм и терроризм двумя крайними, взаимосвязанными, но самостоятельными формами политического экстремизма, где терроризм, в отличие от фашизма, предстает как сила, не имеющая временной, пространственной, социальной или национально-государственной локализации.

Обобщая сказанное, надо подчеркнуть, что о таких видах политического насилия, как массовый геноцид, репрессии, фашизм, террор и война правильнее будет говорить как о самостоятельных формах политического экстремизма на государственном и межгосударственном уровнях. И обоснованием для такой квалификации служит характер их связи с государством и уровень собственной институционализации.

1.3. Вопросы детерминации политического терроризма

Изучение причин и предпосылок возникновения современного политического терроризма нуждается в специальном научном исследовании с позиции политологии, социологии, психологии и ряда других дисциплин. Анализ этой проблемы предполагает выявление детерминант, раскрывающих связь процессов, событий и явлений, способствующих возникновению и эволюции политического терроризма

Методологически будет правильно уделить особое внимание состоянию международных отношений и геополитическим аспектам национальных интересов, как важных предпосылок возникновения политического терроризма на территории России.

Большое значение для теории и социальной практики как условия, вызывающего терроризм, имеет рассмотрение политического экстремизма, признания допустимости насильственных способов в решении социальных проблем. Эта традиционная для нашей истории терпимость к насилию, его постоянному «присутствию» во всех формах общественных взаимосвязей, особенно в политике, дополняется правовым нигилизмом, не только позволяющим чинить произвол в нужном для определенных социальных групп направлении, но и доводить этот последний до стадии «беспредела» под экстремистскими лозунгами.

Требуется глубокий анализ, прежде всего политологический, изменений социальной структуры российского общества, состояния общественных отношений; необходимо выделить существующие в обществе противоречия (или предпосылки противоречий), которые обуславливают феномен терроризма. Выясняя связь между политико-экономическим состоянием общества и ростом экстремизма и терроризма нельзя так же упускать с поля зрения состояние власти и собственности как главных источников роста социального насилия.

Как известно, основными социальными благами, подлежащими распре-

делению между группами, являются богатство, престиж и власть. В силу ограниченности ресурсов это вызывает столкновение между группами, претендующими на эти блага. Группы с высоким статусом не хотят потерять контроль над ресурсами. Социальные общности с низким статусом, наоборот, стремятся перераспределить социальные блага в свою пользу. Таким образом, социальное неравенство - один из источников террористических проявлений в обществе, так как каждая группа стремится улучшить свое положение, расширить объем имеющихся в ее распоряжении социальных благ. При этом большое значение придается овладению государственной властью той или иной группой. В итоге социальные конфликты переходят в политическую плоскость.

Политические конфликты, вызванные неравенством в распределении материальных благ, могут иметь высокую степень остроты. Две Великие революции в истории человечества тому пример (во Франции в конце XVIII века и в России в начале XX в.). Свергнутые классы испытали на себе катастрофическое действие актов терроризма и террора.

Осуществление крупных социальных реформ в СССР и России в конце 80-90 гг. привело к значительному снижению совокупного социального статуса привилегированных групп советского общества (часть партократии, военных), а также глубоко затронуло уровень благосостояния средних классов населения. Наблюдается разрыв доходов между бедными и богатыми, когда 80% населения получают только 20% всех доходов в стране, заработная плата 80% россиян ниже средней; по официальным данным 27% населения, т.е. 40 млн. человек имеет доход меньше прожиточного минимума¹, высокий уровень смертности, снижение социальных позиций определенных групп российского общества, углубление его социальной дифференциации. Сюда относится и общее обнищание масс на фоне обогащения небольшой группировки собственников, передел собственности, которая еще вчера принадлежала всему народу, а сегодня - нескольким олигархам и высшему чиновничеству. Далее, это классовые процессы, когда происходят столкновения между формаль-

---

¹ Аршба О.И. Современный правый экстремизм в Европе // ВМУ. Серия 18. Социология и политология. - 2002. - № 4. - С. 11.

но законными владельцами предприятий и их коллективами за право владения ими. Все это послужило мощным фактором социальной агрессивности, обострения политического противоборства, нередко приобретающего резко насильственный характер.

В современной России возможно возрождение антагонистических отношений. Они основываются на несправедливом распределении собственности в результате грабительской приватизации. Такого рода отношения возникают между новыми собственниками и наемными работниками. Остается проблемой отсутствие правовых механизмов защиты интересов широких слоев трудящихся.

К этому нужно добавить, что резкое разделение общества на классы богатых и бедных ведет к люмпенизации значительной части населения. В свою очередь эта прослойка, при условии ее количественного роста, имеет тенденцию сливаться с криминальными элементами, превращается в дестабилизирующую, разрушительную силу. Предвидеть ее разрушительную силу невозможно. При этом надо учитывать - идеологами и организаторами экстремистских и террористических группировок и организаций чаще становятся люди образованные, состоятельные, с характерной социальной, культурной и психологической ментальностью. А вот «пушечным мясом» террористов выступают низы социума.

В-основном, это круги социально обездоленных и обманутых людей, затем - маргинализованные группы, которые утратили прежний социальный статус и находят единственную возможность преодоления бедственного существования в использовании различных криминальных средств и методов обеспечения своей жизни. На этой почве и вырастают формы террористической и терророподобной деятельности, угрожающей не только социальной, но и политической безопасности страны. И в этом смысле субъектами терроризма начинают становиться те социальные совокупности, которые раньше вряд ли можно было упрекнуть в экстремистских, тем более, террористических ориентациях.

Отрицательно сказывается на политической и социальной обстановке в обществе, обостряет борьбу политических сил и усиливает риск нестабильности отсутствие в обществе достаточно обширного среднего класса, обладающего стабильными средними доходами и частной собственностью. Наличие в обществе сложившегося среднего класса служит укреплению центристских политических сил, способных привлечь на свою сторону наиболее активные слои населения. Слабость прослойки среднего класса ведет к недостаточной мобилизации здоровых сил общества. В результате инициатива переходит в руки экстремистских кругов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Особенно сильно разбалансированность экономики бьет по молодежи - самой активной части населения. Такой фактор, как массовая безработица, объединяет молодежь в группы, а наличие большого количества свободного времени приводит к тому, что для них участие в делах группы становится основной формой деятельности. В зависимости от личных качеств человека (отсутствие трудолюбия, желание быстро разбогатеть, привлечь к себе внимание хоть на некоторое время, стать популярным в своей среде) может сделать его, а также других членов группы податливым материалом в руках сторонников экстремистских и террористических организаций.

В России в 1999 году было зарегистрировано 25 039 преступлений, в том числе в общей статистике было зарегистрировано 20 случаев терроризма. В 2000 году было зарегистрировано 27 362 преступления, в статистике было зарегистрировано 135 случаев терроризма (прирост по сравнению с 1999 годом на 676%). По состоянию на первое полугодие 2001 года на общем учете в органах внутренних дел числятся 258 случаев терроризма, в том числе зарегистрированных в 2002 году - 180 (прирост по сравнению с 1999 годом - 718%)¹.

Трудно согласиться с Э.А. Паиным, утверждающим: «и в публицистике и в научной литературе распространены попытки напрямую увязать рост политического экстремизма с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем неких региональных, этнических или религиозных

---

¹ Лунеев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // Социологические исследования. - 2002. - № 5. - С. 62

групп. Однако ни исторические примеры, ни специальные исследования не подтверждают подобные предположения. В замкнутых, застойных обществах, например, у бушменов Южной Африки или у индейцев майя в Мексике, находящихся на крайне низких уровнях экономического и социального развития, нет ничего похожего на экстремизм, а тем более терроризм»¹. Думается, не совсем правомерно сравнивать «замкнутые и застойные общества» с обществами, давно перешагнувшими в своем развитии такой этап.

Социальное неравенство, действительно, автоматически не порождает насильственное разрешение возникающих экономических, политических и социальных противоречий. Также, очевидно, нельзя сводить источники насилия к классовым антагонизмам. В странах с приблизительно одинаковым способом производства и социальной культурой может наблюдаться разная степень остроты политических конфликтов, в том числе с использованием террористических методов борьбы (например, современные Швеция и Италия). «Насилие в политике вызвано не просто социальным неравенством, а более или менее крупными сдвигами в стратификационной системе, обуславливающими ее декомпозицию», - считает профессор И.Ю. Залысин².

Стратификационная система общества не всегда находится в состоянии динамического равновесия. «Точка перенапряжения» достигается вследствие объективных причин, таких как промышленная революция конца XVIII - начала XIX вв. или политическая модернизация государства (переход от традиционного общества к современному). Достигнув «точки перенапряжения» стратификационной системы, статусные перемещение внутри нее могут вызвать дезинтеграцию социальной структуры общества, иногда сопровождающуюся вспышками насилия.

Индустриальные революции, как причина изменения стратификационной системы, сегодня себя изжили. В конце XX века появляются иные причины: стратификационный баланс нарушился, когда в период горбачев-

---

¹ Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. - 2002. - № 4. - С. 114

² Залысин И.Ю. Структурные и политические источники насилия. - М.: НЭБ, - 2001. - С.132.

ских реформ попытались в сжатые сроки одновременно изменить и политический режим, и национально-государственное устройство и экономическую систему страны. Все это вылилось в системный кризис (его пришлось пережить народам СССР и Югославии). Последствия этого кризиса будут влиять на политическую жизнь не только СССР и Югославии, но и всех стран мира еще много десятилетий. Причина вовсе не только в том, что ухудшилась социально-экономическая ситуация в СССР или Югославии, а в том, что этим моментом будут пользоваться страны Запада в своих финансовых и (или) геополитических интересах.

Смена эпох неизменно сопровождается сменой стереотипов и норм поведения, снижением духовно-нравственного уровня населения. Наиболее болезненными оказываются переходные состояния, когда старые стереотипы уже не отражают изменившейся реальности, но еще продолжают существовать в жизни старшего поколения и навязываются молодым традиционной системой воспитания и образования. Это – общая закономерность. «Тотальный кризис конца XIX - начала XX в., горячей точкой которого стала Россия, естественным образом был связан с тем, что классическая европейская культура исчерпала свои функции так же, как в свое время исчерпала их культура ритуальная. Общество оказалось на пороге существования, не связанного нормой, а, следовательно, и законом»¹.

Правовой нигилизм создает благоприятную почву для произвола крайностей. С правовым нигилизмом тесно связан нравственный нигилизм, принципом которого является господство силы над правом. В преддверии жесткого террора, который будет царить в России в начале XX века, русский философ Л.М. Лопатин писал: «Крушатся старые идеалы, блекнут прежние надежды и настойчивые ожидания... А главное - непоправимо и глубоко колеблется сама наша вера в современную культуру: из-за ее устоев вдруг выглянуло на нас такое страшное звериное лицо, что мы невольно отвернулись от него с отвраще-

---

¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. - М., - 1996. - С. 17.

нием и недоумением»¹.

В конце XX века Россия опять встретила с резкой сменой культурных стереотипов, к которой большинство населения оказалось неподготовленным. Перестройка в этом плане преподнесла еще один урок - без учета политических и культурных стереотипов общества, напрямую влияющих на умы и поведение людей, невозможен успех современной модернизации.

Более того, при наличии определенных ошибок в политике на государственном уровне все перечисленные негативные изменения в социально-экономической и культурной сфере являются предпосылками возникновения экстремизма и терроризма.

Рассмотрим это на примере Чечни. Как и все россияне, чеченцы испытали на себе резкое падение жизненного уровня, почувствовали страх и неуверенность в завтрашнем дне. Усугубляло положение то, что народ был в 1943 году депортирован, и недовольство результатами перестройки обостряло чувство исторической обиды. Плюс национальный менталитет гордого и воинственного народа.

Касаясь важности такого аспекта, как национальный менталитет, приведу пример: еще в 1857 году Ф. Энгельс писал про другой народ: «Географическое положение Афганистана и характерные черты народа придают этой стране такое политическое значение в делах Центральной Азии, которое едва ли можно переоценить... Афганцы - храбрый, энергичный и свободолюбивый народ... Война для них является развлечением и отдыхом от однообразных занятий хозяйственными делами. Афганцы разделяются на кланы, причем различные вожди осуществляют нечто вроде федерального господства над ними. Только неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией; но именно эта стихийность и непостоянство поведения превращают их в опасных соседей, поддающихся влиянию минутных настроений и легко увлекаемых политически-

---

¹ Цит. по: Гайденок П.П. Философия культуры Романо Гвардини // Вопросы философии. - 1990. №4. - С. 121.

ми интриганам, которые искусно возбуждают их страсти»¹. Эта оценка, с небольшими поправками, в полной мере может быть отнесена и к Чечне.

К сожалению, не насторожила российских политиков и открытая мобилизация чеченского общества для борьбы с центральной властью. Спокойно проходили многочисленные публикации историков (как чеченских, так и московских), призывающие к «восстановлению исторической справедливости, к построению «независимой Ичкерии». Надо признать, что подготовка чеченского общества к вооруженному сопротивлению федеральной власти проводилась задолго до ввода федеральных сил в Чеченскую Республику.

Следующая грубая ошибка была допущена центральной властью в отношении субъектов Российской Федерации, которая заключалась в лозунге и политике: «Сколько суверенитета могут проглотить республики – пусть берут» (Б. Ельцин)². И если в высшем эшелоне власти были бы вовремя учтены все симптомы зреющего конфликта, можно было бы обойтись без кровопролития.

Генерирующими политический экстремизм в терроризм оказались и ошибки при проведении российской армией военных операций в Чечне. Примерами могут служить обе военные компании в 1994-1996 годах и в операции, начавшейся в 1999 году. Здесь нужно сразу оговориться, - во-первых, наша армия была вынуждена расплачиваться за политиков, допустивших развитие политического конфликта до военного столкновения. Во-вторых, армия понесла неоправданные потери из-за непродуманной тактики военачальников. Не будучи аналитиком военного дела, тем не менее считаю, что не нужно было проводить расквартировку гарнизонов чуть ли не в каждом крупном поселке. «Рассыпанность» гарнизонов была на руку боевикам по двум причинам. Первая - российская армия была вынуждена тратить большие силы на самооборону и нести потери. Вторая - боевикам было удобно провоцировать столкновения между военными и мирными жителями, что в итоге вынуждало немалую

---

¹ Цит. по: Бельков О. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - № 4. - С. 233.

² Гарант согласия субъектов и центра – http://russia-today.ru/2002/no_1/1_federal_power_5.htm

часть мирного населения уходить в ряды сопротивления или в ряды террористов. Надо было сосредоточить и сконцентрировать усилия на нейтрализации или уничтожении лидеров террористических организаций. Таким образом, неселективное использование вооруженных сил тоже явилось причиной роста террористической активности.

Поэтому есть немалая доля истины в мнении Э.А. Паина, руководителя Центра по предотвращению экстремизма Института социологии РАН: «Повышенное внимание нынешней российской интеллигенции к идеям мировых заговоров отражает не только влияние предрассудков массового сознания, но и модное в наше время стремление во что бы то ни стало угодить власти имущим. Ведь если всему виной внешние заговорщики, то меньшая ответственность лежит на властях государства, на территории которого наблюдаются проявления экстремизма и терроризма»¹.

Многие ученые считают, что основными социальными факторами, усиливающими террористическую активность и удобряющими для него почву, служат не исходящие со стороны, а внутренние причины: они - не от «происков внешних врагов», как еще недавно считалось, а от наших собственных неурядиц и проблем, которые мы или загнали вглубь, или не смогли эффективно разрешить. «Основная наша беда - либо негодная политика верховной власти, либо вообще отсутствие таковой - национальной, экономической, военной»². Скорее всего, это так и есть. Вся проблема в том, что именно ошибочная политика насильственных реформ в России конца XX века привела к тому, что Чечню превратили в главную базу терроризма. Ученые пишут: «Давайте отбросим расистские сказки о «генетической» предрасположенности горцев к разбою. Еще 15 лет назад ...генетически те же самые чеченские юноши под руководством секретаря райкома ВЛКСМ Радуева готовили Праздник урожая, Яндарбиев кропал свои стишки, а Масхадов гонял свою роту на плацу. Ради какого-то терроризма или ваххабизма никто не только под арест не желал по-

¹ Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. - 2002. - № 4. - С. 119.

² Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. - 2001. - № 5. - С. 9.

пасть, но и получить выговор с занесением в личное дело. Та жизнь устраивала людей... Массовая преступность и насилие в Чечне – прежде всего следствие тяжелейшего обеднения, вызванного реформой, а не Хаттабом. Обеднение разрушило рамки сознания. В 1980 году доходы жителя Чечни в среднем были в 2,6 раза меньше, чем у москвича, а в 1992 году стали в 9,1 раза меньше. Это уже был опасный разрыв, он перешел красную черту. Средний москвич купил в 1992г. товаров и продуктов на 52,3 тыс.руб., а житель Чечни – на 3.3 тыс. Это в 17 раз меньше»¹.

В Великобритании исследование экономических детерминант преступного поведения осуществляется в рамках специального направления, получившего название «политическая экономия преступности» (the political economy of crime). Основатель данного направления профессор А. Тейлор разработал «подход с позиции экономического детерминизма» (the economic determinist approach). Суть данного подхода состоит в признании того факта, что экономические условия играют решающую роль в жизни общества и определяют развитие всех иных социальных и культурных факторов. Основным предметом анализа является поиск причинно-следственных взаимосвязей между различными отклонениями от нормальных экономических условий и ростом преступности².

Не стоит недооценивать и роли международных экстремистских и террористических организаций, подпитывающих материально политический терроризм в России. Так, для финансирования террористических операций «Шамиль Басаев получил от международных экстремистских организаций 25 миллионов долларов»³. В 2000 г. по данным МВД, только в г. Москве выявлено 14 коммерческих банков, находящихся под контролем организованных групп, в том числе 4 банка, оказывающих адресную помощь лидерам незаконных вооруженных формирований в Чечне⁴.

Существует еще один узел факторов, нагнетающих террористическую

¹ Кара-Мурза А.А. Манипуляция сознанием – http://www.ru/polittech/121817/se_index_t

² См: Глобализация общей, организованной и коррумпированной преступности // Государство и право. - 2001. - № 12. - С. 100

³ Кто финансирует чеченских террористов? // Российская газета. - 1999. - 16 октября.

⁴ Павловский В. Контроль над финансированием терроризма // Закон и право. - 2002. - № 12. - С. 3.

атмосферу - это громадные масштабы незаконного оборота оружия в стране. Не являясь прямой детерминантой возникновения и распространения деятельности террористов, эти факторы, безусловно, расширяют ее возможности, способствуют росту криминала в целом как общего неблагоприятного фона, провоцирующего усиление собственно террористической активности.

Неотложной задачей ученых является изучение формирования идеологии в современных постиндустриальных обществах, которое теснейшим образом сопряжено с масс-медиа. Именно они сегодня самые авторитетные наставники и собеседники, они подсказывают, что думать и, главное, как думать относительно тех или иных социально-политических процессов и явлений. Более того, уместно говорить в определенном смысле даже о медиа-конструировании социальной реальности – и в странах Запада и в современной России. Научное значение имеет исследование деятельности масс-медиа в роли трансляторов экстремизма как идейной базы терроризма.

Надо признать, что часто и мировое и российское общественное мнение, выражаемое, например, СМИ, в целом бывает весьма снисходительным к тем, кто под флагом борьбы за независимость прибегает к террору, в особенности, если это направлено против США или России. Так, издевательства чеченских боевиков во главе с Ш. Басаевым в Буденновске (1995 год) многими представителями российской либерально-западнической интеллигенции и диссидентов-правозащитников расценивались как отчаянный шаг борцов за независимость Чечни в контексте национально-освободительной борьбы чеченского народа. Известный правозащитник С.Ковалев даже назвал Басаева «Робин Гудом с гранатометом»¹. «Можно не сомневаться, что если бы какой-то из латиноамериканских штатов, допустим, со значительной долей негритянского или латиноамериканского населения провозгласил себя независимым, то президент США немедленно бы объявил там чрезвычайное положение и направил бы туда войска. Ведь согласно Хельсинским соглашениям, территориальная целостность государств является неприкосновенной. И, что характерно, ни од-

---

¹ Цит. по: Кива А.В., Федоров В.А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. - 2003. - № 1. - С. 132.

на страна мира, кроме Афганистана при правлении талибов, не признала независимость Чечни», - не без основания утверждают А.В. Кива и В.А. Федоров¹.

Другой аспект деятельности СМИ, отрицательно влияющий на умы и сердца подрастающего поколения - постоянная демонстрация наличия в окружающем мире жестокости, крайних форм насилия. Всплески терроризма, постоянно транслируемые с экрана телевизоров, подготавливают сознание молодых людей к постоянному присутствию жестокости, крайних форм борьбы. Необходимо также помнить, что жестокость обладает очень страшным свойством - к ней можно привыкнуть. И тот порог агрессии, который раньше казался крайним, через какое-то время может стать привычным и порог отодвигается дальше, к еще более изощренным их формам. И сегодня многие ученые прогнозируют увеличение потенциала насилия, связывая это с разрушительным влиянием СМИ. О.М. Хлобустов приводит такие цифры: «К 18-ти годам каждый американец просматривает в среднем 40 тысяч виртуальных насильственных актов по телевидению. Для сравнения, согласно подсчетам отечественных социологов, среднестатистический юный россиянин к 17-летнему возрасту знакомится благодаря «ящику Пандоры» с 17-тью тысячами таких случаев. На наших телеэкранах сейчас в течение недели показывают 5-6 фильмов, наченных террористическими действиями: захваты заложников, организация взрывов, политические убийства и т.п. И последствия (разумеется, с учетом всего комплекса социально-политических и экономических условий и причин) не заставляют себя ждать. По статье «О терроризме» в России за 1994-1997 гг. были открыты сотни уголовных дел. В 1993 г. выявлены 164 исполнителя террористических преступлений, а в 1997 г. уже 1312»².

Более того, наше телевидение открыто позволяет себе косвенно рекламировать террористическую деятельность. Возьмем, к примеру, передачу «Неделя с Марианной Максимовской» на REN TV. Журналистка 25 октября 2003 года посвятила часть передачи годовщине теракта на Дубровке. В театральном

---

¹ Цит. по: Кива А.В., Федоров В.А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. - 2003. - № 1. - С. 133.

² Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. - 2001. - № 5. - С. 5

центре «Норд-Ост» вследствие теракта погибло 130 человек. Журналисты оригинально отметили годовщину теракта. Сперва они продемонстрировали стране коллекцию мод «костюм шахидки», где по подиуму прошлись романтические и загадочные красавицы в одеяниях террористок-смертниц; затем выступил писатель Э. Тополь, заявивший, что М. Бараев - террорист и убийца, но он отдал свою жизнь за свободу Чечни, свой рассказ писатель продолжил трогательной историей про искреннюю любовь М. Бараева к русской девушке. Далее на экране были продемонстрированы творения современного художника, посвященные погибшим террористкам, под названием «Девчонки из Норд-Оста». Закончилась эта тема чтением своих стихов бывшим заложником. Молодой человек был преисполнен жалости и уважения к террористкам, читая стихи «Шахидка молитвы читала...» Таким образом, всей стране было продемонстрировано почтение к погибшим террористам, прозвучало резкое осуждение действий освобождавших заложников. И вряд ли подобные передачи можно объяснить даже политической некорректностью.

Необходимо учитывать, что значение имеет и манера подачи, жанр подачи акта насилия на телеэкране. Отрицательный эффект показа минимален в том случае, если агрессор на телеэкране наказывается, осуждается, если показываются негативные последствия агрессии, а сам агрессор не выглядит положительным героем, вызывающим сочувствие как борец за справедливость. В других случаях показ провоцирует реальную агрессию, а если насилие на телеэкране поощряется, не имеет негативных последствий и социально одобряется – то упрощается рекрутирование в экстремистские и террористические организации.

Огромные возможности активного воздействия СМИ и СМК на политическое сознание и поведение граждан свидетельствует о важнейшей роли «четвертой власти» в современном обществе. Некоторые исследователи говорят даже о грядущей эпохе «медиократии» - власти СМИ и СМК, которые не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению.

В целом роль и значение СМИ и СМК в процессе возникновения и активизации экстремистских устремлений, а также значение масс-медиа в плане перерастания экстремизма в терроризм еще мало изучены и требуют детального научного внимания. Но нельзя не согласиться с тем, что это мощное оружие может быть направлено как на благо человечеству, так и против него.

Печатные периодические издания, особенно негосударственные, также позволяют себе открыто сотрудничать с экстремистами. Так, некоторые «желтые» газеты регулярно предоставляют место для статей политических экстремистов. Из 12 тысяч газет и журналов, выходящих в стране, 200 периодических изданий носят открыто экстремистский, нацистский характер, из них 50 выходят в Москве¹.

Следует, по-видимому, признать ошибочным положение, ставшее нормой Конституции РФ (ч.2 ст.13), что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Государство, безусловно, должно участвовать в определении базовых, жизненно важных ценностей и их формировании, нести за это ответственность².

Если распространение экстремистских идеологий не встречает отпора со стороны государства, то начинается коррозия всей общественно-политической жизни, размывание государственных устоев, поскольку:³

- существенно снижается уровень дозволенного в политике и, следовательно, приоритетными становятся конфронтационные методы в ущерб методам консолидирующим – компромиссам, консультациям, договоренностям и т.п.
- в обществе все шире распространяется нетерпимость, а следовательно, все менее устойчивой становится политическая система, снижается уровень стабильности;
- насилие все более воспринимается как допустимый и даже наиболее

---

¹ Аршба О.И. Современный правый экстремизм в Европе // ВМУ. Серия 18. Социология и политология. - 2002. - № 4. - С. 9.

² Конституция Российской Федерации. Раздел I. Ст. 13, ч. 2 // Сборник законов РФ. - М.: Эксмо, - 2002. - С.3.

³ См: Краснов М. Политический экстремизм – угроза государственности // Российская юстиция. - 1999. - № 4. - С. 4.

лее предпочтительный метод достижения целей.

К тому же надо учитывать, что для совершения самых чудовищных насильственных акций лучшие исполнители – это фанатики. Фанатизм же чаще всего развивается как раз в среде экстремистских течений. «Давая свободно распространяться таким течениям, государство рубит сук, на котором сидит. И в один прекрасный момент мы окажемся посреди моря террора, когда обычные полицейские средства окажутся уже бессильными»¹.

Содействует террористическим ориентациям, утверждению соответствующих воззрений и влияние извне, направленное на идейное разложение населения, вытравливание из общественного сознания ценностей патриотизма, интернационализма, преданности своему государству, внедрение экстремистской идеологии, часто религиозного характера. Это не только так называемый «исламский экстремизм», в первую очередь ваххабизм в Чечне и Дагестане, но и иные агрессивные религиозные течения.

Необходимо отметить, что в ряде случаев, когда рассадниками идеологии экстремизма выступают правящие или элитарные круги, институты политической, государственной или религиозной власти, имеющие влияние на общество в целом, широко используется тактика стравливания различных слоев населения, представителей конфессиональных или этнических групп между собой. В обществе разжигаются чувства ненависти, подозрительности и ксенофобии по отношению к иностранцам, представителям определенных профессий, членам оппозиционных политических и общественных организаций, сторонникам официально отвергаемых идейных и религиозных течений, неугодным власти политическим, общественным и религиозным деятелям, иностранцам и иноверцам. С помощью подконтрольных СМИ сеются провокационные слухи и распускаются небылицы о политических противниках и подвергаемых остракизму партиях, учениях, организациях или инициативах, нагнетается атмосфера массового психоза и социальной истерии, чреватая взрывами как не спровоцированного, спонтанного, так и организованного, управляемого и

---

¹ Краснов М. Политический экстремизм – угроза государственности//Российская юстиция. - 1999. - №4. - С.4.

официально поощряемого социального насилия, часто проявляющего себя террористическими актами.

Немаловажным фактором, усиливающим террористическую активность, является комплекс крайне радикальных экстремистских идейных установок (крайне левых, крайне правых, национал-экстремистских, сепаратистских, великодержавных, религиозных, социально-экономических и духовно-психологических), выступающих теоретическим обоснованием применения насилия в различной форме на нелегитимной основе для достижения социальных, преимущественно политических целей указанных структур.

В целях исследования не менее важным представляется установление связи между ростом экстремистской активности в мире, влияющей на рост терроризма в нашей стране, и политико-экономическим состоянием мирового сообщества. «Более 80% финансового капитала находится в свободном плавании и не имеет реального материального наполнения. Это рынок, где деньги делают деньги, т.е. рынок игроков в рулетку. Благодаря компьютерным технологиям финансовый рынок железным обручем стянул все страны вокруг крупнейших финансовых магнатов стран золотого миллиарда»¹.

Это позволяет в зависимости от ситуации ставить те или иные страны на грань финансового краха. И череда этих крахов давно началась. По словам Дж. Сороса, выступившего в 1998 г. в Конгрессе США, «система мирового капитализма, которой мы обязаны необыкновенным процветанием нашей страны, в последнее десятилетие трещит по швам. Сегодняшний спад на фондовых рынках США является всего лишь симптомом, к тому же запоздалым, говорящим о более глубоких проблемах, поражающих мировую экономику. Некоторые фондовые рынки Азии испытали более серьезные спады, чем крах на Уолл-Стрит в 1929 г., кроме того, их национальные валюты упали до незначительной доли их стоимости в тот период, когда они были привязаны к американскому доллару... В настоящее время Россия пережила полный финансовый крах. Этот крах... будет иметь неисчислимы человеческие и политиче-

---

¹ Лунеев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // Материалы сайта Всемирного антикриминального и антитеррористического форума. – www.waaf.ru.

ские последствия. Эта инфекция распространилась также и на Латинскую Америку»¹. Подобное обвинение нынешней мировой финансовой системе предъявляет отнюдь не коммунист и не российский патриот, и может быть, к этому стоит прислушаться.

Проблема корысти и выгоды теперь политизирована, или, наоборот, пустила корни в политике. Она не изменилась с библейских времен, только усилилась. Процесс извлечения выгоды проник в общественные отношения, не только экономические, но и политические. И сегодня совокупный бюджет в сфере политического террора составляет от 5 до 20 млрд. долларов в год. Это весьма прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым рынком труда и приложением капитала.

Все это - далеко не полный перечень явлений, влияющих на появление и рост террористической активности в России. Причины и предпосылки возникновения политического терроризма содержат в себе множество взаимосвязанных элементов. Одной из детерминант такого феномена является глобализация, несущая в себе противоречивые тенденции, как в социально-политической, так и в социально-экономической и других сферах.

Особого внимания в этом плане заслуживает изменение геополитического положения России. Эти изменения, которые оказались далеко не в пользу России, активно используются странами Запада и в первую очередь, США, стремящимися навязать миру гегемонию нового типа – глобализацию в форме объединения усилий стран «золотого миллиарда» диктовать условия странам, не вошедшим в это элитное сообщество.

Глобализация предполагает, чтобы национальные правительства стремились к заключению соглашений с другими национальными правительствами, международными организациями, в том числе военными, неправительственными организациями и многонациональными корпорациями, роль которых чрезвычайно усиливается. Она требует подчинения наднациональным образованиям и ограничение власти национальных правительств. Проблема, связанная с гло-

---

¹ Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (материалы «круглого стола») // Государство и право. - 2001. - № 12. - С. 90.

бализацией - проблема существенного снижения возможностей национальных правительств в управлении обществом, в борьбе с преступностью, экстремизмом и терроризмом.

Другой процесс, идущий параллельно с глобализацией – локализация (глобальная дезинтеграция) требует, чтобы национальные правительства договаривались («делились») с регионами и городами по вопросам разделения ответственности через субнациональные институты. И здесь уже идет децентрализация оставшейся власти, а часто и распад стран, который наднациональными военными и экономическими образованиями может быть сочтен выгодным и ими поддержанным (пример – Чечня).

Получается, что право наций на самоопределение толкуется, исходя из интересов наднациональных сил. В итоге и глобализация и локализация требуют решений, которые ни одно национальное государство в отдельности принять не может. Это решают финансовые воротилы, стоящие во главе мирового сообщества и которым, как известно, нет дела до национальных катастроф. «Например, в ходе балканских войн хорватским, мусульманским и албанским силам поставлялось оружие и военная техника более чем на 2 млрд. долларов»¹. При этом наибольшую активность проявили транснациональные корпорации (ТНК), поскольку именно эти корпорации являются сегодня наднациональными субъектами социальных действий, и именно им глобализационные процессы наиболее выгодны.

Запад, имея менее 15% населения Земли, контролирует свыше 70% мировых объемов производства, торговли и потребления. В 1999 г. 20% наиболее богатых жителей планеты обладали 86% мирового ВВП, а 20% наиболее бедных – только 1%. Около 30% населения земли обеспечено менее чем на 1 доллар в день².

Существует группа ученых, твердо уверенных в том, что «терроризм возникает там, где нарушается справедливость. Только разница в том, что эту

---

¹ Контроль над финансированием терроризма (некоторые аспекты проблемы) // Закон и право. - 2002. - № 12. - С. 2.

² Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (материалы «круглого стола») // Государство и право. - 2001. - № 12. - С. 103.

справедливость противоположные стороны трактуют по-разному. Как правило, справедливость в трактовке сильного отличается от понятия справедливости слабого... Вот вам и зачаток терроризма»¹. А.Кара-Мурза пишет: «Терроризм – это действия, направленные на уравнение шансов или слом игры... С точки зрения самих террористов, их действия - это форма восстановления попорченной справедливости»².

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Политический терроризм, как крайне опасное социально-политическое и криминальное явление, стал глобальной угрозой современности. Это зло не обошло стороной и Россию.

2. Внутренние истоки политического терроризма в нашей стране – это затяжной социально-экономический кризис, крайне неравномерное распределение доходов, рост безработицы и обострение конкуренции на рынке труда, рост преступности, разжигание в СМИ этнофобии и пропаганда расизма, насилия, культа силы, распространение атмосферы бездуховности и вседозволенности, коррупция во всех ветвях власти.

2. К факторам, усиливающим рост политического терроризма, относятся:

- роль этнических и религиозных лидеров в развитии политического терроризма;
- наличие острых межнациональных и межконфессиональных проблем;
- влияние международных экстремистских и террористических организаций;
- недостаточное эффективное правовое и политическое воспитание граждан;
- отсутствие общенациональной идеологии, признаваемой всем обществом системы целей, идей и ценностей и т.д.

¹ Касаев Д.Х. Террор – самозащита слабых // Возрождение республики. - 2001. - Ноябрь. - №48.

² Грушин Б., Делягин М., Кара-Мурза А., Тарасов А. Слабость, которую не победить силой. Как быть большинству, если меньшинство желает уравнивать шансы ценой терроризма // Общая газета. - 2001. - 20-26 сентября. - № 38.

3. Многофакторные последствия разрушения Советского Союза и изменение геополитического положения страны проявляются:

- в криминологически значимых проявлениях глобализации;
- в негативном влиянии иностранных спецслужб,
- во внедрении конфессионального фактора в этносепаратистский конфликт в Чеченской республике;
- в экспансионистском характере действий США в бывших республиках СССР;
- в финансировании международными экстремистскими и террористическими организациями терроризма в России.

Итак, возникновение и развитие политического терроризма в той или иной форме генетически обусловлено множеством факторов: экономическими, этническими, религиозными, историческими, социальными, политическими, психологическими, геополитическими. Нельзя сказать, что какая-то группа факторов имеет основное значение - влияет вся их совокупность и лишь ситуативно на передний план может выходить то один, то несколько из них.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

2.1. Политический терроризм как форма этнического экстремизма

.С середины прошлого века в межнациональных отношениях стал формироваться узел взаимодействующих между собой кризисных факторов - экономических, политико-правовых, идеологических и социокультурных. Развернулась политическая борьба, в которую активно включились не только подлинно национальные, но и экстремистски настроенные этнические движения.

В некоторых странах громадная разрушительная сила экстремизма привела к развалу государств: распад Югославии и междоусобная война с этническими чистками в Боснии и Герцеговине, мирный раскол Чехословакии на Чехию и Словакию, религиозно-этническая рознь в Северной Ирландии (Ольстерский кризис), сепаратистское движение в канадской провинции Квебек, межэтнические конфликты в Испании, Бельгии и ряде других европейских стран – все это наиболее очевидные его проявления в современном мире.

Зачастую этнические экстремисты рассматривают терроризм как единственный путь заявить о своих требованиях. Террористические методы борьбы активно используют Ирландская Республиканская Армия, Организация Освобождения Палестины, Баскская Родина и Свобода, которая намерена отделить районы традиционного проживания басков от Испании, Партия Трудящихся Курдистана, которая хочет создать свое государство на территории Турции сицилийские и чеченские сепаратисты.

Политический терроризм, обнаруживающий себя в современных политических конфликтах, стал тесно переплетаться с этническими столкновениями. При этом одним из требований исследования политического терроризма является различение прямого и косвенного влияния, оказываемого этническим экстремизмом на возникновение изучаемого явления.

Этнический экстремизм на пространстве постсоветской России проявляет себя обостренным национальным самосознанием, нетерпимостью к нарушениям национального равноправия. Этот момент подчеркивают многие исследователи, как и то обстоятельство, что лидеры экстремистских организаций активно используют идеи национализма в террористической борьбе. Именно идеология национализма переводит интересы политических экстремистов в террористическую плоскость.

«Национализм апеллирует к наиболее глубоким и чувствительным психологическим качествам человека, отличающимся к тому же способностью незамедлительно рефлексивно реагировать на внешние раздражители положительного или отрицательного свойства. При этом воздействие извне, угрожающее ущемлением национального достоинства (будь то прямое оскорбление со стороны представителя другой национальности или распространение информации о совершении несправедливых действий по отношению к соплеменникам), вызывает однозначно негативную реакцию индивида, представляющего данную нацию», - справедливо замечает В.Е.Петрищев¹.

Поэтому наличие такой болезненной рефлексии позволяет лицам, по тем или иным причинам заинтересованным в обострении межнациональных отношений, возбуждать агрессивную ответную реакцию, воздействуя на людей не на уровне сознания, а на уровне эмоций, переживаний, чувств. Это приводит их в состояние, когда критичность по отношению к собственным поступкам значительно снижается, что, в свою очередь, создает благоприятные условия для манипулирования поведением людей и направления возбужденной в них агрессивности в русло экстремизма и терроризма².

Следует подчеркнуть, что воздействие на национальные чувства людей обычно вызывает достаточно устойчивую ответную реакцию, для нейтрализации которой необходимо весьма продолжительное время.

---

¹ Петрищев В.Е. Роль национализма в воспроизводстве терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Степанова Е.И. – М.: Эдиториал УРСС, - 2000. - С. 100.

² Там же. - С.100.

На необходимость комплексного изучения этнических конфликтов указывают многие исследователи: А.Х. Боров, Т.А. Галкина, В. Григорянц, К.Ф. Дзамихов, В.А. Колосов, А.Д. Криндач, А.В. Малашенко, Л.И. Никовская, Э.А. Паин, А. Попов, Е.И. Степанов, В.Н. Стрелецкий и др.

Л.И. Никовская и Е.И. Степанов в книге «Конфликты в современной России» правомерно предлагают отделить позитивные межнациональные конфликты от деструктивных. Позитивными они считают позиции конфликтов между этносами, которые ослабляют тоталитаристские структуры и отношения, выступая фактором расширения и углубления процесса демократизации; а негативными – конфронтации, которые тормозят и свертывают этот процесс или вносят в него элементы деструкции¹.

Ряд отечественных ученых - В.А. Колосов, Т.А. Галкина, А.Д. Криндач утверждают: «Внезапные изменения отношений граждан к государству – это результат сдвигов в самоидентификации отдельных лиц и социальных групп, происходящих под влиянием деятельности политических элит и государственных институтов, которые пытаются убедить население в правильности своей концепции истории, своего взгляда на происхождение той или иной социальной страты. Стремясь объединить определенную группу людей и продемонстрировать ее отличие от других групп, политические элиты и государство прибегают к системе культурных маркеров, или символов, способных укрепить связь между членами группы, вырабатывают стереотипные представления и т. д.»².

В совместном проекте лаборатории «Territories et identitis» дается более глубокая интерпретация противоречий, приводящих к этнорегиональным конфликтам: «Политические элиты и государственные институты соперничают в попытках превратить культурные различия между народами в основу территориальности последних: восприятия «своей» и «чужой» территории

---

¹ См: Конфликтология: Хрестоматия / Составитель: Леонов Н.И. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», - 2002. - С.146-147.

² Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д. Территориальная идентичность и межэтнические отношения // Политические исследования. - 2001. - № 2. - С. 63.

есть важнейшая составляющая идентичности.... Следовательно, идентичность не только постоянно меняющийся набор социальных представлений и мифов, но и результат борьбы между различными элитами, государственными образованиями или местными администрациями, старающимися как лучше «продать» свои культурные маркеры и получить контроль над теми из них, которые уже приобрели популярность»¹.

Таким образом, этничность или сознание принадлежности к этнической группе, будучи «весьма архаичным модусом самоопределения»², обнаружила себя в качестве наиболее устойчивой и надежной основы для личной и групповой идентичности, которая в наши дни часто принимает форму национализма и сепаратизма, т.е. преследует цель отделения данной нации и образования самостоятельного государства.

Межэтнические отношения, начав развиваться на волне освободительных и демократических идей, под влиянием интересов и установок определенных политических сил и движений склонны быстро принимать экстремистскую форму и приобретать террористическую направленность, которая не может обеспечить ни освобождения, ни демократизации.

Общественно-политическая практика показывает, что этнический терроризм не имеет ничего общего с отстаиванием национального достоинства и тем более со спасением собственной нации. Нередко террористы националисты отстаивают свои собственные интересы и взгляды, а отнюдь не желания большинства того этноса, за независимость которого они якобы борются.

Например, во Франции активно действует террористический Фронт национального освобождения Корсики, который ставит своей целью достижение независимости Корсики. Однако, согласно опросу общественного мнения в 1996г., подавляющее большинство корсиканцев – 91% не поддерживает

---

¹ Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д. Территориальная идентичность и межэтнические отношения // Политические исследования. - 2001. - № 2. - С. 62.

²Цит.по: Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: современный политический опыт в историческом контексте // Политические исследования. - 1998. - № 3. - С. 197.

идею независимости острова¹. Не вызывает сомнений, что корсиканские террористы – националисты, которые, как и многие им подобные, движимы лишь жаждой власти; подлинные интересы своего народа ими игнорируются. В таких случаях внимательный анализ позволяет рассмотреть тщательно маскируемое презрение к собственному народу.

В ряде случаев националистам нужны трупы соплеменников, иногда много трупов. Тогда, во-первых, возникает вражда и ненависть к представителям государственной власти и «главной» нации, а отделение и образование самостоятельного государства начинает представляться единственно возможным выходом из создавшегося положения, единственным способом спасения собственного этноса. Последний спланируется и консолидируется для защиты от общего врага. Во-вторых, что исключительно важно, против государства формируется общественное мнение, поскольку имеются многочисленные жертвы, причем на общественность особо гнетущее впечатление оказывает гибель мирного населения. Вожди чеченских сепаратистов прекрасно понимали, что их полупартизанская небольшая армия никак не способна одолеть российские войска. Поэтому ставка была сделана на остроотрицательное отношение к чеченской войне в России и за рубежом, возникшее как реакция на гибель мирного населения. Эта реакция должна была заставить центральную власть пойти навстречу требованиям сепаратистов. Можно сказать, что имел место своеобразный террор против чеченского народа, организованный главарями сепаратистов и осуществленный руками российских военных, общественность же стала его невольным соучастником.

К тому времени, когда эйфория по поводу прелестей самоопределения заметно поубавится, этнос оказывается втянутым в безнадежные кровавые конфронтации с другими этносами, составляющими его окружение.

В современной западной этнополитологии сложилось весьма разветвленное научное направление, которое уделяет большое внимание изучению роли так называемых этнических и религиозных предпринимателей. Речь идет о политических лидерах, наживающих политический капитал на акцентировании

---

¹ Казанская Г.В. «Особый случай» корсиканской автономии//Политические исследования. - 1995. №5. С.137.

межэтнических и межконфессиональных различий. Представители этой школы - Дж. Ротшильд, П. Брасс, М. Эсман и другие¹.

В отечественной науке изучению феномена механизма группового манипулирования как инструмента консолидации этнических и религиозных групп в ходе межгрупповых политических конфликтов уделено несправедливо мало внимания. Из российских ученых достаточно внимательно эту тему рассматривает А.В. Попов, который выделяет три стадии процесса манипулирования общественным сознанием². Причем все три стадии можно наглядно проиллюстрировать на примере Чеченской республики.

Первая стадия - «эмоциональная актуализация ксенофобий», при которой все прошлые и настоящие, действительные и мнимые обиды должны быть выведены на поверхность общественного сознания и поданы в болезненно-заостренной форме как свидетельства и символы национального унижения и оскорбления. Такая психологическая обработка, осуществляемая с помощью специальной литературы и СМИ, направлена на то, чтобы задеть наиболее чувствительные струны человеческой психики, затрагивающие честь и достоинство каждого представителя данного этноса.

Подготовка чеченского общества к вооруженному сопротивлению федеральной власти проводилась задолго до ввода федеральных сил в Чеченскую республику. Инструментом воздействия на массовое сознание и мобилизацию общества для борьбы с центральной властью были некоторые литературные произведения чеченских авторов, многочисленные публикации местных и московских историков, других обществоведов, переводные сочинения, националистическая литература из других регионов СССР. В них пестовался-трагико-драматический или геройский облик чеченской истории и чеченцев, звучали призывы к «восстановлению исторической справедливости».

Вторая стадия группового манипулирования - «практическая ориентация групп» - состоит в том, что массовое сознание («соотечественников» или «едино-

---

¹ См: Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма //Общественные науки и современность. - 2002. - №4. - С.117.

² См: Попов А.В. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. - М., - 1997. - С. 280

верцев»), разогретое пропагандой «народного возмущения», направляется на конкретные свершения с помощью привлекательных политических целей, программ, перечня популярных практических шагов. Это весьма непростой этап в системе манипулирования общественным мнением, требующий сосредоточения усилий интеллектуалов. От умелости их действий зависит много. Так, «изготовленная ими программа, - пишет А.В. Попов, - может быть примитивной, сработанной по лекалам погромных кличей и рассчитанной исключительно на люмпенов, но может быть и развернута в эстетически привлекательную... идеологическую систему, способную мобилизовать широкие слои населения...»¹. Как правило, подобные программы строятся на двух уровнях - публичном («программа для масс») и эзотерическом («программа для вождей»). Последняя, по мнению автора, содержит технические детали планируемых террористических акций, будь то захват власти или дестабилизация ситуации в некоем регионе, в стране, в мире.

Третья стадия - «моральная легимитизация насилия» - завершает процесс группового манипулирования. Власти, которые просто-напросто прозевали подготовительный этап, пытаются остановить массовое движение при помощи силовых структур (разгоны, запреты демонстраций, митингов и пр.) и репрессий (штрафы, увольнения, организация судебных преследований и пр.). Лидеры националистических движений с готовностью формируют военизированную охрану («отряды самообороны» и пр.), которая становится национальным вооруженным формированием. Таким образом, конфликтная ситуация переходит в этап вооруженного противостояния, нередко с использованием террористических методов борьбы.

Имелись конкретные предпосылки, способствовавшие реализации всех стадий эскалации конфликта до террористических актов в Чеченской республике. Процесс актуализации этничности с неизбежностью интенсифицировался, приобретая дополнительные характеристики. Прежде всего, этничность здесь практически полностью соответствует матрице традиционной социо-культурной сис-

---

¹ Попов А.В. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. - М., - 1997. - С. 282 .

темы. Установка на полное восстановление возможностей этнокультурного воспроизводства потребовала и ревитализацию соответствующих традиционных институтов и ролей. Далее, при существенном сходстве базовых черт традиционных общественной организации и культуры, общности религии у народов Северного Кавказа, разграничение «мы - они» в этническом самосознании выливалось по преимуществу в представление о границах этнических территорий. Запутанность исторического наследия в этом вопросе и давление текущей политики вели к гипертрофии этнотерриториальных признаков идентичности. Наконец, актуализация этничности порождала элементы психологического дистанцирования от Российского государства¹.

Интенсивное идеологическое воздействие на историческую память населения, апелляция к ней как к фактору делегитимизации системы советского социализма также имели особое влияние на ситуацию в регионе. Ведь актуализация исторической памяти для поисков идентичности и для ориентации в современных общественных реалиях изначально интерпретировалась новой политической элитой России в виде «синдрома жертвенности и вчинения исков». История политики Российской Империи и СССР в отношении народов Кавказа объективно дает большой материал для подпитки этого синдрома. Но такая избирательность исторической памяти навязывалась и своеобразным контекстом современной региональной политики российских властей, вернувшихся, казалось, к решению задач конца XVIII века. Сами риторические формулы, звучащие: «Россия и Кавказ» или «Кавказская политика России»; политическая практика, включавшая маневрирование между республиками и национальными группами, элитами, движениями, региональными властями и оппозицией; элементы «вмешательства», так же как и сам его характер, сводившийся к использованию вооруженных контингентов, - все это создавало впечатление, что государственная власть РФ не считает себя представителем народов Северного Кавказа, а намерена проводить некие внешние по отношению к ним российские интересы в данном регионе. «Внешнеполитический» оттенок такой линии российской власти усиливался

---

¹См: Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: современный политический опыт в историческом контексте // Политические исследования. – 1998. - № 3. - С. 197.

тем, что она порой действительно выглядела как продолжение и отражение её закавказской, т.е. действительно внешней политики. Не менее важно было назойливое акцентирование геополитического аспекта региональной политики и подчеркнутое внимание к укреплению Северо-Кавказского военного округа. Наконец, чрезвычайно показательный аспект деятельности российского руководства на Северном Кавказе - его отношение к движению казачества, подтверждавшее фактическую готовность пойти навстречу требованиям восстановления статуса казачества как военно-служилого, «милитаризованного» сословия. Это было прямым стимулом к возрождению элементов традиционного уклада жизни народов Северного Кавказа¹.

«Архаизирующие эффекты экономических реформ, хозяйственной политики последних лет также выразились довольно сильно - разрушаются наиболее современные сектора производственной и научно-технической сфер и резко снижается статус соответствующих социально- профессиональных категорий, что вытесняет их в более «отсталые» и традиционные сферы хозяйства. В целом резко возросла значимость для населения натурального самообеспечения на основе парцеллярного сельскохозяйственного производства. Столь различные, но оказавшиеся ныне взаимосвязанными процессы, такие как ослабление социальных функций государства и развертывание свободной экономической самостоятельности, в т.ч. частного предпринимательства, привели к резкому повышению функциональности традиционных типов социальных связей и институтов, прежде всего семейно-родственных, земляческих, клановых»². Развал федеральной бюджетной сферы снижает социально-интегративные функции российской государственности, ведет к размыванию социальных слоев, ориентированных в своей жизнедеятельности на стабильное и эффективное функционирование институтов социетального центра огромной страны. Дополняет картину дифференциация этих проявлений в различных этнических средах.

Механизм эскалации этнических экстремистских устремлений известен.

¹ См: Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: современный политический опыт в историческом контексте // Политические исследования. - 1998. - № 3. - С. 198.

² См: Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: современный политический опыт в историческом контексте // Политические исследования. - 1998. - № 3. - С. 189 – 199.

Сначала национальное движение «от имени народа» (формой представительства «народного волеизъявления» могут быть национальный съезд, национальный конгресс, национальный совет и другие варианты) - заявляет о желании наций выйти из состава государства и образовать собственное суверенное национальное государство.

Органы власти государства (ссылаясь на Конституцию) обычно отвергают возможность предоставления независимости. Отказ вызван объективными причинами, хотя со стороны кажется, что дело упирается в амбиции центральной власти. Отрицательный ответ заключается в невозможности разделения государственной территории по экономическим, культурным, историческим причинам. Но главное политические причины - геополитический и военно-стратегический интерес всего государства в целом. Исполнительные органы власти и силовые структуры государства начинают оказывать давление на лидеров и активистов национального движения, пытаясь заставить их отказаться от поддержки сепаратистских лозунгов. В ответ «новоявленные князьки», почувствовав вкус власти и денег, уже ничем не брезгают: выдвигают более радикальные требования и обращаются за поддержкой «к народу». И когда определенная работа по ведению в массах скрытой пропаганды и отбору наиболее преданных сторонников закончена, наступает стадия реализации конфликта с тенденцией нарастания противостояния сторон.

Однако было бы не совсем корректно пытаться объяснить причину усиления этнических экстремистских тенденций террористической направленности только доминирующей ролью политических элит. Такой подход не может в полной мере объяснить феномен готовности к массовой мобилизации и интенсивности эмоций экстремистов, изначальную силу группового стремления к независимости, жертвенности, готовности перейти к самым жестоким формам насилия.

По-видимому, более основательным будет являться системный подход, в равной мере учитывающий как общие характеристики, так и региональную специфику «потенциала этнической экстремальности». Последний состоит из комплекса межэтнических и межнациональных противоречий следующего характера:

- исторического;
- территориального;
- политического;
- социального;
- этнокультурного или иного свойства, способного при определенных условиях реализоваться в форме экстремизма с применением террористического насилия.

Так, исторические предпосылки обычно выступают, как уже говорилось, в виде глубоко укорененных в этническом сознании (пристрастных по форме и агрессивных по содержанию) представлений об «исторических врагах».

Этно-территориальные предпосылки политического терроризма кроются в виде устойчивых претензий на так называемые «этнические территории».

Политические – как политико-правовая ущемленность статуса национальных автономий и этнических меньшинств в государствах, основанных на принципах этнического национализма; как отсутствие суверенной государственности.

Экономические предпосылки возникновения политического терроризма состоят в борьбе лидеров экстремистских организаций за «естественное право» на обладание ресурсами и собственностью.

Социальные и этнокультурные противоречия связаны с неравномерным развитием этнических территорий, с дискриминацией определенной национальной группы по расовому, этническому или религиозному признаку; немаловажное значение имеет и неравная степень свободы доступа разных этносов к ресурсам и рынкам.

О наличии подобного комплекса противоречий, реально подпитывающих экстремистские и террористические движения, можно говорить в отношении большинства полиэтнических государств мира. Если в некоторых регионах межэтническая напряженность не выходит за цивилизованные рамки

общей отрицательной комплиментарности между этносами, то в других регионах идентифицируется как критическая, с применением междуетнического насилия, в том числе террористического направления.

Суть конфликтов в современной России, ведущих к всплеску национализма и обретающих экстремистскую форму, состоит в борьбе за контроль над системой национально-культурного воспроизводства, за создание политических институтов для обеспечения реального суверенитета нации. Необходимо учитывать ярко выраженный политический характер современного этнического терроризма, поскольку в нем используются этнические и этнотерриториальные вопросы в качестве аргументов в борьбе за изменение политической структуры общества, политических отношений и связей государства, т.е. преследуются сугубо политические цели.

В недавнем прошлом «зоны» этнического экстремизма сосредотачивались преимущественно в странах Ближнего и Среднего Востока. Сегодня, если можно так выразиться, «дуга этнополитического экстремизма и терроризма» протянулась от Западной Сахары – через Балканы, Восточную Европу, Малую Азию, Причерноморье, Северный и Южный Кавказ, Центральную Азию и Тибет до Юго-Восточной Азии. В данном перечне не составляет исключение и постсоветское пространство.

В настоящее время территория бывшего СССР – это множество регионов с потенциальными очагами политического экстремизма и терроризма. В качестве таких очагов могут рассматриваться: российско-кавказские, российско-центральноазиатские, армяно-турецкие, армяно-азербайджанские, азербайджано-иранские, туркмено-афганские, таджико-афганские, грузино-абхазские и иные отношения. В пределах постсоветского пространства высоким уровнем этноконфессиональной конфликтогенности выделяются Кавказ и Средняя Азия, что дало основание Збигневу Бжезинскому рассматривать их как «евразийские Балканы»¹.

Анализируя политическую ситуацию на территории бывшего СССР

---

¹ Информационно-аналитический бюллетень «Этнический мир» - http://www.Ieie.nsc.ru/_adrepec/RePEc/rus/demoan/a_.

можно утверждать, что этнические стороны открыто декларируют этнический или религиозный характер экстремистских устремлений и применяют массированное насилие, в том числе в террористической форме, при наличии следующих условий:

- если в районе наблюдается дискредитация стабилизирующей роли государства, резко нарушены условия устойчивого развития и возникла ситуация геополитического вакуума;

- если экстремистским силам удается заручиться «гарантиями» относительно реализации своих этнических амбиций со стороны достаточно влиятельных политических сил извне;

- если хотя бы одному из субъектов конфликта удается получить реальную финансовую помощь для реализации террористических актов.

Соединение этих трех условий становится катализатором, побуждающим этнических экстремистов к решительным агрессивным действиям: одним из основных средств «решения» проблемы становится терроризм.

На общеевропейском уровне описанная ситуация совершенно отчетливо проявилась в Балканском кризисе, где межэтнический и межконфессиональный экстремизм сербов, хорват, албанцев и других этносов в условиях деструкции режима устойчивого развития была использована странами Запада (и в первую очередь США) для реализации своих собственных интересов.

С этой точки зрения, попытки рассматривать современный сербохорватско-албанский конфликт как проявление исторического соперничества и традиционной вражды между православными, католиками и мусульманами, или как столкновение трех «цивилизаций» - западно-христианской, восточно-христианской и мусульманской, являются лишь концептуальным «прикрытием» тривиального стремления конкретных государств, а также международных финансовых и политических сил скрыть собственные корыстные интересы как истинные причины конфликтов.

Многие исследователи отмечают, что в России Беловежское соглашение окончательно развязало руки этническим националистам, что в свою

очередь, дает реальную возможность для активного вмешательства во внутренние дела страны западных государств транснациональным экстремистским и террористическим организациям, и другим, крайне деструктивным внешним политическим силам. Подобное вмешательство осуществляется путем целенаправленной канализации политико-дипломатической, финансово-экономической, информационной, гуманитарной, технической, а иногда и прямой военной «помощи» экстремистам и террористам на территории России. Другими словами, интересы стран Запада, «гегемонии» нового типа, стали играть роль своеобразной матрицы, определяющей интенсивность этнополитического экстремизма в нашей стране, формы его проявления, и даже варианты урегулирования конфликта и борьбы с терроризмом.

Возможно, учитывая геополитический интерес третьих стран в развязывании этноконфессионального экстремизма в России, важнейшими предпосылками и одновременно условиями урегулирования внутренних конфликтов будет являться:

- деполитизация конфликта;
- восстановление режима устойчивого развития;

Первое условие предполагает предварительно согласованный паритетный отказ заинтересованных «внешних сил» от государственно-дипломатической, военной, политической и информационной форм геополитического вмешательства во внутренне - и внешнеполитическую жизнь России. Но, учитывая настойчивую военную экспансию США в бывших республиках СССР, на выполнение этого условия надеяться не приходится.

Второе условие предполагает:

- восстановление дееспособной политической власти;
- наличие демократического правового государства;
- обеспечение единства страны, отказ регионов и национальных меньшинств от политики сепаратизма, признание за верховной властью всех полномочий в деле обороны страны, ведения иностранных дел, борьбы с организованной преступностью;

- предоставление компактно проживающим меньшинствам широкой автономии и права решения собственных дел;
- признание культурной автономии территориально рассеянных национальных меньшинств;
- проведение политики упреждения перерастания этнических противоречий в националистический сепаратизм с использованием террористических методов борьбы;
- для нормализации обстановки использовать политику национального примирения.

Ход развития событий в XXI в. во многом зависит от того, удастся ли не допустить нового раздела мира, теперь уже по цивилизационно - конфессиональному принципу. Дело в том, что только «в США шесть миллионов людей, принявших ислам, и они представляют, пожалуй, наиболее быстро распространяющуюся там религию. В Европе – миллионы мусульман, эмигрировавших из Турции, Албании, Северной Африки, Сирии, Ливана, Пакистана, Индии, Индонезии, Малайзии, Филиппин. Их число тоже не будет уменьшаться».¹

На территории России имеются регионы с компактным мусульманским населением, где проживает около двадцати миллионов мусульман. Поэтому утверждения, что ислам – агрессивная, воинствующая религия и что агрессивность исламского мира нарастает – способствуют разделению страны по конфессиональному признаку, наносят серьезный удар, в первую очередь, по российскому федерализму.

Важно отметить, что уже сама перспектива такого раздела, движение в этом направлении создадут благоприятные условия для роста сепаратизма – одной из наиболее опасных болезней современности. Неверно считать, что понятие «сепаратизм» полностью сводимо к категориям «агрессия», «насилие». Сепаратизм не всегда включает насильственную компоненту, так как политический процесс, целью которого является создание собственного го-

---

¹ Примаков Е. Война с исламом может расколоть Россию // Этносфера. - 2002. - №11 (50). - С.10.

сударственного образования, не всегда сопровождается всплеском непосредственного насилия. Тем не менее, сегодня сепаратизм явился одной из наиболее опасных тенденций, мешающих устойчивому развитию в мире. Нельзя игнорировать эту угрозу, оставаясь в плену марксистской формулы «самоопределение вплоть до отделения», зафиксированной в Уставе Организации Объединенных Наций и получившей широкое распространение. Реалии дня таковы, что приверженцы лозунгов защиты общедемократических ценностей, утверждающие, что самоопределение нации или этнической группы включает в себя ее право на отделение и создание собственного государства – способствует росту межэтнической напряженности. «Ныне эта формула, очевидно, устарела. И если этого не признать, можно так или иначе поощрить развитие событий, которое покрывает весь земной шар множеством очагов насилия. В XXI веке в составе 150 многонациональных государств насчитывается две с половиной тысячи национальных этнических групп. В случае реализации права этих национальных или этнических групп выделить в самостоятельные государства международные отношения будут погружены в хаос»¹.

Действительно, национальный вопрос существует и одним отказом от формулы, по которой каждая нация или народность вправе сами распоряжаться своей судьбой, проблему до конца не решить. Но важно отметить, что право на самоопределение не должно входить в противоречие с защитой принципа территориальной целостности любого государства. Создание новых государств возможно лишь при достижении двустороннего согласия на это как выделяющейся, так и остающейся в рамках данного государства части населения данной страны. Если нет согласия в данном вопросе, то единственный путь решения национального вопроса – автономия в рамках сохраняющего свое единство государства. Такая автономия должна дать самоопределяющейся нации или этносу широкие права в социально-экономической, политической и культурной областях.

---

¹ Примаков Е. Война с исламом может расколоть Росси. // Этносфера. - 2002. - №11 (50). - С. 10-11.

Раздел любого государства по национально-религиозному признаку окажет крайне негативное воздействие на стабильность внутригосударственных и межгосударственных отношений. Раздел мира по такому признаку существенно затруднит становление и развитие мировой цивилизации, которая должна стремиться вобрать в себя все лучшие черты различных национально-религиозных особенностей цивилизаций современного мира.

В заключение необходимо отметить, что этнических конфликтов, а соответственно, этнического экстремизма и терроризма в чистом виде не существует, поскольку их главную цель составляет борьба за власть, территорию и ресурсы.

При этом политический терроризм активно стремится привлечь на свою сторону этнически и конфессионально близкие народы, финансовые и политические круги других государств, мировое общественное мнение, что ведет к интернационализации и эскалации конфликтов. Политический терроризм, как форма выражения этнического экстремизма на стадии эскалации конфликта, способен придать конфликту межрегиональный, а в некоторых случаях и глобальный характер. В полиэтничной России необходимо научиться просчитывать все возможные последствия принимаемых политических, экономических, административных решений, проводя их своеобразную экспертизу с точки зрения влияния на состояние межнациональных отношений в стране.

2.2. Политический терроризм как форма религиозного экстремизма

История развития общественных отношений убедительно доказала, что политический терроризм, как выражение крайних методов и установок экстремистских сил в политической борьбе, обладает способностью проникать во все сферы общественных отношений, причем в каждой из них имеет определенную направленность, степень остроты. Проникая в конфессиональную среду, терроризм порождает новые конфликты, осложняет уже существующие. При этом, как отмечают многие исследователи, например, А. Васильев¹, В.С. Глаголев², И. Ермаков³, А.Г. Здравомыслов⁴, И.А. Каримов⁵, Д.В. Микульский⁶, А.А. Нуруллаев⁷, С.Б. Филатов⁸, сама религия выступает как компонент политики. Поэтому далее правомерно и актуально будет рассмотреть религию как один из главных факторов этнической политической мобилизации.

Несмотря на исключительную важность данной проблематики для решения социально–политических проблем России, в других отраслях наук имеются недостаточно публикаций в ее русле, например, в области философии и психологии. Можно отметить, в частности, монографию Л.Н.Митрохина «Философия религии». (М., 1993). В определенной мере духовно–нравственная, религиозно–философская проблематика затронута в коллективных монографиях А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой, М.И. Воловиковой⁹. Что касается отечественной психологии – тут традици-

¹ Васильев А. Пуритане в исламе. Ваххабизм и первое государство. - М.: Наука, - 1967.

² Религия и политика («круглый стол»)// Социально-политический журнал. - 1994. - №6. - С.224-225.

³ Ермаков И. Политический экстремизм и религия // Власть. - 2001. - №12. - С.59-60.

⁴ Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект-пресс, - 1996. - С.157.

⁵ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия стабильности и гарантии прогресса. - Ташкент: Узбекистан, - 1997.

⁶ Религия и политика («круглый стол»). Микульский Д.В. Мусульманские организации в России // Социально-политический журнал. - 1994. - №6. - С.223.

⁷ Религия и политика («круглый стол»). Нуруллаев А.А. Принцип равенства религий в политической борьбе // Социально-политический журнал. - 1994. - №6. - С.223 - 224.

⁸ Религия и политика («круглый стол»). Филатов С.Б. Общественное мнение о роли религии в политике // Социально-политический журнал. - 1994. - №6. - С.222.

⁹ Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. Абульхановой К.А., Брушлинского А.В., Воловиковой М.И. М., - 1998.

онно доминирует естественно–научная ориентация. Исключением является работа В.А. Соснина¹, в которой он анализирует религиозную мотивацию индивидов и групп, пытаясь глубже понять действия многих современных религиозных социально–политических движений.

Американские ученые Т.М. Ласатер² и Г. Хансен³ отмечают, что несмотря на очевидную важность проблемы, ей в американской науке уделяется недостаточно внимания.

Политический терроризм, базирующийся на религиозных экстремистских идеях, символах и настроениях, стал ярким проявлением современных катаклизмов. Самые тяжелые последствия влечет за собой использование религиозных чувств во имя своих корыстных целей идейными вдохновителями политического терроризма, которые играют на столкновении интересов различных стран, различных политических субъектов и получают финансовую или иную помощь от той или иной стороны.

Поэтому анализ проблемы политического терроризма будет неполным, если не будет рассмотрено влияние на его развитие в России международных экстремистских и религиозных террористических организаций, которые в своей деятельности эксплуатируют искренние духовные убеждения и чувства индивидов, активизируя и без того сильное эмоциональное восприятие верующим окружающей действительности, особенно связанное с социальной и национальной идентификацией. Актуально рассматривать данное явление в контексте политических мотиваций религиозно–экстремистских организаций, угрожающих российской государственности.

При проведении политического анализа необходимо учитывать тот факт, что политические лидеры экстремистских и террористических организаций используют религиозный фанатизм как наиболее удобную психологическую формулу для трансформации политического экстремизма в терро-

---

¹ Соснин В.А. Психология религии: американский опыт // Психологический журнал. - 2002. - Том 23.

² Lasater T.M. Religions organizations and largescale health related lifestu le change programs // J. of Health Education. - 1991. - №22. - p.233-239.

³ Hansen G. Religion and marital adjustment / Ed. J.E. Schumaker // Religion and mental health. N.Y., - 1992. - p. 189-198.

ризм.

Применение широко употребляемых при теоретическом анализе социально-политических процессов и явлений понятий «религиозный экстремизм» и «религиозный терроризм» на первый взгляд кажется точным. При комплексном, многомерном рассмотрении проблемы экстремизма и терроризма, учитывающем взаимодействие религиозной и политической составляющей явлений, выясняется преобладающая политическая роль религиозной компоненты в общественно-политической жизни общества.

Политический характер деятельности таких организаций отмечается, как уже подчеркивалось выше, многими исследователями. По этому поводу в научной литературе высказываются разные мнения, например: «Обладая несомненным сходством проявлений, религиозный экстремизм почти всегда обнаруживает политическое содержание, порой ярко выраженное. Однако, несмотря на то, что религиозный экстремизм имеет порой политическую окраску, он представляет собой не столько политический, сколько религиозный феномен»¹.

Другие ученые, наоборот, считают, что: «Для анализа современной ситуации наиболее правомерно ввести понятие «религиозно-политический экстремизм», с тем, чтобы не возлагать на религию ответственность за безответственные преступные деяния экстремистов, использующих те или иные религиозные постулаты... Также, как этнонационалистический экстремизм, религиозно-политический экстремизм является разновидностью политического экстремизма»². Оперировать понятием «религиозно-политический экстремизм» и Рамазанов Т.Б. в статье «Религиозно-политический экстремизм в Чечне и Дагестане как фактор преступности»³.

Думается, что правы ученые, которые предлагают различать религиозно-политический экстремизм в отличие от «религиозного экстремизма».

¹ Назарова Е.С. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах // Автореферат на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. - Ставрополь, - 2001. - С.17.

² Нуруллаев Е.С. Преодоление религиозно-политического экстремизма – важное условие укрепления национальной безопасности России // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С.544.

³ Рамазанов Т.Б. Религиозно-политический экстремизм в Чечне и Дагестане как фактор преступности // Право и политика. - 2000. - №4. - С. 78-84.

Правда, они не до конца рассматривают данную проблему, не учитывая существование религиозных фанатиков-экстремистов, которые политические цели не преследуют, действия которых правомерно назвать религиозно-психологическим экстремизмом.

Точно так же выражение «религиозный терроризм», по существу, предлагает искать причины терроризма в той или иной религии, рассматривая проблему терроризма крайне однобоко, что абсолютно неверно. Использование в научной практике понятия «религиозный терроризм», некорректно и потому, что «затемняет подлинные цели национально-освободительных движений, довольно часто использующих религиозные идеи и лексику. Обвинение в тотальном религиозном терроризме и североирландских католиков, и палестинцев может вызвать ответную волну экстремизма противоположной им стороны, дестабилизировать переговорные процессы, сорвать мирные договоренности»¹.

Несмотря на то, что в научном мире стали появляться мнения о некорректности высказываний «религиозный экстремизм» и «религиозный терроризм», до сих пор другие формулировки четко не предлагаются. Автор предлагает ввести в оборот понятия «религиозно-политический терроризм», как форму религиозно-политического экстремизма, и «религиозно-психологический терроризм» как форму религиозно-психологического экстремизма. Религиозно-политический терроризм можно охарактеризовать как религиозно мотивированное или религиозно камуфлированное насилие (или угроза насилия) субъектов, преследующих политические цели: принуждения правительства (правительств) или международной организации к исполнению или воздержанию от исполнения какого-либо действия, а так же для серьезной дестабилизации или разрушения основных политических, экономических (социальных) структур страны или международной организации.

В случае религиозно-психологического терроризма насилие со стороны субъектов является религиозно мотивированным, направлено против членов

---

¹ Ермаков И. Политический экстремизм и религия //Власть. - 2001. - №12. - С.60.

общества и никаких политических целей не преследует, по крайней мере, на первом этапе.

Религиозно–психологический терроризм базируется на устрашении противников данной секты, как правило, тоталитарной. Террористы в данном случае используют насилие в целях, которые, по их мнению, определены Господом. При этом объекты их нападений размыты как географически, этнически, так и социально. Особенностью религиозных сект является доведение антропологического дуализма до самых крайних формулировок: члены секты отождествляют себя с «избранными», «спасенными». Все, кто не с нами – «проклятые» и насилие в отношении них в глазах членов секты становится естественным. Сектанты обычно начинают с устных или письменных угроз, которые заканчиваются физическими расправами. Их угрозы нельзя игнорировать, поскольку они исходят от дезадаптированных, социально и психологически изолированных, фанатически настроенных и часто психически нездоровых личностей, которые с маниакальным упорством будут защищать свое единственное психологическое убежище.

Практика показывает, что деятельность ряда религиозных сект сопряжена с применением психологического воздействия, которое направлено на формирование у лица (группы лиц) новых или изменение уже существующих убеждений, установок, ценностей, смыслов, отношений, мотивов, ориентаций. В крайних ситуациях деформируется даже восприятие действительности. Так, «известны случаи, когда в присутствии лидера религиозной группы у участников изменялись вкусовые ощущения, трансформировалось зрительное восприятие»¹. Неспособность лица осознавать опасность своих действий провоцируется искаженным восприятием реальности, которое возникает вследствие психологического воздействия. Главари секты приобретают власть и деньги, а попавшие под их влияние готовы пожертвовать ради мнимых религиозных идей благополучием, семьей, состоянием, детьми, жизнью, как своей, так и чужой.

---

¹ Бурковская В. Проблемы вменяемости членов религиозных или общественных объединений, посягающих на личность и права граждан // Уголовное право. - 2002. - №1. - С.3.

В этом случае представляется целесообразным рассматривать феномен терроризма с психологической точки зрения, т.к. причины религиозно-психологического терроризма лежат в плоскости массового психоза. В социально-общественной сфере это находит выражение в культурной геттоизации, сектантских движениях и создании культов.

Намеченные к реализации цели, программные установки и практические шаги морально санкционированы господствующей в данной среде религиозной догмой, после чего любые террористические акции религиозного движения воспринимаются как нравственно оправданные, отвечающие высшим интересам членов секты.

Среди подобных религиозных объединений выделяются: «Аум Синрике», «Храм Народов», «Ветви Давида», «Раджниш». 20 марта 1995 г. в токийском метро в результате распыления боевого отравляющего газа зарина погибло 11 и получило серьезные отравления 5,5 тыс. человек. Ответственность на себя взяла религиозная секта «Аум Синрике», приверженцев которой только в России насчитывалось 40 тыс. человек. До сих пор мир не знает причин, толкнувших сектантов на этот поступок. Загадочным осталось суицидальное сектантство типа «Храма Народов», «пастора» Джима Джонса (в 1978г. около 1000 членов этой секты, уехавшие в Гвиану, «добровольно-принудительно» покончили жизнь самоубийством). Секта «Ветви Давида» Давида Кориша сгорела в огне ранчо в Уэко в 1992 году, после поджога при атаке силами ФБР. В середине 80-х годов XX века члены религиозной секты «Раджниш» заразили сальмонеллой пищу в ресторане Орегона, в результате чего пострадало 715 человек.

Подобный характер имеет «Движение насилия против абортов»¹, имеющее в своем составе протестантов и католиков, ориентирующихся на христианский фундаментализм. Члены этой организации считают, что Бог велит сохранять зарождающуюся жизнь, а не уничтожать ее. Движение ведет борьбу, совершая террористические акции против медицинского персо-

---

¹ Ермаков И. Политический экстремизм и религия // Власть. - 2001. - №12. - С.59-60.

нала в медицинских учреждениях, делающих аборт, также против тех, кто поддерживает право на них. Заслуживает внимания тот факт, что члены этого движения открыто провозгласили о стремлении к насилию даже в самом названии организации.

О существовании в России тоталитарных сект известно мало. Вызывает интерес «Опричное братство», находящееся в сибирской деревне. Духовный лидер паствы г-н Щедрин, сам москвич, работает под псевдонимом Николай Козлов. Идеиные убеждения этой секты заключаются в призывах «Убей еврея – отпустился 40 грехов». Считается, что г-н Щедрин имеет способности, близкие к способностям Григория Распутина, сами сектанты считают себя последователями Распутина. В то же время «опричники» угрожают судом всем, кто их затронет¹.

Основатель сайентологии Хаббард² неоднократно заявлял своим последователям, что судебную систему нужно использовать для запугивания врагов. Освоенный лидерами подобных сект метод судебного сутяжничества сильно усложняет борьбу общества с тоталитарными сектами. Они преследуют своих оппонентов бесконечными судебными разбирательствами и если не могут, используя судебные органы, заставить их замолчать, стремятся разорить их. И действительно, хотя такие судебные иски религиозных сект, объединений и организаций почти не завершались успехом, многие ученые, журналисты и критики стали опасаться писать и говорить о них, не желая получать бесконечные судебные иски.

От религиозно-психологического терроризма, который зачастую на первом этапе развития не преследует политические цели, следует отличать религиозно-политический терроризм, обнаруживающий ярко выраженное политическое содержание. Во втором случае терроризм, как форма религиозного экстремизма, представляет собой не столько религиозный, сколько политический феномен, когда религиозные чувства становятся политическим инструментом, которым пользовались и будут пользоваться самые разные

¹ «Опричное братство» - [http://www.kuraev.ru/science/vestnik/2001/issue2/vest2...6\[1\].htm](http://www.kuraev.ru/science/vestnik/2001/issue2/vest2...6[1].htm).

² Л. Рон Хаббард – <http://www.hevskiy.orthodoxy.ru/center/sprav/satanism/habbard.html>.

политические силы, в том числе светские.

В то же время на уровне обыденного сознания сложилось устойчивое представление, что именно религиозный фактор является единственной доминантой современного политического терроризма. Такой стереотип сложился в отношении всех крупных политических конфликтов: армяно-азербайджанского, югославского, чеченского, арабо-израильского и англо-ирландского.

Начиная с Тюдоров национальной политикой Англии было изгнание ирландцев с коренных земель и передача их собственности в руки англичан. Проблема Северной Ирландии – это колониальная проблема, существующая уже несколько столетий. Сформировавшись как политический, и имея политические корни, конфликт сегодня воспринимается как межконфессиональный, т.к. для ирландца понятие «протестант» стало символом угнетателя, захватчика. И при этом неважно, является ли протестант англичанином или, скажем, шотландцем. По этому поводу У. Коннор метко заметил, что с таким же успехом «этот конфликт можно описать как конфликт фамилий, а не религий... фамилия остается надежным признаком ирландского происхождения... По этой причине фамилия может вызвать как позитивную, так и негативную реакцию»¹. Несмотря на то, что этот этнический конфликт трансформировался в религиозный, его глубинные истоки остались прежними.

В арабо-израильском конфликте религиозное содержание заняло одно из ведущих мест в новом витке конфликта в конце столетия. Вероисповедание стало выступать в качестве главного элемента данного политического конфликта, хотя в его основе лежат сугубо территориальные притязания сторон.

Подобные организации, использующие религиозные воззрения верующих в политических целях, существуют и в США. Это, во-первых, Церковь арийской христианской нации, объединяющая многочисленные группы протестантов и католиков, ориентирующихся на христианский фундаментализм (общая численность – около 15 тыс. человек, создана в 1974 г.,

---

¹ Юридическая конфликтология / Под ред. Кудрявцева В.Н. - М., - 1999. - С.109.

штаб-квартира находится в штате Айдахо), ставящая своей целью создание «арийского государства» белых христиан на части территории США¹.

Если раньше кризисные ситуации, в частности, «холодная война» объяснялись антагонистическим противостоянием общественных систем, то сегодня возникла необходимость рассматривать именно религиозный компонент общественной жизни как общественную подсистему, которая имеет внутренние глубинные, скрытые от непосредственного наблюдения уровни реальности, которые тесно связаны с тем или иным социальным движением или партией, организаций. Перед исследователями-террологами стоит задача выяснить взаимосвязь религиозных и политических убеждений, а также способов и методов решения конкретных задач религиозно – политическими группировками (организациями).

Разрастание этнополитического и религиозно-политического терроризма ученые связывают с двумя основными причинами: геополитической и цивилизационной. Цивилизационных взглядов на проблему придерживаются многие отечественные ученые. Например, В.Л.Иноземцев и Е.С.Кузнецова пишут: «Мы заявляем, что современный мир не является глобализирующимся, а единственная проблема, имеющая глобальный характер, - взаимодействие между «первым миром и всеми другими», т.е. демократической постиндустриальной цивилизацией и традиционными социальными системами, где еще не сложилось подлинно гражданское общество. Первый полюс – западный мир, обладающий прогрессом, который выработал религиозные, ценностные, социальные и политические ценности. Второй полюс – мировая периферия, где наблюдается распространение бедности и нищеты, рост национализма и религиозного фанатизма, межконфессиональная и межэтническая вражда»². Теоретическую модель «глобальных противостояний» используют в своих доктринах также большинство коммунистических и исламских поли-

---

¹ Церковь арийской христианской нации – <http://www.yaseen.ru/terrorism/ikstrimism.htm>.

² Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI века. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. - 2001. - №6. - С.132.

тических идеологов, которые описывают терроризм в терминах битвы двух миров (исламский мир, или Юг и иудео–христианский мир, или Север). Иногда подобные противопоставления опираются на труды, не имеющие ничего общего с религиозными движениями и конфликтами. Например, часто применяется концепция крупного американского политолога, профессора Гарвардского университета С. Хантингтона об истоках глобального цивилизационного кризиса. Именно его работы чаще всего используются для обоснования теории несовместимости исламской и христианской цивилизаций. С. Хантингтон, отмечая прекращение холодной войны, заостряет внимание на конфликтогенности различий между отдельными цивилизациями, составляющими планетарную семью. Он утверждает, что эти различия могут оказаться опаснее противостояния на идеологической основе, так как в современном мире главную роль играют национальные и религиозные факторы¹.

Подобное мнение, конечно, имеет право на существование, хотя вряд ли оно верно. На деле терроризм явление универсальное и мало зависит от религиозно-цивилизационных особенностей того или иного общества. Например, как уже указывалось в данной работе, французские якобинцы культивировали идею террора. Потом ее подхватили русские народовольцы и эсеры. Результат общеизвестен: конец XIX – начало XX века ознаменовался для России разгулом политического терроризма, в результате которого, по некоторым данным, погибло около 10 тыс. человек. Затем идею террора, правда, не индивидуального, а коллективного и государственного, подхватили большевики².

Поэтому неправомерными являются попытки представить борьбу с терроризмом как борьбу против ислама или как «столкновение цивилизаций». Рассуждения такого рода противопоставляют мусульман остальному миру, разжигая и подпитывая межрелигиозную рознь в обществе.

Геополитической точке зрения соответствуют труды таких российских

---

¹ См: Хантингтон Самюэл. Грядущее столкновение цивилизаций, или Запад против остального мира // За рубежом. - 1993. - №30. - С.11.

² См: Кива А.В., Федоров В.А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. - 2003. - №1. - С.136.

ученых, как, например, С.Ю.Казеннов и В.Н.Кумачев, которые считают: «Мир вошел во временный этап крайней нестабильности, неопределенности и пониженной безопасности. Механизмы государственного, регионального и международного контроля за происходящими в мире процессами все чаще дают сбой. Их место пытаются занять силы, которые хотели бы использовать фактор нестабильности и частичной утраты контроля для ускоренного решения своих собственных задач, как правило, деструктивных. Подобных геополитических пустот и зазоров, особенно в силовой сфере, в мире появляется все больше. Зоны, где они появляются, и темные социальные закоулки в них становятся объектами пристального внимания и приложения политики международного терроризма»¹.

Действительно, десять лет существования однополярного мира продемонстрировали доминирование ценностей одной модели организации общества. В итоге проявился еще больший кризис, вызванный столкновением геополитических интересов, который взяли решить разные политические силы, прикрываясь религиозными знаменами. Тут главной задачей социологов, политологов и конфликтологов является выяснение того, кому это выгодно в большей мере.

Использование религиозных чувств людей в различных конфликтах – весьма распространенное явление. Используется мобилизационная функция религии и имеется немало случаев целенаправленного внедрения конфессионального фактора в конфликты. Наглядный тому пример – эволюция чеченского кризиса, который имеет в своей основе этнотерриториальный политический конфликт между государством и входящей в него этнической группой чеченцев.

Северный Кавказ и Средняя Азия стали компонентами так называемого ваххабитского полумесяца, в центре которого Каспий с его запасами нефти и газа. Конкретные финансовые, политические и геополитические интересы стали причинами ваххабитского «похода на север». В этих же интересах

---

¹ Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н. Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества – <http://www/auditorium.ru/books/157/06.html>.

проводится ваххабитская экспансия в республиках Северного Кавказа – Чечне, Ингушетии, Дагестане, КЧР. Дагестан стратегически наиболее важен, поскольку его территория примыкает к нефтяным районам Каспия (что как раз и нужно арабским вдохновителям конфликта). Именно по этой причине было предпринято военное нападение Хаттаба и Басаева в Дагестане. Но в Дагестане, в отличие от Чечни, отсутствовали сепаратистские амбиции, поэтому террористы не встретили ожидаемой поддержки. Это обстоятельство помогло российским властям зимой 1999-2000 года принять меры по вытеснению чеченских боевиков из Дагестана и уничтожить основную часть бандформирований на территории Чечни.

Главной задачей международных террористических организаций продолжает оставаться ослабление влияния России на Северном Кавказе. Не лишним будет напомнить, что далеко не случайно Турция пошла на постройку нефтепровода в обход России по территории Азербайджана и Грузии. Сегодня мы являемся свидетелями попыток экспансии на территории Северного Кавказа нетрадиционных и чуждых ценностей. Основная ставка сделана на внедрение такого религиозно-радикального течения, каким является ваххабизм. Объясняется это тем, что в идеологии ваххабизма (ответвления в суннизме, официальной религии Саудовской Аравии) есть много положений, подкупающих верующих.

Основной религиозной доктриной большинства политических и военных руководителей так называемой Республики Ичкерия был признан «ваххабизм» - «религиозно-политическое течение в суннитском исламе, возникшем в Аравии в XVIII веке (1730г.) на основе учения Махаммеда Ибн Абдаль-Ваххаби, который проповедовал строжайшее соблюдение правил, отказ от поклонения святым и святым местам, очищение ислама от поздних наслоений и нововведений, возврат к его первоначальной чистоте»¹.

Около 1770 года в Неджде (Аравия) было создано государство ваххабитов, которое в начале XIX века разграбили шиитские святилища, затем

---

¹ Ислам. Краткий справочник. - М., - 1998. - С.45.

взяли Мекку, разрушив мечети и исцарапав Каабу. После захвата Медины ваххабиты осквернили могилу пророка Мохаммеда. Как уже отмечалось, для ваххабизма были характерны призыв к возвращению к первоначальному исламскому пуританству и, как следствие, гонения на разбогатевших мусульман. За что некоторые исследователи даже называли их «коммунистами в исламе».¹

Ваххабиты были остановлены и разгромлены в 1811 году египетским правителем Мохаммедом Али, но вскоре восстановили свое государство. В настоящее время ваххабизм стремится привлечь на свою сторону верующих идеями доброты и осмотрительности, социальной гармонии, братства всех мусульман. Это движение зовет в прошлое, к исламской мечте «золотого века», временам Арабского халифата. Но потенциально ваххабизм несет в себе заряд агрессии и религиозной непримиримости.

В России ваххабизм стремится влиять на общественно-политические процессы, как субъектов РФ, так и всей страны. Этому немало способствуют российские СМИ, формирующие в российском и мировом общественном мнении представление о конфессиональном содержании чеченского конфликта. Необходимо учитывать, что «экстремизм зародился в лоне ислама не как результат естественного его развития, а в ходе возникновения и деятельности ряда исламских сект. Некоторые из них защищают ценности, далекие от традиционного ислама, а их приверженцы, рьяно подчеркивающие свою принадлежность к ним, не ведают об этом».² Особенно важно различать исламский фундаментализм и религиозный экстремизм, терроризм. Первый – как и любой другой религиозный фундаментализм, – ратует за религиозное воспитание, соблюдение религиозных традиций в быту. Второй ставит своей целью распространение силой религиозной модели государства, религиозных правил поведения в обществе и семье.

Немалую помощь религиозному экстремизму и терроризму в укрепле-

---

¹ Примаков Е. Война с исламом может расколоть Россию //Этносфера. 2002. - №11(50). С. 13.

² Там же. С. 13.

нии позиций на Северном Кавказе оказывает финансовая поддержка международной террористической сети. Так, например, на протяжении нескольких лет благотворительный фонд «Беневоленс», имеющий связи с «Аль-Каидой», обманывая своих спонсоров, направлял средства в Чеченскую республику на финансирование боевиков–ваххабитов. Только за четыре месяца 2000 года со счетов этого фонда, находящегося в США, было направлено 19 электронных переводов на сумму 700 тыс. долларов для подпитки чеченских сепаратистов. Деньги с этих счетов обналичивались, в частности, в Тбилиси и Риге¹. Таким образом, напрашивается вывод, что ваххабизм в России является приложением в политике международного терроризма, который потратил на его укоренение в России не один десяток миллионов долларов.

Идет невидимая неназойливая религиозная обработка, в первую очередь, молодежи, т.е. того поколения, которое столкнулось с идейным вакуумом. В этом отношении общество пожинает плоды политики времен СССР – закрытия мечетей, церквей и всеобщей атеизации. Выросло поколение, которое религию отцов знает лишь приблизительно и около. Возникшая идеологическая ниша в умах молодежи стала заполняться религиозными идеями «благожелательных» эмиссаров ваххабитского толка. Это касается и многих других нетрадиционных для России религиозных течений и есть идейное разложение общества.

Другой аспект проблемы состоит в том, что эмиссары ваххабизма стремятся к разжиганию религиозной розни не только между представителями христианской и исламской конфессий, но и внутри мусульманской конфессии.

Целью этих террористических организаций является ниспровержение светских режимов и уничтожение представителей других этнических групп ортодоксальной исламской веры, не согласных с «нововведениями». События в Афганистане тому подтверждение. Захватывая новые поселения, воины «Талибана» уничтожали всех, кто оказывал хоть небольшое сопротивление.

---

¹ Деньги для террористов // Российская газета. - 2003. - 19 февраля. - С.3.

Недопущение раздельного существования религии и государства приводит к невозможности построения цивилизованной политической структуры государства, эффективных внутри- и внешнеполитических связей. Многочисленные публичные казни жителей, не соблюдавших жесткие правила, зверства и издевательства над людьми наглядно показали всему миру, как лидеры движения «Талибан» устанавливали «диктатуру шариата»¹.

Так называемый «исламский терроризм», направляя свои удары не только против «неверных», но и против мусульманских стран и правительств, встречает жесткий отпор с их стороны. Например, в 1982 г. правительственные войска Сирии при подавлении исламского мятежа в городе Хама, расстреляли, по некоторым данным, 25 тыс. человек². Поэтому совсем не случайно включение многих мусульманских государств в антитеррористическую коалицию, и активные действия Северного альянса Афганистана против талибов.

Как свидетельствует историческая практика, спусковым механизмом террористической деятельности с религиозной окраской может выступать и политика отдельных неисламских государств. Не оправдывая действия террористов, все же следует отметить факт, что возведение и укрепление Израилем военных поселений в секторе Газа спровоцировали террористическую активность арабов. Примером может служить и запрещение пришедшими к власти в Алжире военными Исламского фронта спасения, который набрал почти 50% голосов в первом туре выборов в парламент 1991 года.

При этом для «заказчиков», для преступных центров, подготавливающих и использующих религиозных фанатиков–самоубийц, религиозные воззрения людей, готовых жертвовать своей жизнью, не столь важны. Конфессиональная принадлежность исполнителей террористических актов подчеркивается и акцентируется, или наоборот, затушевывается в зависимости от преследуемых конкретных политических целей.

---

¹ Назарова Е.С. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. - Ставрополь, - 2001. - С.99.

² Бельков О. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - №4. - С. 217.

К террористическим группам, способным использовать «суицидный терроризм», под религиозным и не только религиозным дурманом, как тактический прием в политической борьбе против своего или иностранного правительства, относятся исламское движение сопротивления («Хамас»), «Палестинский исламский джихад» на оккупированных Израилем территориях; «Хезболлах». («Партия Аллаха») в Ливане; «Египетский исламский джихад» и «Гамайя исламия» («Исламская группа») в Египте; «Вооруженная исламская группа (GIA)» в Алжире. Особенно выделяется в этом ряду «Аль-Каида» - международная террористическая организация исламских фундаменталистов, созданная в 1988 году. Возглавляет ее уроженец Саудовской Аравии Усама Бен Ладен. Основной костяк организации составляют ветераны войны в Афганистане. В организации «Аль-Каида» участвуют Айман аз-Заварахи, один из руководителей египетской организации «Аль – Джихад», Рифаи Ахмад Таха, лидер египетской «Ал – Джамаал – исламийа», Мунир Хамза, секретарь Ассоциации пакистанских улемов («Джаматал – уламас – Пакистан»), Фадл ар-Рахман Халил, глава «Движения ансаров» («Харакат ал-ансар», Пакистан), Абд ас-Салам Мухаммадан-Хан, глава движения «Джихад» в Бангладеш и т.д.

Действия этих террористических организаций в конце XX века в массовом представлении сформировали мнение, что основой политического терроризма явилась непосредственно исламская религия. Способствует этому и наличие значительного количества разных по размеру террористических организаций и группировок, в названии которых присутствуют слова – маркеры «исламский», «мусульманский».

Этому служит и провозглашаемая цель исламских фундаменталистов – создание теократических государств, руководствующихся законами шариата и управляемых духовенством. Этой цели фундаменталисты добились в Катаре, Иране, Судане, Афганистане. Так же существенное влияние на общественно–политическую обстановку в стране исламисты оказывают в Сирии, Ираке, Алжире, Тунисе, где вынуждены находиться на нелегальном положе-

нии.

Ваххабиты и талибы, не будучи представленными официальной церковью, оказывают прямое воздействие на мировую политику. В качестве декларируемых целей подобных политических течений выступает защита интересов этнических и конфессиональных общностей (групп). При этом декларируемые цели экстремистов и террористов могут быть мнимыми и фальшивыми, а их притязания представлять интересы этнической или конфессиональной общности – необоснованными.

Роберт Лукамбо, Х. Эдвард Фукуа, Джозеф П. Кенджеми и Казимир Ковальски, опираясь на исследователей мусульманского права, утверждают, что того, что сами террористы отождествляют себя с исламом, недостаточно для того, чтобы так считал весь мир. Они считают, что Коран не дает оснований для убеждений фундаменталистов. «Воинствующая доктрина – это не вера, а политическая идеология. Фундаменталисты полагают, что Джихад – это религиозная обязанность обращать в ислам неверных. Это не так: Джихад предполагает обязанность каждого стремиться к самоочищению от неверия, а на других людей Коран учит смотреть как на равных, независимо от пола, религии, языка и других различий»¹. Отдельные фразы, выхваченные из Корана, навряд ли могут служить характеристикой всего религиозного направления. Тем более что в Коране наряду с изречениями, которые могут интерпретироваться как призывы к насилию, в обилии содержатся призывы к миру, терпению.

Совершенно прав и А.А. Игнатенко, который считает: «Слова «духовенство» или «духовное лицо» в отношении лидеров террористических организаций не должны использоваться, как это часто делают, например, в отношении Абдаллы Азама, в дальнейшем Осамы бен Ладена и Аллазахери, который был врачом, а впоследствии стал религиозным «ученым», «алеймом», как называют его последователи и некоторые отечественные СМИ. Те произведения, что он сочиняет и публикует, претендуют быть не просто не-

¹ Лукамбо Р., Эдвард Х., Кенджеми Д.П., Ковальски К. Терроризм: психологические и политические аспекты – <http://urpsy.by.ru/biblio/terror/terror.htm>.

кими публистическими эссе. Это фетвы, составленные по всем правилам составления фетв, в которых он ссылается на какие-то положения в сунне, на мнения ученых – предшественников ваххабизма, ханболитов типа ибн Тайми. Таким же образом поступают руководители других террористических движений: Мухаммед Хусейн Фадляла, Омар Абдер Рахман, Хамазшейх Есин и др. При этом они не учитывают исторические особенности возникновения традиционного ислама, иносказательность литературного текста Корана, в чем проявляется политическая и религиозная недобросовестность идеологов подобного толка»¹.

Широкое использование в научном обороте терминов «религиозный экстремизм», «исламский экстремизм», «религиозный терроризм», «исламский терроризм» служит доводам идеологов политического экстремизма и терроризма, использующих религиозную почву. Необходимо учитывать, что отнесение участников конфликта к тому или иному религиозному вероучению используется обеими сторонами или в целях оправдания своей деятельности или для формирования образа врага.

Эти термины пришли к нам с Запада и продолжать использовать их в научном сообществе эти понятия некорректно и недальновидно в первую очередь с политической точки зрения. Термины «исламский терроризм», «исламский экстремизм» с одной стороны, вызывают негодование со стороны всего исламского сообщества, с другой стороны, террористическая деятельность под исламскими лозунгами объективно способствует разрушению исламского религиозного комплекса, потере исламом позитивного содержания. Именно для этих целей существует организованный Израилем и США целый сценарий дискредитации мусульманского мира. По этому поводу А.А. Игнатенко делает важное замечание, что лозунг «исламский экстремизм» «используется как инструмент внешнеполитического воздействия не только теми государствами, где возник религиозный экстремизм, в борьбе друг против друга, но и государствами Запада, которые эксплуатируют исламский

---

¹ Игнатенко А.А. Религиозный экстремизм как угроза международной и национальной безопасности // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С. 517.

экстремизм, выступая в качестве его внешнего (относительно самих стран распространения ислама) патрона, спонсора или, как минимум тыловой базы. Между тем исламский экстремизм может ударить и уже ударил своей возвратной волной по самому своему спонсору»¹.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что религиозный террорист - это, в действительности, политический террорист, который использует для достижения своих политических целей идеи, историю и положения конкретной религии в современном мире.

Религиозные идеи сами по себе не могут служить оправданием экстремизму и терроризму, наоборот, такая деятельность способствует разрушению религиозного самосознания, потере религией миротворческих функций, а религиозными организациями их авторитета. Политический терроризм, использующий экстремистские религиозные лозунги – разрушительная сила не только для отдельных сообществ, но и одна из глобальных проблем современности.

Россия ввиду своего геополитического положения и этноконфессиональной структуры занимает особое место в межконфессиональных процессах, происходящих в современном мире. Необходимо учитывать особенность Северо-Кавказского региона, так как Северный Кавказ является контактной зоной исламской и православной цивилизаций. В культурном и политическом отношении этот регион является частью России, а население Северного Кавказа – российскими подданными. Но, параллельно с этим, в результате исторического развития у многих народов Северного Кавказа доминирующей религией стал ислам. Это создает определенный конфликтный потенциал, который определяется не только политическими, военно-стратегическими, экономическими и другими материальными интересами, но и более глубокими – культурными и конфессиональными различиями.

В настоящее время на Северном Кавказе проживает около 16,5 млн. человек, составляющих более 100 национальностей и этнических групп, среди

---

¹ Игнатенко А.А. «Нутряное» и «ветряное». Об аналитических подходах к исламскому экстремизму в эпоху глобализации. – <http://26.marta.Russ.ru./2001/ise-wet-hut.html>.

которых русские, украинцы, белорусы и другие славянские группы составляют 74% населения, дагестанская группа – 7,6%, вайнахская – 6,2%, тюркская – 4,5%, абхазо–адыгейская – 3,4%¹.

Поэтому в контексте национальной безопасности и государственной целостности России особого внимания заслуживают:

- амбиции ряда исламских стран превратить мусульманский мир в самостоятельный центр политической силы;
- реальное воздействие фундаменталистского ислама на формирование многополярного мира;
- попытки США и некоторых западноевропейских стран разыграть исламскую карту в ущерб национальным интересам России;
- проникновение в Российскую Федерацию агентов влияния недружественных России зарубежных исламских центров и их попытки воздействия на внутреннюю жизнь страны.

Религиозные центры, официальные круги, специальные службы и неправительственные организации Турции, Саудовской Аравии, Пакистана, Арабских стран Персидского залива, используя ваххабизм, стремятся обеспечить благоприятные условия для оказания выгодного им воздействия на развитие политической и экономической ситуации на Северном Кавказе и в Российской Федерации. В целом распространение идей ваххабизма является одним из основных источников распространения политического терроризма в Северо–Кавказском регионе. Так, несмотря на усилия руководства Духовного управления мусульман и выбранной им линии на проповедование учения мусульман-суннитов Ханафитского мазхаба, на территории субъекта Российской Федерации – Карачаево-Черкесской республики – отмечается значительная активизация деятельности эмиссаров ваххабизма. В другом субъекте Российской Федерации – Кабардино-Балкарии – ваххабитские ячейки имеются фактически во всех районах республики, имеются данные о наличии 2 групп ячеек в городах Нальчик и Баксан².

---

¹ Религия и проблемы национальной безопасности // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С. 534.

² См: Религия и проблемы национальной безопасности // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С.538.

Разрастание ваххабизма отмечается и на территории Дагестана, Ингушетии, в Ставропольском крае. На основе строгой конспиративной системы ведется финансирование ваххабитских групп, распространяются соответствующие печатные и видеоматериалы, путем подкупа чиновников организуется проникновение ваххабитских эмиссаров в органы власти. Идет процесс вытеснения из мечетей представителей лояльного духовенства и замена их на молодых имамов, подготовленных в исламских учебных заведениях за рубежом. Ваххабитами проводится активная работа по привлечению в свои ряды новых сторонников, прежде всего из числа молодежи¹.

«В ближайшее время произойдет смена среднего и высшего звена исламского духовенства – вместо муфтиев с невысоким образованием придут молодые люди, закончившие высшие учебные заведения в Саудовской Аравии и получившие хорошее образование. Вместе с ними придут на территорию России наиболее экстремистские течения политизированного ислама, отличительной чертой которого является антироссийская направленность», - предупреждают отечественные ученые.² Поэтому не удивительно, что в ряде мусульманских районов России растет влияние исламских радикалов и фундаменталистов. «Подчеркнем, что наиболее сильно такое влияние идет и через сеть образовательных учреждений, создаваемых на средства зарубежных организаций, и через различного рода экстремистскую литературу, не столько ввозимую, сколько издаваемую издательствами нашей страны в период рыночного беспредела. Это такие издательства, как «Аванта+», ПИК ВИНТИ, Санкт-Петербургская типография «Наука», ПК «Сантлада», ИПО «Полигран» и др. Расходы на такую «помощь» огромны. Только на поддержку деятельности 5000 миссионеров за рубежом Саудовская Аравия, например, тратит 123 млн. риалов в год»³.

Именно этими системными причинами обуславливается актуальность и необходимость изучения проблем религии в отечественной науке в социаль-

---

¹ Религия и проблемы национальной безопасности // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. – С. 538.

² Трофимчук Н.А. Религия и проблемы национальной безопасности России // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С. 513.

³ Трофимчук Н.А. Религия и проблемы национальной безопасности России // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С. 513.

но-историческом, политико-экономическом и духовном контекстах.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы, что до сих пор ни политическая элита, ни общество не оказываются готовыми в достаточной мере учитывать полиэтничный и поликонфессиональный характер Российского государства. В связи с этим автор предлагает учитывать следующие новые реалии:

1. В эскалации конфликта, который противопоставил бы друг другу христиан и мусульман, заинтересованы только силы, стремящиеся к их взаимному ослаблению, преследующие цели, никак не связанные с религиозным выбором.

2. Разжигание внутренних конфессиональных конфликтов между исламским фундаментализмом и традиционным исламом ведет к колоссальному ослаблению арабского мира и традиционного ислама.

3. Лидеры религиозных террористических организаций и группировок преследуют не религиозные, а политические цели, а религия выступает:

а) в качестве идеологической маскировки;

б) в качестве мобилизующего фактора для достижения определенных политических целей.

4. Основой политического терроризма выступает не та или иная религия, а соединение религиозного радикализма с национализмом и сепаратизмом.

Политический терроризм действует не только в России или на международной арене. Он заявил о себе на глобальном уровне. Это начало необъявленной войны. Разжигатели третьей мировой войны используют религиозные чувства как инструмент воздействия на психику человека, для решения политических проблем, для реализации своих корыстных интересов.

2.3. Основные направления контроля над политическим терроризмом

На сегодняшний день контроль над политическим терроризмом – одна из важнейших государственных задач, от эффективности решения которой зависит национальная безопасность, стабильность в обществе, доверие граждан к органам государственной власти и управления.

В целях стабилизации общественно-политической ситуации в стране, предупреждения угроз безопасности и территориальной целостности России со стороны терроризма необходимо разработать и осуществить комплексную программу борьбы с терроризмом с включением политических, экономических, социальных, правоохранных и военно-стратегических аспектов, принять меры для создания согласованной стратегии, отвечающей требованиям времени.

Настало время рассматривать терроризм не как сугубо криминальное явление, а как многогранный социально-политический феномен, борьба с которым требует многофункционального подхода.

В современной научной литературе предлагается термин «борьба с терроризмом» заменить на термин «контроль над терроризмом» (по аналогии с терминологией ООН, избранной для обозначения общей формы противодействия наркоугрозе, - контроль над наркотиками), считая, что под этим термином понимается комплекс мероприятий, направленных на выявление и пресечение актов терроризма, наказание виновных в таких действиях, защиту прав лиц, вовлеченных в контртеррористическую деятельность государства, предупреждение терроризма, включая определение и устранение факторов, способствующих возникновению и развитию терроризма... Как представляется, такая формулировка более адекватна сложной социально-политической и криминологической природе терроризма, чем, например, такой термин, как «борьба с терроризмом»¹.

---

¹ Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. - 2003. - № 3. - С. 16.

С 2000 года в нашей стране проходит многопрофильная реформа, включающая создание Концепции национальной безопасности¹, Военной Доктрины², Доктрины информационной безопасности³, а также Концепции государственной национальной политики⁴.

Концепцией национальной безопасности защита личности, общества и государства от терроризма, в том числе и международного, названа важнейшей составляющей национальных интересов России. Вместе с тем, составляющая стратегия борьбы с терроризмом (контроля над терроризмом) в Концепции до сих пор не сформирована.

На актуальность комплексного подхода к созданию антитеррористической стратегии неоднократно указывали ряд отечественных исследователей: Ю.И.Авдеев, А.А.Игнатъев, В.И.Ковалев, В.Е.Петрищев, В.Н. Ремарчук, В.В.Серебрянников, Е.И.Степанов, Р.Г.Яновский⁵, В.В. Устинов,⁶ и др.

При этом ученые подчеркивают, что на данный момент ни наукой, ни различными ветвями власти не выработан ответ на терроризм ни как на социально-политический феномен, ни как на различные формы преступной деятельности; конкретные принципы государственной политики по отношению к терроризму не сформулированы⁷.

Все это в сумме препятствует выработке антитеррористических разработок и затрудняет объективную оценку антитеррористической деятельности Российского государства международным сообществом.

В то же время, рассматривая проблему противодействия терроризму в современных условиях, необходимо заметить, что ни в одной стране мира

---

¹ Указ Президента РФ «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10 января 2000г. // Собрание законодательства РФ. - 2000. - №2. - Ст.170.

² Указ Президента РФ «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» от 21 апреля 2000г. // Собрание законодательства РФ. - 2000. - №17. - Ст.1852.

³ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000г. // Российская газета. - 2000. - 28 сентябрь.

⁴ Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» от 15 июня 1996г. // Собрание законодательства РФ. - 1996. - №25. - Ст.3010.

⁵ Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. - 2001. - №5.

⁶ Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. - 2003. - №3.

⁷ См: Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. - 2003. - № 3. - С.17.

не существует разработанной технологии, гарантирующей предупреждение и уничтожение терроризма. Наука находится на стадии, когда исследуются направления, которые могут наиболее повлиять на предотвращение террористической деятельности.

Научный анализ объектов и методов терроризма, проведенный за последние годы, убедительно свидетельствует о тесной взаимосвязи различных насильственных посягательств на конституционный строй, использующих в своей тактике террористические методы. Таким образом, актуально рассматривать политический терроризм в контексте проявлений политического экстремизма, который посягая на различные стороны внутренней и внешней безопасности страны, в первую очередь угрожает национальной безопасности и целостности России. Поэтому, как было отмечено Президентом РФ В.В. Путиным во время встречи с группой чеченских политиков и бизнесменов 10 ноября 2002 года, «борьба с терроризмом и экстремизмом – это борьба за сохранение российской государственности»¹.

Проявление указанных тенденций требует выработки общего концептуального решения по вопросу государственной стратегии противодействия терроризму и вообще экстремизму.

По этому поводу председатель ОБСЕ, министр иностранных дел Румынии Мирча Джоане подчеркивает, что хотя организация и «не является лидером в борьбе против терроризма, но мы можем заняться выявлением корней, а именно политического, социального, экономического неравенства, создающего питательную среду для экстремистских идеологий, которые лежат в основе терроризма»².

Но реалии сегодняшнего дня таковы, что система общественного неравенства на различных уровнях существовала, существует, и будет еще долго существовать, провоцируя экстремизм и террористическую деятельность. Пока существует общественное неравенство, ожидать, что исчезнет терро-

---

¹ Цит. по: Известия. - 2002. - 11 ноября.

² Независимая газета. - 2001. - 12 декабря.

ризм, вряд ли приходится. Необходим самокритичный пересмотр неверных, чреватых взрывоопасным возмущением масс действий некоторых государственных структур.

О. Бельков пишет: «Политический терроризм – это форма борьбы тех, кто не имеет или не видит для себя возможности легитимными и легальными средствами заявить о своих интересах и отстаивать их. В этом смысле терроризм вечен»¹. Поэтому справедливо утверждение, что «всеобщая война, объявленная сегодня терроризму, не более чем химера. Заявить, что можно ликвидировать терроризм, все равно как заявить, что можно окончательно искоренить преступность. А преступность, как известно, неотъемлемая черта рода человеческого, связанная с его инстинктами. Преступность можно уменьшить только путем искоренения причин, ее порождающих. Точно так же следует исследовать и выявлять причины, порождающие терроризм»². Речь идет о необходимости признания глубокого кризиса современной цивилизации и поиске новых форм ее устройства и развития.

Признавая приоритетное направление в контроле над терроризмом в устранении социально-экономических и политических противоречий надо одновременно признать, что ликвидация неравенства и противоречий не гарантия окончательного исчезновения терроризма. В обществе всегда найдутся носители экстремистских идей, а идеи, как известно, «пушками не разрушаются». «К тому же надо учитывать, что для совершения самых чудовищных насильственных акций лучшие исполнители – это фанатики. Фанатизм же чаще всего развивается как раз в среде экстремистских течений. Давая свободно распространяться таким течениям, государство рубит сук, на котором сидит. И в один прекрасный момент мы окажемся посреди моря террора, когда обычные полицейские средства окажутся уже бессильными»³. Поэтому

---

¹ Бельков О. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - № 4. - С. 239.

² Касаев Д.Х. Террор – самозащита слабых // Возрождение республики. - 2001. - Ноябрь. - №48. - С.3.

³ Краснов М. Политический экстремизм – угроза государственности // Российская юстиция. - 1999. - №4. - С.5.

одной из основополагающих задач по предотвращению терроризма является борьба с экстремизмом, как ведущей идейной базой терроризма.

В этом случае абсолютно прав В.А. Тишков, говоря, что «противостоять экстремизму можно и нужно безо всяких ссылок на состояние дел в стране и умонастроение населения. Хорошая жизнь не гарантирует исчезновения экстремизма. Наоборот, может появиться больше материальных возможностей для экстремистской пропаганды, как это произошло в США, где разного рода ультра–правые прочно оккупировали Интернет и печатают свою пропагандистскую литературу на роскошной бумаге»¹.

По мнению В.А. Тишкова, в России широко распространяется экстремизм ксенофобского толка, основанный на этнорасовой нетерпимости, а также политический экстремизм неонацистского толка, основанный на идеях группового неравенства, на пропаганде тоталитарного порядка и ненависти. По мнению диссертанта, надо учитывать появление этнического экстремизма, а также нельзя упускать из виду и распространение религиозно-политического терроризма, навязанного из-за рубежа.

Для противодействия политическому экстремизму, во-первых, недопустимо подменять борьбу против выражения крайних взглядов, запрещаемых Конституцией и рядом законов, борьбой лишь с крайними формами (терроризмом). Во-вторых, настоятельно требуется выработка в обществе мировоззренческой четкости, что и подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин на совещании в Ростове-на-Дону, в октябре 2000 года. Характеризуя чрезвычайно важное геополитическое значение северокавказского региона для интересов России, В.В. Путин отметил полное отсутствие идеологии и невнятность в политике Центра в отношении Северного Кавказа, ее малую эффективность. В то же время, Северный Кавказ является в России именно тем регионом, где наблюдается критический уровень противоречий в сфере национального государственного устройства и межэтнических отношений².

---

¹ Тишков В.А. Стратегия противодействия экстремизму // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликта. - 1999. - Январь – февраль. - № 23. - С. 19.

² См: Шастова Е.А. Геополитические аспекты политической идеологии постсоветской России / Автореферат на соиск. уч. ст. кандидата полит. наук. - Ставрополь, - 2002. - С. 18.

Идеологический вакуум, сложившийся в общественном сознании, заполняется идеологией национализма в широком диапазоне – от спекуляций на тему духовного возрождения нации или народа до воинствующего националистического или этнического экстремизма, обращающегося к террористическим методам борьбы.

Поэтому главной государственной стратегией антитерроризма должна стать выработка новых базовых идеологических принципов, в первую очередь учитывающих полиэтничный характер Северного Кавказа и Российской Федерации в целом. Необходимо учитывать, что особенность политического экстремизма состоит в том, что он питает терроризм идейно и духовно, имеет склонность и тенденцию приобретать террористический характер. Для противодействия экстремизму и терроризму необходима мировоззренческая четкость. Реальными шагами в этой области противодействия могут быть:

- формирование общей и признаваемой всем многонациональным обществом системы целей, идей, ценностей;
- создание общенациональной идеологии, опирающейся на патриотизм, как на одну из наиболее ярких этнических чувств.

Общенациональная идеология призвана обеспечить единство ценностных ориентацией общества, интегрировать множество существующих социальных, конфессиональных, этнических, территориальных и иных групп в нечто целое. Все это будет играть позитивную роль, лишая терроризм его идеологической базы.

Следующим элементом стратегии противодействия терроризму является борьба с распространением религиозно-политического экстремизма. В этой связи возникает настоятельная необходимость проведения следующих мер:

- совершенствовать законодательство, регулирующее правовой режим пребывания иностранцев в Российской Федерации;

- усовершенствовать работу консульских учреждений России в исламских государствах;
- внести изменения в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях»¹. (Это вызвано тем, что на сегодняшний день в России является законным создание объединений граждан в форме религиозных групп, осуществляющих свою деятельность без государственной регистрации).

Несмотря на глубокую угрозу, которую несет религиозно-политический экстремизм государственной целостности России, несмотря на террористическую направленность борьбы религиозных экстремистов, до сих пор можно констатировать нечеткую позицию Российского государства по отношению к исламскому фундаментализму и другим религиозным течениям, нетрадиционным для страны.

Наблюдается недостаточный контроль за общественными и религиозными организациями, слабость теоретической базы по данному вопросу. То, что субъекты Российской Федерации были вынуждены самостоятельно принимать законы в данном направлении, (например, закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» и закон Карачаево-Черкесской Республики «О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории Карачаево-Черкесской Республики»), говорит о слабости правовой базы на федеральном уровне по борьбе с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом.

Эффективность мер, принимаемых в данном направлении, снижают региональные СМИ, которые зачастую дают противоречивые оценки как самому ваххабизму, так и действиям официальных структур по его предотвращению. У региональных СМИ отсутствует какая-либо системность в освеще-

---

¹ ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» в ред. ФЗ от 26.03.2000 №45-ФЗ // Сборник законов РФ. - М.: Эксмо, - 2002. - С.99-103.

нии данного вопроса, а порой присутствует негативное отражение действий властей по искоренению религиозно-политического экстремизма.

Далее в целях стабилизации социально-политической ситуации в Северокавказском регионе, предупреждения угроз безопасности и террористической целостности России со стороны религиозно-политического терроризма необходимо разработать и осуществить комплексную программу обеспечения безопасности Юга России с включением политических, социально-экономических, правоохранительных и военно-стратегических аспектов. Настало время для принятия согласованной концепции, регулирующей отношения государства с различными исламскими движениями.

Работая в этом направлении, исследователям надо обратить внимание, в частности, на следующие моменты: если в центральных изданиях ваххабизм воспринимается как религиозное течение экстремистского характера и причастность групп ваххабитов к незаконным вооруженным формированиям и террористическим актам, осуществляемым на территории России, не подвергается сомнению, то в публикациях большинства газет КЧР и КБР нет желания связывать ваххабизм и терроризм. Понятие «ваххабизм» употребляется исключительно в идеологическом контексте для определения религиозного течения в исламе.

Разный подход в оценке вызван, во-первых, опасениями по поводу возможного гонения впоследствии на ислам в целом; во-вторых, не существует на сегодняшний день никаких официально оформленных критериев отличия традиционного ислама от фундаментального.

Государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму и терроризму, и оно должно инициировать все необходимые действия по защите общества. О.Лафонтен писал, что государство обязано вмешиваться в общественную жизнь, обнаруживая в ней дефицит разумных действий, пытаясь восполнить его: «Ответственная политика строится на профилактике, на упреждении; упреждающая политика не останавливается перед решительным вмешательством с целью регулирования. Столь часто крити-

куемое бессилие государства вытекает из неизменной запоздалости его действий. Политика тащится по следам событий, пытается бороться с симптомами вместо причин»¹.

Следующим приоритетным направлением государственной политики в области предупреждения терроризма должна стать работа с молодежью, поскольку именно молодежное сознание в первую очередь подвержено влиянию различных экстремистских идеологий, перерастающих в террористические воззрения.

Сегодня контроль над ситуацией в молодежной среде во многом утрачен. Условия предоставлены национал-экстремистским, неофашистским силам, разного рода политическим течениям, вплоть до международных террористических организаций. Все они энергично проходят стадию становления и на деле проявляют заинтересованность в расширении собственной социальной базы.

Важное значение в деле профилактики и предотвращения экстремизма и терроризма имеет эффективное функционирование системы образования, в том числе пропаганда правовых знаний. Составной частью этого процесса должно стать обучение культуре мира. Как известно, Генеральная Ассамблея ООН поддержала резолюцию ЮНЕСКО о провозглашении пятилетней Программы воспитания культуры мира и толерантности с 2000 по 2005 гг. Эта Программа предусматривает привитие всех форм поведения, которые уважают право на жизнь, достоинство и права человека, справедливости, солидарности, терпимости, понимания между группами и государствами; отрицает насилие во всех его формах. Вступила в действие целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе на 2001-2005гг.». В тоже время качество образования в современном российском обществе является главным показателем уровня развития и благосостояния населения. Однако, как показывает история, не только современная школа и система образования в России, но и вся

---

¹ Лафонтен О. Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. - М., - 1990. - С. 152

планетарная цивилизация, еще весьма далеки от подлинной реализации на практике философии и культуры мира.

Не последнюю роль играют в этом и СМИ. В СМИ недопустимы не только высказывания в защиту террористов, но и повторение тезисов о том, что терроризм является высокоэффективным и относительно дешевым средством достижения целей, а также о том, что «винтовка рождает власть».

Взаимодействие между властями и СМИ является важным элементом стратегии противостояния терроризму. Как СМИ, так и власти не заинтересованы в том, чтобы СМИ не становились помимо их воли объектом манипуляций, направленных на достижение целей или применение методов терроризма.

Внимание общественности следует акцентировать на том, что нигде и никогда террористам не удавалось добиться победы, а итогом и следствием террористического акта становились только многочисленные бессмысленные жертвы. Надо обращать внимание на подлинную сущность и бесперспективность терроризма, показывать пагубность его последствий.

Как часть государственной стратегии следует рассматривать разрабатываемые сейчас поправки в Закон РФ «О СМИ»¹ и Федеральный закон «О борьбе с терроризмом»², запрещающие пропаганду или оправдание терроризма и экстремизма, а также высказываний террористов, экстремистов и иных лиц, препятствующих осуществлению контр террористических операций.

Особое значение в обеспечении успеха в борьбе с терроризмом приобретает информационно-психологическое противоборство, которому содействует взаимосвязанная эффективная работа Росинформцентра, Министерства печати и информации, пресс-службы МВД, Министерства обороны и др. федеральных органов.

Основополагающим компонентом адекватной терроризму и экстремизму ответной государственной стратегии должна стать борьба с организо-

¹ ФЗ «О СМИ» от 27 декабря. - 1991г. - №2124.

² ФЗ от 21 ноября 2002г. - №144-ФЗ «О внесении дополнения в ФЗ «О борьбе с терроризмом».

ванно-идейными структурами этих явлений, что включает в себя, в первую очередь, борьбу с финансированием терроризма и экстремизма. Если до сих пор Комитет по финансовому мониторингу мог лишь только собирать банковскую информацию, то с 1 января 2003 года вступил в действие закон Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Федеральный Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем»¹, который позволяет значительно расширить территорию, на которой отслеживаются пути движения «грязных» денег.

Усложняют работу в данном направлении несколько аспектов проблемы. Во-первых, специфика борьбы с финансированием терроризма включает сложную взаимосвязь разведывательных и правоприменяемых действий, затрагивающих такую уязвимую область, как банковская тайна, которая связана как с вопросами экономической безопасности целых государств, так и с правом отдельных граждан.

Во-вторых, целенаправленной борьбе с финансированием терроризма мешает отсутствие координации между действиями многочисленных служб, занимающихся установлением, пресечением и раскрытием фактов финансовой подпитки террористов.

В-третьих, усложняет работу по пресечению финансирования террористических организаций глобализация финансовых операций.

Поэтому одним из важнейших вопросов, неизбежно возникающих при решении проблемы финансирования терроризма, является совершенствование международного сотрудничества и наработка правоприменительной практики в сфере перекрытия мировых и внутригосударственных финансовых потоков, направляемых в поддержку террористов.

Комплексный подход по выявлению и ликвидации источников и каналов поставки средств, поддерживающих террористическую деятельность (финансовой помощи, оружия и наемников) демонстрирует Международная

---

¹ ФЗ от 07.08.2001. - №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма».

Конвенция по борьбе с финансированием терроризма. Координирующие международно-правовые функции взяли на себя ООН, Интерпол, Европол, неправительственные международные организации. Несмотря на то, что основным международным координирующим органом по борьбе с финансированием терроризма призвана оставаться ООН, ее роль постепенно сокращается и подменяется иными органами «гегемонии нового типа» в однополярном мире. Следует отметить, что структура ООН до сих пор отражает расстановку сил периода «холодной войны» и все более подменяется в сферах мировой политики НАТО (при абсолютном доминировании США). Поэтому следующим шагом может стать реформирование главного международного института – ООН. Необходимо создать мировое правительство, которое смогло бы эффективно управлять мировыми политическими процессами, упреждая удары международного терроризма, как негативного последствия образования глобального сверхобщества – надстройки над обычными обществами.

Далее анализ нынешней политической ситуации позволяет смело утверждать, что современные террористические организации являют собой особо опасные и особо законспирированные ответвления организованной преступности. Захваты банков, рэкет, взятие заложников с целью получения выкупа превратились в разновидность высокодоходного бизнеса. Более того, террористические организации внедряют своих агентов в различные звенья государственного аппарата, промышленного и финансового мира.

С другой стороны, как свидетельствует современная практика, одним из главных источников финансовых поступлений террористам является наркобизнес. Необходимо проблемы борьбы с терроризмом тесно связать с вопросами борьбы с наркоманией и организованной преступностью, которые также зачастую переходят национальные границы и во все большей мере приобретают международный характер. Но «если проанализировать действующее законодательство по противодействию терроризму и наркобизнесу, то можно прийти к парадоксальному выводу. Во всех известных норматив-

ных актах, принятых по этим вопросам с 1990 по 2002 г. наркобизнес и терроризм заявляются не как составная часть организованной преступности, а как вид преступлений, существующий самостоятельно и независимо от организованной преступности»¹, утверждает профессор В.Н. Лопатин.

Далее ученый правомерно замечает: «Концептуально с таким подходом согласиться нельзя, так как борьба с терроризмом и наркобизнесом вне рамок противодействия организованной преступности ведет к распылению сил, не отражает реального положения дел. Успех по приоритетным направлениям борьбы с терроризмом в значительной степени может быть достигнут именно через комплексное решение вопросов борьбы с преступностью и наркобизнесом как причины многих перечисленных негативных последствий»².

Для разработки современной стратегии контроля над терроризмом, как представляется, важное значение имеет и учет исторического опыта борьбы с этим социально-политическим явлением, причем как собственного исторического опыта, так и зарубежного.

В этой связи использование апробированного позитивного зарубежного опыта включает в себя:³

- его изучение, анализ, выявление сильных и слабых сторон и разработку на этой основе непосредственных рекомендаций для законодательной и правоприменительной деятельности;
- включение его в том или ином адаптированном виде в систему правовой базы противодействия терроризму, то есть инкорпорирование в законодательную систему государства;
- использование его в обучении сотрудников правоохранительных органов, в том числе при подготовке учебных пособий, монографий, научных статей;
- непосредственное его использование в предупредительных антитер-

---

¹ Лопатин В.Н. Проблемы реализации в России и СНГ Палермской Конвенции ООН (2000) против транснациональной организованной преступности // Государство и право. - 2002. - № 6. - С. 70

² Там же. - С. 71

³ Хлобустов О. Об историческом опыте борьбы с терроризмом // Юридическая газета. - № 5. - Январь. - С. 4.

рористических мероприятиях - эта практика наиболее широкое распространение получила в Израиле, Великобритании (с 1973 г.), а также в США (с 1996 г.).

Есть и другой метод контроля над терроризмом, апробированный за рубежом – это использование вооруженных сил государства. Специальным законом предусмотрено пользование вооруженных сил в операциях по борьбе с терроризмом в США. Подобный опыт борьбы с терроризмом и экстремизмом и ее правовое обеспечение были положены в основу деятельности силовых структур многих государств, особенно стран Латинской Америки и Ближнего Востока. Некоторые страны Европы (к примеру, Великобритания) в сфере борьбы с терроризмом также используют вооруженные силы на основе чрезвычайного законодательства. Таким образом, во многих зарубежных государствах вооруженные силы не только не остаются в стороне от борьбы с терроризмом, но и выступают в соответствующих случаях в качестве основной силы, способной остановить и нейтрализовать террористскую деятельность.

При этом необходимо учитывать, что если «втягивание» страны и общества в вооруженное противостояние может происходить быстро, то избавление от терроризма, наоборот, требует многих лет и даже десятилетий. Об этом свидетельствует как исторический опыт зарубежных стран, так и наш отечественный на примере Чечни. За считанные месяцы зона активности боевых действий охватила до 4 тыс. кв. км. в Дагестане («Кадарская зона») и более 15 тыс. кв. км. в Чечне. В итоге эта операция по целям, задачам и своему пространственному размаху и численному составу Объединенной группировки войск (сил) оказалась соизмеримой с общевойсковой (корпусной) и даже (армейской) операцией¹. Вместе с тем она имеет множество особенностей, которые отличают ее от «классической» общевойсковой операции.

Необходимость уточнения этих вопросов возникает из-за высказывания западными аналитиками мнения, что операция в Чечне должна рассматри-

---

¹ См: Гордиенко Д.В. Опыт борьбы вооруженных сил с терроризмом в Российской Федерации // Государство и право. - 2001. - № 1. - С. 77.

ваться как вооруженный конфликт немеждународного характера. Учитывая, что «военная угроза – это определившееся намерение какого-либо государства (группы государств) развязать войну против другого государства (группы государств) или нанести ущерб его национальным интересам и суверенитету агрессивными действиями»¹, и то, что военной Доктриной Российской Федерации терроризм отнесен к числу основных внутренних угроз, следовательно, в контексте Военной Доктрины РФ терроризм надо понимать как одно из проявлений внутренней военной угрозы и он адекватен агрессии. Поэтому все попытки зарубежных политиков убедить Россию признать наличие в Чечне вооруженного конфликта преследуют несколько целей: первая – боевики получают индульгенцию для ведения «справедливой войны», вторая – затруднить борьбу России с терроризмом; третья – внутренний вооруженный конфликт может быть использован как повод для вмешательства.

«Однако правовое обеспечение данного направления антитеррористической деятельности не всегда адекватно. Оперативно-боевые задачи органов ФСБ и ее структуры до сих пор законодательно не обозначены»², утверждает Генеральный прокурор РФ В.В. Устинов и замечает, что оперативно-боевые операции упоминаются лишь в ведомственных нормативных актах, и хотя они не охватывают весь комплекс действий по нейтрализации и ликвидации террористов, подобные действия давно апробированы органами безопасности не только в России но и во всем мире и стали предметом изучения исследователей³.

В то же время до сих пор в России такая практика ни законом, ни нормативными актами не легализована, что свидетельствует о слабости правовой базы по борьбе с терроризмом. Более того, назрела необходимость разработки учеными – профессионалами в данной области специфической

---

¹ Золотарев В.А. Военная безопасность государства Российского. - М.: - 2001. - С. 187.

² Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. - 2003. - № 3. - С. 14

³ Там же. - С. 14

тактики специальных операций по ликвидации террористов и бандформирований с учетом соответствия мер борьбы степени опасности террористических угроз.

Более последовательно решен вопрос о возможности применения силовых методов вооруженными силами, поскольку Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» предусмотрено участие Министерства обороны в контртеррористической операции¹.

Отечественные ученые, соглашаясь с вынужденной мерой применения армейских сил в борьбе с терроризмом, предлагают:²

1. Не применять силу, если политическая стоимость ее «неудачного» использования окажется большей, чем стоимость бездействия, как с точки зрения потери имиджа власти, так и в отношении сдерживания будущих этнических и сепаратистских контактов.

2. Не предпринимать интервенции – особенно наземных операций при отсутствии высокой степени уверенности, что такая интервенция будет сравнительно кратковременной (не более года).

Этот эмпирический принцип был признан международным авторским коллективом одним из основных. Только быстрое вмешательство может отвечать поставленным целям. И наоборот, длительное, более года, военное присутствие на территории, где идет гражданская, антиколониальная или межэтническая война, как правило, обречено на провал: армия постепенно деморализуется, растут жертвы в составе экспедиционного корпуса и мирного населения, а также недовольство общественного мнения.

Армия способна уничтожить, стереть с лица земли опорные базы террористов, заодно и населенные пункты, находящиеся поблизости, но действия военных не устранят причин, порождающих терроризм, однако могут способствовать появлению в их рядах новых фанатиков. По этому поводу выдающийся русский военный мыслитель А. Свечин писал: «Нужно иметь в

---

¹ ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в ред. от 13.02.2002г. - №20-ФЗ // Сборник законов РФ. - М.: Эксмо, - 2002. С.600; ФЗ от 25.07.98. - №130-ФЗ (в ред. от 30.06.2003) «О борьбе с терроризмом».

² Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. - 2002. - №1. - С. 122.

виду, что массовая экзекуция над территорией, например, над Пфальцем, опустошенным французскими войсками дотла по приказу Людовика XIV, живет в памяти населения если не сотнями, то многими десятками лет и впоследствии крайне затрудняет всякую политическую работу на этой территории».¹

У нас нет возможности бороться с терроризмом средствами Запада - ковровыми бомбежками, пуском крылатых ракет «по базам», наймом провокаторов. У России одна возможность борьбы с терроризмом – восстановить то жизнеустройство населения, которое лишало бы терроризм социальной и культурной базы. Жизнеустройство, основанное на социальной справедливости, на господстве закона.

Необходимо приведение социально-политических процессов в правовые, цивилизованные рамки. Так же неотложной задачей является устранение существующего разбоя в законодательстве, который хотя и уменьшился в результате усилий президента В.В.Путина, направленных на укрепление «вертикали власти», но все еще остается фактором, формирующим реальную политическую ситуацию в стране.

Социально-политическая справедливость в государстве невозможна без убедительной демонстрации настоящей диктатуры закона, которой на сегодняшний день в России нет. «...Система уголовной юстиции у нас главным образом нацелена на бедные, низкие, слабо адаптированные, алкоголизированные, деградированные и маргинальные слои населения, совершающие очевидные традиционные уголовные деяния и не умеющие защитить себя или откупиться... Преступность же власти, богатства и интеллекта, то есть институциональная организованная и коррумпированная, остается практически нетронутой. Все это укрепляет базу уголовного насилия и терроризма»², совершенно справедливо замечает В.В. Лунеев.

Борьба с терроризмом должна проводиться в рамках правового поля.

---

¹ Свечин А.А. Стратегия. - М. , - 1995. - С. 88.

² Лунеев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // Материалы сайта Всемирного антикриминального и антитеррористического форума – www.waaf.ru.

После непрекращающихся захватов заложников, организаций взрывов и похищений людей вполне естественным выглядит желание простого населения вернуть сталинские методы. Следует помнить, что именно эти методы – репатриации целых народов, репрессии и т.п. заложили «мину замедленного действия», взорвавшуюся сегодня массой тесно переплетенных политических, социальных, межэтнических конфликтов.

Поэтому заблуждается или ошибается Е. Сатановский, утверждая: «хорошо известно, что единственный действенный способ борьбы с терроризмом – полное физическое уничтожение террористов. Именно так была во времена Средневековья уничтожена монголами ближневосточная секта «асасинов», а в Новое время англичанами – индийские туги душители»¹. Но, во-первых, современные террористические организации являют собой не типичные до недавнего прошлого группы заговорщиков, фанатиков и аскетов, которых можно было уничтожить за одну ночь, а целые концерны с внутренним разделением труда, мастерскими, складами, типографиями, лабораториями, убежищами, госпиталями, доходными предприятиями².

Во-вторых, и на это не обращается внимания в научной литературе – современные террористические организации пытаются глубже развивать идейно-теоретические концепции своей преступной деятельности. В будущем надо прогнозировать более усиленное внимание к идейному обоснованию террористической деятельности. Акцент, скорее всего, будет делаться на религиозной составляющей политической игры и исламская карта будет разыгрываться более активно, причем не только исламскими государствами.

Учитывая вышеперечисленные факторы, надо отметить, что особый интерес сегодня вызывает также прогнозирование вероятности террористических актов. Приходится констатировать – особую опасность они представляют для крупных городов, политических и экономических центров. Террористические акты становятся более крупномасштабными, разными по пре-

---

¹ Сатановский Е. Глобализация терроризма и ее последствия // Россия и мусульманский мир. - 2002. - № 1. - С. 142.

² Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // Социологические исследования. - 1993. - №12. - С. 45.

следуемым целям и видам проявления.

Структуры, использующие в политических целях такой метод борьбы как терроризм, будут стремиться:

- расширять спектр террористической деятельности, используя биологические, химические, радиационные способы;
- использовать новые способы терроризма – информационного, техногенного, кибернетического и др.;

Сторонники терроризма будут продолжать виды насилия:

- нападение на политические и экономические объекты (захват, подрыв, обстрел и т.п.);
- взрывы и другие террористические акты в местах массового пребывания людей (метро, вокзалы, транспорт, рынки, жилые дома, похищение людей и захват заложников);
- отравление, заражение систем водоснабжения, продуктов питания;
- захват воздушных судов и других транспортных пассажирских средств.

Особую тревогу вызывает рост «интеллектуального» уровня терроризма, стремление к использованию последних достижений науки и техники. В связи с этим цивилизованному обществу придется встретиться в XXI веке со следующими проявлениями терроризма:

- вывод из строя систем управления авиационным и железнодорожным движением, силовых линий электроснабжения, средств связи, компьютерной техники и других электронных приборов; атаки на важнейшие компьютерные сети;
- нарушения психофизического состояния людей путем программирования поведения и деятельности целых групп населения;
- внедрение через печать, радио и телевидение информации, которая может вызвать искаженное общественное мнение, беспорядки в обществе;
- проникновение в информационные сети стратегически важных баз данных;

- искусственное распространение возбудителей инфекционных болезней и т.д.

Реализация террористических угроз может привести к большому количеству жертв, созданию атмосферы страха и нарушению на длительный срок нормальной жизни в городе, регионе, или стране.

Далее надо отметить, что современную научную общественность нашей страны серьезно беспокоит состояние международного сотрудничества России и Запада в области борьбы с терроризмом. Считается, что у России и Америки сегодня появился общий интерес, связанный с нормализацией военно-политической обстановки в Афганистане и борьбой с международным терроризмом.

На самом деле все далеко не так. США в этом вопросе (как и во многих других) открыто использует потенциал России, как впрочем, и многих других стран, в своих интересах.

Начнем с того, что США концентрирует методы борьбы с терроризмом на применении силовых решений. Более того, стратегию и тактику антитеррористической коалиции государств США вырабатывают в одностороннем порядке, отвергая полноправное участие любой другой страны в обсуждении конкретных мер по пресечению терроризма.

Америка и не скрывает, что хочет самостоятельно решать, кого и как наказывать. Посол США в ООН 8 октября 2001 года передал в Совет Безопасности ООН специальное послание, в котором декларируется, что американские власти оставляют за собой право нанести удар по любой стране или группировке, которая, по их мнению, окажется причастной к терроризму.¹

США и раньше неоднократно демонстрировали миру примеры именно государственного терроризма. Это и массированные бомбардировки англо-американской авиацией жилых кварталов Триполи в 1986 году (когда погибло большое количество мирных жителей). Это и многочисленные попытки

---

¹ Бельков О. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - №4. - С. 227.

ЦРУ физически устранить Ф. Кастро, и целенаправленное разрушение гражданских объектов в ходе военной операции стран НАТО против Югославии.

Искреннее возмущение ошибочной политикой США успел выразить за несколько месяцев до своей безвременной кончины в 2001 г. заслуженный профессор в отставке по международным вопросам и проблемам Ближнего Востока в Гэмпширском колледже штата Массачусетс Экбаль Ахмад: «Вы пытались убить Каддафи, а убили его четырехлетнюю дочь..., зато Каддафи до сих пор жив – здоров... Вы пытались убить Саддама Хусейна, а убили Лейлу бин Аттар, выдающуюся художницу. Вы пытались убить Бен Ладена и его людей, а убили невинных людей – зато Бен Ладен и все его люди остались невредимыми. Вы хотели уничтожить химический завод в Судане. Теперь вы признали, что разбомбили фабрику, которая давала Судану половину всей его медицинской продукции – зато химический завод как стоял, так и стоит...». Далее Э. Ахмад приводит пример, как из четырех американских ракет, выпущенных по Пакистану, ни одна не взорвалась (три были уничтожены, а четвертая не сработала). Пакистан хотел получить американскую технологию, и теперь они исследуют не взорвавшуюся ракету весьма тщательно. Она попала не в те руки, заключает ученый¹.

Тревогу по поводу государственного терроризма, практикуемого правительством США, высказывает большинство ученых России. О. Бельков, например, пишет: «После трагедии в США Вашингтон с согласия крупных государств мира открыто заявил о присвоении права на наказание любой страны, подозреваемой им в связях с международным терроризмом. Американские телеканалы демонстрировали зрителям карту, на которой были выделены страны, могущие стать объектом «ответных ударов» США. Это – Алжир, Афганистан, Йемен, Ирак, Иран, Ливия, Судан – их общая численность населения примерно 191 млн. человек, из них «под ружьем» - 1945 тыс. человек. В отношении таких стран, как Иран, Ливия, Ливан, Сирия, Судан Дж. Буш на удивление откровенно заявил, что в случае неподчинения

---

¹ Экбаль Ахмад. Терроризм: у «них» и у «нас» - <http://www.your.com/search.php?p=your>.

«Америка будет менять правительства в них».¹ Поэтому приходится констатировать, что действия Америки являются своего рода генератором ответного терроризма.

Далее надо отметить, что Америка всегда оказывала и продолжает оказывать давление на Россию, стремясь изолировать нашу страну от внешнего мира, дестабилизировать в ней внешнеполитическую и внутреннюю обстановку, подорвать и ослабить российскую экономику.

Еще в 1985 г. президент Р. Рейган принимал у себя в Белом Доме афганских моджахедов. После приема Р. Рейган в беседе с прессой заявил, имея в виду афганских моджахедов: «Эти люди являются моральным эквивалентом отцов-основателей Америки!»². Это было сказано про людей, которые с автоматами в руках боролись против СССР. Рост террористических организаций в Афганистане был выгоден Америке, которая использовала их против «Империи Зла».

Сегодня международный терроризм, спонсором которого в свое время выступила Америка, укореняется в южном подбрюшье России, способствуя осуществлению военной экспансии США в регионе под предлогом «антитеррористической операции». Например, это договоренность о создании военно-воздушных баз в Грузии, Азербайджане и Киргизии, а также операции против Ирака. Сюда же вписываются и ряд инициатив США (совместных маневров, обмен опытом и т.д.), связывающих военную инфраструктуру США и стран ближневосточного Средиземноморья и акватории Персидского залива. Все это наглядно демонстрирует, как Америка под предлогом борьбы с терроризмом нарушает военно-стратегическую стабильность в среднеазиатском регионе, ослабляет российское влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

---

¹ Бельков О. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - №4. - С. 226.

² Экбаль Ахмад. Терроризм: у «них» и у «нас» - <http://www.your.com/search.php?p=your>.

Итак, на мировой политической авансцене наблюдается стремление США (и других государств, доминирующих на мировой арене), практически воплощать, в том числе и насильственным путем, свои корыстные геополитические интересы. Преподносятся эти шаги мировому сообществу как борьба с мировым злом, как борьба за «западные ценности» (демократию, права человека и т.п.).

Поэтому среди неотложных задач по укреплению международного мира и противодействию международному терроризму необходимо, во-первых, решить арабо-израильскую проблему путем создания своеобразной арабо-израильской федерации или конфедерации.

Далее глобализации, выступающей под нажимом сверху, как перераспределению полномочий в пользу «гегемонов», решающим мироустроительные вопросы на заседании «клуба избранных», противопоставить демократическую глобализацию по горизонтали, на «основе разнообразных самостоятельных инициатив, связывающих народы узами кооперации и интеграции перед лицом общих проблем и вызовов¹. В этом плане надо обратить внимание на Китай, союз с которым даст возможность создать другую полярность в противовес современному однополярному миру. В Китае политические лидеры должны осознать, «что те, кто пошел на риск полного демонтажа России как мощной державы, завтра вынуждены будут пойти на демонтаж Китая – пока он еще не стал несокрушимым в своей мощи...»². Сейчас в отношениях с Китаем более явно просматривается новая тема, которая может стать доминирующей в ближайшее время. Если символом российско-китайских контактов в 90-е годы было военно-техническое и приграничное сотрудничество, то символом нового столетия должны стать также совместные сырьевые, транспортные проекты, поддержание безопасности в Центральной Азии, многополярности в мире.

Необходимо отметить, что никто не рискнет начать агрессивную войну

---

¹ Глобальный кризис и проблемы мировой политики // ВМУ. Серия 12. Политические науки. - 2001. - № 3. - С. 5.

² Панарин А.С. Политология. - М.: Проспект, - 2000. - С. 429-430.

против России – ведь она обладает ядерным потенциалом стратегического сдерживания. Но на смену агрессивной открытой войне пришел не менее агрессивный международный терроризм, которым пользуются в своих интересах как мусульманские, так и западные страны, и в первую очередь, США.

Для адекватного реагирования и противодействия политическому терроризму, государственная антитеррористическая и антиэкстремистская стратегия должна содержать следующие основные принципы:¹

1. Единства и взаимосвязи антиэкстремистской и антитеррористической стратегии и координации деятельности в этом направлении федеральных органов власти, органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления.

2. Реализация на основе общефедеральной системы прогнозирования действенного механизма ответственности органов власти различных уровней за принятие непросчитанных по своим последствиям политических, кадровых и административных решений, послуживших причиной социально-политических конфликтов.

3. Развитие и внедрение в сознание общественных масс общероссийской национальной идеологии, основанной на патриотизме и национальных интересах; толерантности, интернационализма и дружбы народов.

4. Выработка комплекса государственной стратегии реагирования на все формы идеологически мотивированного насилия. Своевременный анализ экстремистских проявлений и принятие контрмер в рамках деятельности по отражению общих угроз конституционному строю.

5. Выработка общефедеральной системы прогнозирования и урегулирования (разрешения) на начальной стадии социально-политических конфликтов. Основной целью общефедеральной системы прогнозирования является осуществление многоуровневого мониторинга и прогноза развития конфликтов как потенциальных угроз безопасности.

---

¹ См: Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. - 2003. - № 3.

6. Развитие международного сотрудничества в области противодействия терроризму на многосторонней и двусторонней основе.

7. Выработка комплекса государственной стратегии реагирования на уровне национальных мер по борьбе с терроризмом на криминологически значимые проблемы глобализации.

8. Привлечение негосударственных организаций и граждан к борьбе с распространением терроризма и экстремизма.

9. Стимулирование деятельности, направленной на антитеррористическую пропаганду.

10. Системность антитеррористической деятельности.

Можно сделать вывод, что к основным принципам антитеррористической стратегии как составляющей общегосударственной концепции безопасности относятся следующие основополагающие базовые правила обеспечения: гуманизм, социальная справедливость, объективность, конкретность, эффективность, сочетание централизации и децентрализации, опора на поддержку и доверие народа, сочетание гласности и профессиональной тайны.

Соблюдение всех принципов и правил контроля над терроризмом зависит от политической воли руководителей страны противостоять терроризму; от умения гибко реагировать на изменение криминогенной и оперативной обстановки; от особенностей политических традиций и культуры в стране.

В заключение необходимо отметить, что если еще 15-20 лет назад советские люди были уверены, что терроризм не может стать масштабной угрозой современности, то теперь политический терроризм, как метод борьбы, как достаточно дешевое и действенное средство достижения разноплановых целей, взят на вооружение многообразными субъектами политической борьбы. При этом современные условия и цели использования терроризма в политической борьбе на национальном (государственном) и международном уровнях ведут к существенному изменению содержания терроризма, равно как его организации и тактики.

Приходится констатировать укрепление тесных отношений между тер-

рористическими организациями и различными политическими движениями и структурами, возникшими в последние десятилетия преимущественно на националистической и религиозной основе. Своеобразие современного терроризма заключается в подчинении многих террористических организаций в своей деятельности долговременным стратегическим политическим целям. Таким образом, политический терроризм превратился в конце XX столетия в серьезную угрозу не только для регионов мира, но и для Российской Федерации.

Человеческой историей неоднократно доказано, что терроризм чаще всего возникает в условиях осложнения социально-политической и экономической обстановки, в периоды кризисов и формационных сдвигов. Именно такую критическую ситуацию переживает сегодня Российская Федерация, что актуализирует проблему противодействия политическому терроризму в нашей стране.

В этой ситуации реализация самых жестких карательных мер, как уже отмечалось, даже подкрепленных самой обстоятельной правовой базой борьбы с терроризмом, не решит кардинально проблемы. Необходимо задействовать рычаги ликвидации социально-экономических, политических, идеологических детерминант этого опасного явления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие теоретические подходы к объяснению феномена политического терроризма все еще не могут в полной мере дать ответ на все вопросы, которые связаны с изучением данного феномена. До сих пор в научных работах недостаточно освещены вопросы классификации терроризма и террористической деятельности, открытыми остаются вопросы о признаках и критериях оценки, позволяющих отнести те или иные виды политического насилия к террористической деятельности. Исследуя формы проявления политического терроризма в социальных, политических и национально-этнических конфликтах, следует учитывать многоаспектность данного явления.

При определенных условиях акции терроризма могут привести к возникновению крупномасштабных экологических, экономических, политических катастроф и массовой гибели людей, резким международным осложнениям. Кроме того, террор со стороны государства предполагает ответные экстремистские и террористические действия со стороны оппозиции, а усиливающиеся индивидуальный или групповой терроризм предполагает репрессивные действия со стороны государства.

В системе политического экстремизма терроризм занимает одно из центральных мест и является наиболее опасной для общества разновидностью политического экстремизма, поскольку нанесение ущерба жизни и здоровью людей и их устрашение сознательно рассматриваются субъектами терроризма в качестве необходимого условия достижения выдвигаемых террористами политических целей.

Сегодняшнее состояние политического терроризма позволяет утверждать, что как явление политической жизни он трансформирует религиозный и этнический аспекты социальной жизни в политическую плоскость, исполь-

зую этнический и религиозный экстремизм как базу для дальнейшего развития политической борьбы в террористической форме. При этом необходимо учитывать причинную обусловленность терроризма политическими причинами, поэтому о формах политического экстремизма следует говорить не просто как о политическом, а как о социально-политическом процессе, а терроризм рассматривать как политико-криминологический феномен.

При характеристике политического терроризма как политического процесса необходимо учитывать, что возникновение и развитие политического терроризма генетически обусловлено множеством факторов: экономическими, этническими, религиозными, историческими, социальными, политическими, психологическими, геополитическими. Нельзя сказать, что какая-то группа факторов имеет основное значение - влияет вся их совокупность и лишь ситуативно на передний план может выходить то один, то несколько из них.

Политический терроризм тесно связан с состоянием конфликтности общественных отношений. Являясь следствием имеющихся противоречий, которые лежат в основе конфликта, политический терроризм оказывает деструктивное воздействие на протекание конфликта, провоцируя дальнейшую эскалацию. Поэтому политический терроризм необходимо трактовать как своего рода инструмент конфликтного социально-политического столкновения, возникающего на определенной стадии развития общественных противоречий, когда они своевременно не снимаются и одна из противоборствующих сторон (или обе сразу), ввиду действительного или мнимого ущемления своих интересов и прав, обращаются к терроризму, чтобы таким образом радикально решить конфликт.

«Выступая следствием разворачивающихся в российском обществе кризисных процессов и тесно связанных с ними социальных, политических, межнациональных и других конфликтов, терроризм сам, в свою очередь, их предельно обостряет и осложняет. Поэтому осмысление его природы, средств и методов борьбы с ним становится важной и неотложной проблемой

социальной теории и практики, особенно в период перехода от тоталитаризма к демократии, который проходит сейчас наше общество, испытывая череду серьезных кризисов и даже катастроф, тяжело отзывающихся на жизни и судьбе больших масс населения»¹

Связывая терроризм чаще всего с политическими и идеологическими целями тех сил, которые его используют, специалисты выделяют достаточно широкий спектр социальных противоречий и вытекающих из них явлений, детерминирующих возникновение и развитие политического терроризма. По мнению диссертанта, среди основных предпосылок, вызывающих усиление политического терроризма в нашей стране, доминирующее влияние оказывает передел собственности и связанное с этим ухудшение социально-экономической ситуации в стране. Этот фактор используется международными экстремистскими и террористическими организациями, а также странами, заинтересованными в ослаблении российской государственности.

Конфронтационная форма планетарных отношений – одна из самых глубоких истоков, генерирующих экстремизм и терроризм. Такого рода политика и есть ведущая причина подъема волны насилия. Особого внимания в этом плане заслуживает изменение геополитического положения России. Эти изменения, которые оказались далеко не в пользу России, активно используются странами Запада и, в первую очередь, США, стремящимися навязать миру гегемонию нового типа – глобализацию в форме объединения усилий стран «золотого миллиарда» диктовать условия странам, не вошедшим в это элитное сообщество.

Террористическая активность экстремистско-криминальных организаций на территории России, и особенно в северо-кавказском регионе, обусловлена не только отсутствием на протяжении длительного периода эффективной государственной политики противодействия экстремизму, но также влиянием и поддержкой экстремизма и терроризма из-за рубежа. Лидеры некоторых иностранных государств рассматривают Чеченскую республику в

---

¹ Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Степанова Е.И. - М.: Эдиториал УРСС, - 2000. - С.6.

качестве «рычага» в реализации своих внешнеполитических амбиций или религиозных притязаний. Чечня используется в качестве дестабилизатора региона, где переплетаются интересы многих стран в политике «большой нефти».

Следует отметить, что спецслужбы иностранных государств (прежде всего исламских), вмешиваются в процессы националистического и религиозного характера в северо-кавказском регионе России. За последние годы стали нередкими факты внедрения на территорию нашей страны агентуры спецслужб и эмиссаров исламских центров под видом репатриантов из числа представителей горских национальностей. Особенно ярко подобные действия наблюдались во время вооруженного конфликта в Чечне, когда там действовали наемники из ряда исламских государств. При этом откровенно проявилась линия попыток США и некоторых западноевропейских стран разыграть исламскую карту в ущерб национальным интересам России. На смену агрессивной открытой войне пришел не менее агрессивный международный и государственный терроризм, которым пользуются в своих интересах как мусульманские, так и западные страны.

За рамками исследования остались вопросы рассмотрения значительных расхождений в научном мире по поводу идеологического, организационного и деятельностного содержания государственного и международного терроризма. В тоже время именно целенаправленная политика международного и государственного терроризма требует особого внимания ученых, а не сами по себе различия между цивилизациями, больше настроенными сотрудничать и взаимообмениваться культурами при одновременном сохранении своеобразия и традиций, своих ценностных ориентаций.

Современные террористические организации пытаются глубже развивать идейно-теоретические концепции своей преступной деятельности. В будущем надо прогнозировать более усиленное внимание к идейному обоснованию террористической деятельности. Акцент, скорее всего, будет делаться на религиозной составляющей политической борьбы и исламская

карта будет разыгрываться более активно, причем не только исламскими государствами.

Мы уже отмечали, что политический терроризм детерминируется широким спектром факторов различной природы. При этом инициаторы и организаторы террористических методов борьбы используют национальные и религиозные чувства людей в качестве тактического приема для манипулирования поведением людей и направления возбужденной в них агрессивности в русло экстремизма и терроризма.

Негативную роль играет отсутствие общенациональной идеологии, которая имеет большое многофункциональное значение. Один из аспектов ее влияния заключается в том, что она должна выступать важным составляющим элементом антитеррористической и антиэкстремистской идеологии; во-вторых, создавшийся идеологический вакуум заполняется псевдорелигиозными и псевдонациональными экстремистскими идеологиями.

Общенациональная идеология призвана обеспечить единство ценностных ориентацией общества, интегрировать множество существующих социальных, конфессиональных, этнических, территориальных и иных групп в нечто целое. Все это будет играть позитивную роль, лишая терроризм его идеологической базы. Тема создания общенациональной идеологии в контексте национальной безопасности России остается актуальной и требует отдельного научного исследования.

Далее неотложной задачей ученых является изучение формирования идеологии в современных постиндустриальных обществах, которое теснейшим образом сопряжено с масс-медиа, учитывая особую роль, которую играют СМИ и СМК как в процессе стабилизации или дестабилизации общества, так и в становлении единой идеологии в обществе. Как известно, масс-медиа формируют в нашем сознании образ реальности, акцентируя одни ее фрагменты и оставляя без внимания другие.

Автор актуализирует вопросы политизации религии, имманентной связи духовно-религиозных ориентаций с политическими процессами. рассмат-

ривая религиозный фактор и механизм его влияния на возникновение политического экстремизма и терроризма диссертант в своем исследовании исходил из сложного характера религии как социального явления, оказывающего многофункциональное воздействие на внутрирелигиозную и социально-политическую обстановку в стране.

Нуждаются в глубоком изучении психологические аспекты политического терроризма. С этой точки зрения необходимо больше внимания уделять анализу субъективной стороны политического терроризма – его идеологии, характеру программ, целей и задач; логике оправдания и степени осознанности собственных действий; различиям в мотивации и позициях различных субъектов террористической деятельности. Научные исследования в данном направлении будут способствовать повышению эффективности и усовершенствованию стратегии и тактики борьбы с терроризмом.

Также в данной работе акцентировано внимание на серьезном политическом и оперативном значении, которое имеет исследование тенденции к смыканию политического терроризма и организованной преступности. Анализ показывает, что этот процесс характеризуется нарастанием его масштабов. Своевременное научное исследование в данном направлении позволит предупредить и предотвратить основные притязания организованной преступности на участие в политической власти для достижения конкретных политических целей в целях обеспечения экономических интересов и безопасности структур организованной преступности. С другой стороны, дальнейшее смыкание политического терроризма и организованной преступности приведет к значительному расширению финансовых, материальных и чисто оперативных возможностей террористических организаций, усилению их инфраструктуры, что также нельзя недооценивать. Все это идет гораздо дальше, чем тот терроризм, который нам был известен до сих пор. Для новых обстоятельств, очевидно, придется разработать новые определения и новые условия, и службы разведки и творцы политики должны научиться более тонко различать мотивы, подходы и цели тер-

рористов»¹. Остается добавить – не только террористов, но их заказчиков и спонсоров.

В силу этих обстоятельств содержание деятельности по контролю над терроризмом также должно быть разноплановым. В этой связи ключевой проблемой является выработка на международно-правовом уровне единого и приемлемого для всех государств и международных организаций определения политического терроризма, включение его в содержание соответствующих резолюций, конвенций, других международно-правовых документов. Решение этой актуальной проблемы позволило бы усовершенствовать наше законодательство, привести его в полное соответствие с международным законодательством. Необходимо ликвидировать значительную часть противоречий, возникающих при использовании вооруженных сил и национальных спецслужб по линии борьбы с терроризмом, который составляет угрозу государственной и международной безопасности.

Наряду с правовыми и юридическими методами борьбы с терроризмом, должны использоваться ресурсы самого общества. В этом плане приходится констатировать недостаточное использование потенциала общественных структур.

Таким образом, политический терроризм, как сложный политико-криминологический феномен представляет собой научную и практическую проблему, которая не потеряет своей актуальности еще многие десятилетия и будет требовать пристального внимания со стороны ученых разных направлений наук – социологии, психологии, конфликтологии и, в первую очередь, политологии.

---

¹ Лакер У. Терроризм постмодернизма // США – ЭПИ. - 1997. - № 2. - С. 86-87.

Библиографический список использованной литературы

1. Абаринов В., Велехов Л. Черная касса Усамы // Совершенно секретно. – 2001. – № 10.
2. Абдулатипов Р.Г. О национальном самочувствии народов России, о состоянии и перспективах государственной национальной политики // Независимая газета. - 2001. - 30 января.
3. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Степанова Е.И. - М.: Эдиториал УРСС, - 2000. – С. 36-54.
4. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в 2ч. - Ставрополь, - 1996.
5. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. - Ставрополь, - 2001.
6. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. – 1996. - № 12.
7. Авксентьев В.А., Бабкин И. Ислам и национальные конфликты на Северном Кавказе // Ab Imperio. - 2000. - №2.
8. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Этноконфликтологическая ситуация в ставропольском крае // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18. - Москва – Ставрополь, - 2002.
9. Авксентьев В.А., Медведев Н.П., Семенов В. Политический экстремизм: метаморфозы нормы // Ставропольская правда. - 1998. - 3 ноября.
10. Авксентьев В.А., Шаповалов В.А. Этнические проблемы современной России. Социально-философский аспект анализа. - Ставрополь, - 1997.
11. Авцинова Г.И. Мыслители России о феномене радикализма // Социально-политический журнал. – 1997. - №1. – С.189.
12. «Аль-Каида» по-итальянски. На Апеннинах скрываются тысячи ислам-

- ских боевиков // Известия. – 2002. – 25 октября. – С. 8.
13. Арестов В.Н. Религиозный экстремизм. - Харьков, - 1987. - 147 с.
  14. Аршба О.И. Современный правый экстремизм в Европе // ВМУ. Серия 18. Социология и политология. - 2002.- № 4. - С. 9, 11.
  15. Аствацатурова М.А. Самоорганизация этнических сообществ в зоне «рискованной гражданской институционализации» // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества. Сб. научных статей. - Москва – Ставрополь, - 2002.
  16. Аствацатурова М.А. Этнокультурное ассоциирование диаспор в условиях конфликтногенного процесса // Конфликты на северном Кавказе и пути их разрешения. Сб. материалов международного круглого стола. - Ростов-на-Дону, - 2003. – С. 236-247.
  17. Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма.// Социально-гуманитарные знания. - 2001. - № 6. - С. 211 - 233.
  18. Байчоров А.М. Неоколониализм и международный терроризм. - Минск, - 2000. - 158с.
  19. Балутина Т.А., Вольфровская Е.Г., Никольская С.А. Методы приемы и технологии в педагогике ненасилия: Сб. научных статей и материалов 20-й Всероссийской научно-практической конференции по проблемам педагогики и ненасилия. - СПб., - 1999.
  20. Белозеров В.С. Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. - Ставрополь: Издательство СГУ, - 2000.
  21. Бельков О.А. Терроризм – вызов национальной и международной безопасности // Безопасность Евразии. - 2001. - №4. - С. 217 - 239.
  22. Бельков О.А. Этнополитические факторы военной безопасности в СНГ // Военная мысль. - 1999. - №7.
  23. Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М.: Международные отношения, - 1998. – С. 20-42.
  24. Богомолов В., Картунов С. Кавказская стратегия Вашингтона // Международная жизнь. - 1999. - №1.

25. Бокучава Г.Ш. Политическая философия М.А. Бакунина и современность. - М., - 1999. - 133с.
26. Бордуков П.Т. Россия: пределы падения. - М., - 1999. - 64с.
27. Боров А.Х., Дзамихов К.Ф. Россия и Северный Кавказ: современный политический опыт в историческом контексте // Политические исследования. - 1998. - № 3. - С. 197, - 198.
28. Ботин М.П. За свободу Испании. - М., - 1986. - 206с.
29. Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. - Киев: Одесса, - 1991. - С.28.
30. Будницкий О. Терроризм в российском освободительном движении (втор. полов. XIX – начало XX в.). - М., - 2000. - 399с.
31. Будницкий О.В. Терроризм: происхождение, типология, этика // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 15-16. - М.: ФРПЦ, - 2001. - С.57.
32. Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР в сер. 50-х – первой пол. 80-х годов // Автореферат дисс.на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. – Ставрополь, - 2001. – 55с.
33. Бурковская В. Проблемы вменяемости членов религиозных или общественных объединений, посягающих на личность и права граждан // Уголовное право. - 2002. - №1. - С.3.
34. Буянов М. Психиатры и политика. - М., - 1996. - С. 39.
35. Бэрн Роберт. Агрессия. - М., - 1997.
36. Большой энциклопедический словарь. - М., - 2001. - С. 1197.
37. Васильев А. Пуритане в исламе. Ваххабизм и первое государство. - М.: Наука, - 1967.
38. Веселицкий А.А. Кому это выгодно? - М., - 1980. - 247с.
39. Витюк В.В. Терроризм постперестроечной эпохи // Социологические исследования. – 1993. - №12. – С.42-50.
40. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. - М., - 1987. - С. 315 - 318.

41. Военно-этнологический словарь. -М., - 1998. - С.108.
42. Воробьев С.М., Калинин Б.А. Философско-социологический анализ современных проблем войны, мира и армии. Ставрополь: изд-во СГУ, - 1997. - 55с.
43. Воробьев С.М. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период // Автореферат дисс.на соиск. уч.ст. канд. полит. наук. – Ставрополь, - 2002.
44. Востриков С.В. Урегулирование конфликтов в ближнем зарубежье (к разработке стратегии России) // Политические исследования. - 1999. - №5.
45. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. - М.: Лотос, - 1998. - С. 366-372.
46. Гайденко П.П. Философия культуры Романо Гвардини // Вопросы философии. - 1990. - № 4. - С. 121.
47. Гарант согласия субъектов и центра – [http://russia – todey.ru /2002/ no_1/1 _federal _power _5.htm](http://russia-today.ru/2002/no_1/1_federal_power_5.htm)
48. Где ждать нового удара террористов? // Российская газета. – 2002. – 25 октября. – С. 8.
49. Гейфман А. Революционный террор в России. - 1894-1917. - М., - 1997.
50. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. - Париж: Ymsa-Press, - 1985. - С.206.
51. Герол И. Все оказалось совсем наоборот: сепаратизм и национализм – от Квебека до Карабаха // Новое время. - 1992. - №6.
52. Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (материалы «круглого стола») // Государство и право. - 2001. - № 12. - С. 103.
53. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Под ред. Неклесса А.И. – М., - 2000. - 320с.
54. Глобальный кризис и проблемы мировой политики // ВМУ. Серия 12. Политические науки. - 2001. - № 3. - С. 5.
55. Год 2000: На пути к культуре мира и ненасилия: Материалы междуна-

- родной научно-практической конференции «От стереотипов войны к идеалам мира через культуру и образование». – М.: Элит-клуб, - 1998.
56. Гордиенко Д.В. Опыт борьбы вооруженных сил с терроризмом в Российской Федерации // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 77.
57. Гори У. Новая форма насилия: международный терроризм. Выступление на международном коллоквиуме «Войны и мир в XXI веке», организованном французским Фондом оборонных исследований в декабре 1995г. // «Дефанс насьональ». – 1996. – Апрель. – С. 135-143.
58. Грачев А.С. Политический экстремизм.- М., - 1986. - С. 43-146.
59. Грачев А.С. Тупики политического насилия. - М., - 1982. - 192с.
60. Грачев Г.В. Информационные технологии политической борьбы в российских условиях // Политические исследования. - 2000. - №3.
61. Грушин Б., Делягин М., Кара-Мурза А., Тарасов А. Слабость, которую не победить силой. Как быть большинству, если меньшинство желает уравнивать шансы ценой терроризма // Общая газета. - 2001. - № 38. - 20-26 сентября.
62. Гундарь О.Н. Толерантность как условие предотвращения экстремизма // Качество образования как социальная проблема: Материалы региональной научной конференции. – Ставрополь: Издательство СГУ, - 2002. - С.98.
63. Гундарь О.Н. Новая роль лидеров в современной геополитической ситуации // Проблемы геополитики и Северный Кавказ: Сб. научных трудов. - Ставрополь: Издательство СГУ, - 2001. – С. 109-111.
64. Гундарь О.Н. Политические элиты и лидеры как факторы детерминации геополитической ситуации в России // Проблемы геополитики и Северный Кавказ: Сб. научных трудов. – Ставрополь: Издательство СГУ, - 2001. - С.60.
65. Гундарь О.Н. Политическое лидерство: социально-философские проблемы. – Ставрополь: Издательство: СГУ, - 2001. - С. 171.
66. Гушер А. Цифры и факты // Еуропа – Express. – 27.09.2001 – 10.10.2001.

- №3(3).

67. Денисова Г.С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов – Ростов-на-Дону, - 1996.
68. Деньги для террористов // Российская газета. - 2003. - 19 февраля. - С.3.
69. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. – Владикавказ: Владикавказский научный центр РАН и РСО-А, - 2000.-278с.
70. Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. Монография. - Владикавказ: Иростон, - 2002. - 256с.
71. Дикie гуси: откровения легендарного «солдата удачи» Боба Денара // Известия. – 2001. – 3 ноября.
72. Дипломатический словарь: в 3-х томах / Под ред. Громыко А.А. – Т. 2. – М.: Полит. Литература, - 1971. - 454с.
73. Дмитриев А.В. Насилие: социально-политический анализ. - М., - 2000. - 328с.
74. Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. – М., - 1998.
75. Дмитриенко В.П. Демократия и фашизм: современный политический лексикон. - М., - 1996. - 56с.
76. Добаев И.П. Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. - 1999. - №1.
77. Добровольский С. «История с географией» опровергает мнения политиков // Российская газета. - 1999. - 3 марта.
78. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000г. // Российская газета. - 2000. - 28 сентябрь.
79. Долгова А.И. Преступность в России и криминологические проблемы власти // Власть: криминологические и правовые проблемы. Российская криминологическая ассоциация. - М., - 2000 - С. 20-21.
80. Доронина Н.И. Международный конфликт. - М., - 1981.
81. Дугин А.Г. Мы – империя-освободитель // Красная звезда. – 1999. – 20

марта.

82. Емельянов В.П. Терроризм и преступления террористической направленности. – Харьков, - 1997. - С. 65.
83. Ермаков И. Политический экстремизм и религия //Власть. - 2001. - №12. - С.60.
84. Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Справочник. Минск: Харвест, - 1999. – 139с.
85. Жалинский А. Терроризм: психологические корни и правовые оценки // Государство и право. - 1995. - №12.
86. Женщины-террористки в России. - Ростов-на-Дону, - 1996. - С.7
87. Жеребин В.С. Диалектика социальных противоречий и право. - М., - 1986. - 143с.
88. Залысин И.Ю. Структурные и политические источники насилия. М.: НЭБ, - 2001.
89. Заринов И.Ю. «Чеченский узел» в этнополитике постсоветской России (анализ центральной и региональной прессы России и стран ближнего зарубежья) - М., - 1999. - 318с.
90. Захват заложников. Как это было в России // Известия. – 2002. – 25 октября. – С. 2.
91. Захват заложников. Как это было в мире // Известия. – 2002. – 25 октября. – С. 3.
92. Збигнев Бжезинский. У террористов были сообщники в Москве // Известия. – 2002. – 26 октября. – С. 2.
93. Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: статьи и доклады 90-х годов. М., - 1999. - 352с.
94. Здравомыслов А.Г.Социология конфликта. М.: Аспект-пресс, - 1996. – 317 с.
95. Зеркин Д.П. Политический конфликт и оппозиция // Социально- политический журнал. - 1998. - №5.
96. Золотарев В.А. Военная безопасность государства Российского. - М.:

- 2001, - С. 187.
97. Золотухин М.Ю. Великобритания и международный кризис на Балканах середины 80-х годов XIX века // Новая и новейшая истории. - 1987. - №6.
98. Зонненберг С. Мечты о мировом порядке не сбылись? // Свободная мысль. - 1999. - №8.
99. Зорин В.Ю. Требуются конфликтологи // Независимая газета. - 1999. - 27 апреля.
100. Игнатенко А.А. «Нутряное» и «ветряное». Об аналитических подходах к исламскому экстремизму в эпоху глобализации. – [http: // 26 marta. Russ.ru. /2001/ ise – wet – hut.html](http://26.marta.Russ.ru./2001/ise-wet-hut.html).
101. Игнатенко А.А. Религиозный экстремизм как угроза международной и национальной безопасности // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С. 517.
102. Ильин М.В. Война в Югославии: от жертвоприношения Сербии к самоубийству Запада? // Политические исследования. – 1999. - №2.
103. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI века. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. - 2001. - №6. - С.132.
104. Информационно- аналитический бюллетень «Этнический мир» - [http: // www.Ieie.nsc.ru / _ adrepec/RePEc/ rus / demoan / a _](http://www.Ieie.nsc.ru/_adrepec/RePEc/rus/demoan/a_).
105. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., - 1996. - С. 17.
106. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология. - М., - 2000.
107. Ислам. Краткий справочник. - М., 1998. С.45.
108. Исследование международных конфликтов // Международный журнал социальных наук. – 1991. - №3.
109. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. - Ростов-на-Дону, - 1996. - С.16.
110. Итоговый документ межконфессиональной конференции «Христианская вера и человеческая вражда» // Церковь и время.- 1998 - №4.
111. Каверин Б. Терроризм и война: общее и различия // Власть. - 2002. - № 5.

- С. 11.

112. Кадр решает все. Кассета с Масхадовым как пролог новой чеченской политики Кремля // Известия. – 2002. – 26 октября.
113. Казеннов С.Ю., Кумачев В.Н. Проблема терроризма на рубеже третьего тысячелетия новой эры человечества – <http://www/auditorium.ru/books/157/06.html>.
114. Казимиров В.Н. Гуманитарная катастрофа в зоне Карабаха была, может быть, еще больше, чем ныне вокруг Косово // Международная жизнь. – 1999. - №5.
115. Как обуздать политический экстремизм // Российская газета. – 1998. – 30 декабря.
116. Калашников М. Америка покажет миру, на что она способна // Независимая газета. – 2001. – 14 ноября.
117. Кара-Мурза А.А. Манипуляция сознанием – http://www.ru/polittech/121817/se_index_t
118. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия стабильности и гарантии прогресса. Ташкент: Узбекистан, -
119. Казиев Д.Х. Террор – самозащита слабых // Возрождение республики. - 2001. - Ноябрь. - №48.
120. Кива А.В., Федоров В.А. Анатомия терроризма // Общественные науки и современность. - 2003.- №1.- С.131 - 136.
121. Ковалев В. Что же такое фашизм? От этимологии к законодательному определению // Российская юстиция. - 2002. - № 10. - С. 52.
122. Кожушко Е.П. Современный терроризм: анализ основных направлений. Минск: Харвест, - 2000. - С. 10, 366 - 373.
123. Козлов В. Национализм и этнический нигилизм // Свободная мысль. – 1996. - №6.
124. Колосов В.А., Галкина Т.А., Криндач А.Д. Территориальная идентичность и межэтнические отношения // Политические исследования. - 2001. - № 2. - С. 63.

125. Комаев В.С. Ислам в Казахстане: правда и вымысел // Независимая газета. - 2001. - 23 июня.
126. Кони А.Ф. Избранное. - М., - 1989. - С.350.
127. Контроль над финансированием терроризма (некоторые аспекты проблемы) // Закон и право. - 2002. - № 12. - С. 2.
128. Конфликтология в школе: Учебно-метод. пособие для средн. общеобраз. учреждений / Под. ред. Шепель В.М. - М.: Моск. школа прав человека, - 1999. - Ч.1. 217с.
129. Конфликтология: Хрестоматия / Составитель: Леонов Н.И. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», - 2002. - С.146-147.
130. Конфликты в современной России (проблемы анализа и урегулирования) / Под ред. Степанова Е.И. - М.: Эдиторал УРСС, - 1999. - 344с.
131. Концельман Г. Ясир Арафат: от террориста к человеку мира. – Ростов-на-Дону, - 1997. - 477с.
132. Коркмазов А.Ю. Этнический фактор в политической жизни Северного Кавказа. - Москва: Издательство МОСУ, - 2002.
133. Коркмазов А.Ю. Этнополитические процессы и их специфика на Северном Кавказе /Автореферат дисс. докт. социол. наук. – Ставрополь, 1997.
134. Корнеева Т.Р. Исламский фактор в геополитике России накануне третьего тысячелетия // Социально-гуманитарные знания. - 2000. - №3.
135. Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса-конфликта. - М., - 1992.
136. Краснов М. Политический экстремизм – угроза государственности // Российская юстиция. - 1999. - № 4. - С. 4.
137. Кротов Г.А., Тимофеев В.И. «Святое дело». - М., - 1987. - 124с.
138. Кто такой Мовсар Бараев // Известия. – 2002. – 25 октября. – С. 3.
139. Кто финансирует чеченских террористов? // Российская газета. - 1999. - 16 октября.
140. Кудрявцев И.Е. «Национальное Я» и политический национализм // Политические исследования. – 1997. - №2.

141. Кузнецов В.С. Религиозный экстремизм в баптизме: механизм насаждения, особенности проявления, пути преодоления. - Киев, - 1988. - 16с.
142. Кузнецова А., Шеденкова Г., Мякишева И. Преступники или жертвы // Азия и Африка сегодня. – 1993. - №12.
143. Куршев М. «Суицидный терроризм» // Уголовное право. - 2002. - № 3. - С. 115.
144. Кучерена А. Когда люди плачут Желябовы смеются: заметки адвоката по материалам судебных процессов над русскими террористами // Независимая газета. – 2000. – 31 октября.
145. Лазарев Н.А. Терроризм как тип политического поведения // Социологические исследования. – 1993. - №8.
146. Лакер У. Терроризм эпохи постмодернизма // США-ЭПИ. - 1997. - №2. - С.83.
147. Лафонтен О. Общество будущего. Политика реформ в изменившемся мире. М., - 1990. - С. 152
148. Левин Д.Б. Принципы мирного разрешения международных споров. - М., - 1997.
149. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., - 1999.
150. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 6. - С. 180.
151. Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.25. - С.95.
152. Литвинов Н.Д. Роль идеи в развитии антигосударственного терроризма. Воронеж, - 1999. - 118с.
153. Лопатин В.Н. Проблемы реализации в России и СНГ Палермской Конвенции ООН (2000) против транснациональной организованной преступности // Государство и право. - 2002. - № 6. - С. 70
154. ЛукамбоР., Фукуа Х.Э., Кенджами Дж.П., Ковальтски К. Терроризм: психологические и политические аспекты // file: // A:\ article. htm; Boaz Ganor. Defining Terrorism: Is One Man’s Terrorist Another Man’s Freedom Fighter? // http: // www. ict. org. il / articles; Boaz Ganor. Countering State-Sponsored Terrorism // http: // www. ict. org. il / articles / articledet. cfm? ar-

ticleid = 5.

155. Лунеев В.В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // Социологические исследования. - 2002. - № 5. - С. 62
156. Лурье С.В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. – 2000. - №4.
157. Ляхов Е.Г. Терроризм и межгосударственные отношения. - М., - 1991. - С. 7-8.
158. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. - М. – Ростов-на-Дону, - 1999. - 436с.
159. Магомедов А.А. Демосоциальные процессы в геополитической стратегии // Проблемы геополитики и Северный Кавказ: Сб. научных трудов. - Ставрополь: Издательство СГУ. - 2001. - С. 91-97.
160. Майборода Э.Т. Влияние модернизационных процессов на этническую идентичность в поликультурном пространстве Северного Кавказа // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества. Сб. научных статей. - Москва – Ставрополь. – 2002. - С. 478-483.
161. Майборода Э.Т. О сосуществовании цивилизаций различного типа // Научная мысль Кавказа. – 2000. - №2.
162. Майборода Э.Т. Этнополитические проблемы северокавказского региона: особенности суверенизации // Этнические проблемы современности: Материалы научной конференции «Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе». – Вып. 5. – Ставрополь: Издательство СГУ. - 1999. - 164с.
163. Майборода Э.Т. Этнополитический «разлом» в Карачаево-Черкесской Республике и перспективы её урегулирования // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сборник трудов кафедры философии МПГУ. Вып. VII. – М.: Прометей, - 2000. – С. 347.

164. Макиавелли Н. Государь. - М., - 1990. - С.51.
165. Малашенко А. Исламская пауза // Независимая газета. – 1999. – 2 февраля.
166. Малышева Д.Б. Феномен этносепаратизма на Кавказе и мировой опыт // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. - № 4. - malysheva.shtme.
167. Мальцев В.А. Основы политологии: учебник для вузов. - М., - 1997. - С.237.
168. Мамаев Ш. Конфликт понятий //Эксперт. - 2002. - №14. - 8апреля. - С.77.
169. Манацков Е.В. Особенности российского политического терроризма: факторы, способствующие развитию. - Краснодар, - 1997. - 76с.
170. Марков Н.Н. Государственная национальная политика Российской Федерации на Северном Кавказе / Дисс. ... канд. полит. наук. – М., - 2001.
171. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. - С.76.
172. Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма (на примере России конца 80-х-90-х годов XX века). Ростов-на-Дону, - 1999. - 22с.
173. Мартынова М.Ю. Политическая контрэлита в России // Вестник Московского университета. – 2000. - №1.
174. Медведев Н.П. Геометодология как основание геополитики // Вестник СГУ. – Вып. 33. – Ставрополь. - 2004.
175. Медведев Н.П. Переоценка ценностей как социальный феномен. - Ставрополь. - 1995.
176. Медведев Н.П. Толерантность как основа социальной безопасности. – М.-Ставрополь, - 2002.
177. Медведев Н.П. Геополитика и феномен сепаратизма // Проблемы геополитики и Северный Кавказ: Сборник научных трудов. – Ставрополь: Изд-во СГУ, - 2001. – С.18-22.
178. Медведко Л.И. Христианско-мусульманское восприятие идей мира и новое геополитическое мышление // Международная жизнь. – 1994. - №1.

179. Медушевский А.Н. Конституционные кризисы в обществах переходного периода // Вопросы философии. – 1999. - №12.
180. Международный опыт разрешения этнических конфликтов. - М., 1997.
181. Миретский Г. Экстремизм и терроризм в внутреннем конфликте «третьего мира» // Мировая экономика и международные отношения. – 1988. - №8.
182. Моджорян Л.А. Терроризм и национально-освободительное движение // Государство и право. – 1998. - №3.
183. Молодежный экстремизм / Под ред. Козлова А.А. – СПб., - 1996. - 140с.
184. Молодежь России: тенденции, перспективы / Под ред. Ильинского И.М., Шаронова А.В. – М., - 2000. - 195с.
185. Морозов Г.И. Международный терроризм // США. - 1997. - № 11. - С. 66.
186. Мортенгау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. – 1997. - №1.
187. Назаркин М.В. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма. - М., - 1998. - 197с.
188. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. – 1995. - №1.
189. Назарова Е.С. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. - Ставрополь, - 2001. - С.17.
190. Назарова Е.С. Политический экстремизм и его роль в современных конфликтах // Дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук. - Ставрополь, - 2001. - С.99.
191. Нам прописали убийство в розницу и оптом. Художественная составляющая террористических актов // Известия.–2002.–26 октября. – С.9.
192. НАТО: Справочник. – М.: Бюро информации и печати, - 1995.
193. Нации и этносы в современном мире / Под ред. Росенко М.Н. Словарь-справочник. – Санкт-Петербург, - 1999. - 132с.
194. Ненасилие: Философия, этика, политика. - М., - 1993.

195. Непесов М.М., Сапрыков В.Н. Современный терроризм: социальные истоки, цели, проявления. - М., - 1984. - 334с.
196. Никовская Л.И., Степанов Е.И. Состояние и перспективы этноконфликтологии // Конфликтология: хрестоматия. – М.: МОДЭК, - 2002. - С. 145-166.
197. Николаев А.И. Как не стать «агрессором наоборот» // Независимая газета. – 1999. – 15 апреля.
198. Николаев А.И. Экстремизм в России: политические реалии и спекуляции // Трибуна. – 1999. – 26 февраля.
199. Новикова О.С. Об особенностях этнического экстремизма / Этнические процессы накануне XXI века. – Ставрополь, - 1998.
200. Новикова О.С., Бабкин И.О., Хоц А.Ю. Мнение региональной элиты // Социс. – 2000. - № 9.
201. Носов Ю.Н. Никто не хочет слушать пророков // Независимая газета. – 1998. – 1 апреля.
202. Нуруллаев Е.С. Преодоление религиозно-политического экстремизма – важное условие укрепления национальной безопасности России // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С.544.
203. Овчинников Р. Вашингтон: «Кавказ подо мною» // Правда. – 2000. – 11 - 14 февраля.
204. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., - 1995. - С. 221.
205. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. - СПб.: Питер, - 2002. - 288с.
206. Ольшанский Д. В. Надо найти режиссера этого спектакля // Известия. – 2002. – 26 октября. – С. 3.
207. Операция проводится по приказу Масхадова и Басаева // Известия. – 2002. – 26 октября. – С. 5.
208. Павловский В. Контроль над финансированием терроризма // Закон и право. - 2002. - № 12. - С. 3.
209. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Обществен-

- ные науки и современность. - 2002. - № 4. - С. 114 - 122.
210. Передерий С.В. Федерализм: пути разрешения этнополитических проблем // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М. – Ставрополь, - 2002.
211. Петрищев В.Е. Исламский фундаментализм и исламский экстремизм не совсем одно и то же // Юридическая газета. – 1999. - № 17.
212. Петрищев В.Е. Правовые и социально-политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право. – 1998. - № 3. – С. 88-93.
213. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. – М.: Эдиториал УРСС, - 2001. – 288с.
214. Петров Ю. Родовые муки «третьего пути» // Независимая газета. – 1999. – 16 января.
215. Подвинцев О.Б. Шагающие не в ногу. Из истории политической борьбы в стране британских консерваторов во второй-третьей четверти XX столетия. - Пермь. - 1999. - 174 с.
216. Политическая социология / Под ред. Иванова В.Н., Семгина Г.Ю. – М., - 2000. - 292 с.
217. Политология / Под ред. Перевалова В.Д. - М., - 1999. - С. 362.
218. Попов А. В. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. - М., - 1997. - С. 280 - 282.
219. Попов Г. Бен Ладен бессмертен: (О войне с террором) // Московский комсомолец. – 2001. – 13 октября.
220. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации: (От речей президентов до переговоров с террористами). - М., - 1998. - 348 с.
221. Преамбула Устава ООН. – Нью-Йорк, - 1994. – С. 7-8.
222. Проблема ответственности за разжигание межнациональной розни / Сост. Шмидт Ю.М., - М., - 1993. - 141с.
223. Программа действий в области культуры мира (Принята 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН 10 ноября 1988 года). – М.: МИК, - 1998.

224. Психология национальной нетерпимости: Хрестоматия / Сост. Чернявская Ю.В. – Минск, - 1998. - 560с.
225. Раззаков Ф.И. Век террора: хроника покушений. - М., - 1997. - С. 340.
226. Райт К. некоторые размышления о войне и мире // Социально-гуманитарные знания. – 2000. - № 3.
227. Рамазанов Т.Б. Религиозно-политический экстремизм в Чечне и Дагестане как фактор преступности // Право и политика. - 2000. - №4. - С. 78-84.
228. Религия и политика («круглый стол»). Микульский Д.В. Мусульманские организации в России // Социально-политический журнал. - 1994. - №6. - С.223.
229. Религия и политика («круглый стол»). Нуруллаев А.А. Принцип равенства религий в политической борьбе // Социально-политический журнал. - 1994. - №6. - С.223 - 224.
230. Религия и политика («круглый стол»). Филатов С.Б. Общественное мнение о роли религии в политике // Социально-политический журнал. - 1994. - №6. - С.222.
231. Религия и проблемы национальной безопасности // Безопасность Евразии. - 2002. - №1. - С. 534 - 538.
232. Репрессированные этнографы. Вып. 1 / Сост. Д.Д. Тумаркин. - М., - 1999. - 343с.
233. Робеспьер М. Революционная законность и право. Статьи и речи. - М., - 1959. - С. 210.
234. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессии в Русском государстве 15-17 веков. - М., - 1995. - 175с.
235. Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. - М., - 1997. - 394с.
236. Романенко Л.Н. Конфликты гражданского общества: экзистенциальная дилемма современной России. - М., - 1996.
237. Росалес Х.М., Воспитание гражданской идентичности: об отношениях между национализмом и патриотизмом // Полис. – 1999. - № 6.

238. Российская юридическая энциклопедия. - М., - 1999. - С. 968.
239. Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. Абульхановой К.А., Брушлинского А.В., Воловиковой М.И. - М., - 1998.
240. Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. Вып. 15-16. – М.: ФРПЦ, - 2001. - С.80.
241. Россия на пороге XXI века: философско-социологическое исследование. -М., - 1998. - 304с.
242. Ротфельд А.Д. Новая формула мирового порядка // Независимая газета. – 1999. – 25 марта. – С. 8.
243. Савва М.В. Этнический статус (конфликтологический анализ социального феномена). - Краснодар, - 1997. - с. 210.
244. Санистебан Л.С. Основы политической науки. - М., - 1992. - 179с.
245. Сатановский Е. Глобализация терроризма и ее последствия // Россия и мусульманский мир. - 2002. - № 1. - С. 142.
246. Сборник переводов № 3/29-185. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. С. 28.
247. Сатановский Е. Призрак вышел из пустыни: не появился ли новый игрок в старой борьбе за передел мира? // Независимая газета. – 2001. – 20 ноября.
248. Свечин А.А. Стратегия. - М., - 1995. - С. 88.
249. Севостьянов И. Исламский фундаментализм и исламский экстремизм это не совсем одно и то же. // Международная жизнь. – 1996. - № 5.
250. Серебрянников В.В. Военное насилие в политических конфликтах // Свободная мысль. – 1996. - № 6.
251. Смертники прячутся за чужими спинами // Российская газета.–2002.– 25 октября. – С. 4.
252. Советская историческая энциклопедия в 16 т. Т. 12. - М., - 1969. - С. 89.
253. Современные войны. Гуманитарная проблема. – М., - 1990.
254. Современный словарь иностранных слов. - М., 1992. С. 605.
255. Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. Сте-

- панова Е.И. – М.: Эдиториал УРСС, - 2000. – 240с.
256. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. - М., - 1998. - 70с.
257. Соловьев А.И. Политология: политическая теория и политические технологии. - М., - 2000.
258. Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. - М., - 1996. - 167с.
259. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. - М., - 1992. - 251с.
260. Соснин В.А. Психология религии: американский опыт // Психологический журнал. - 2002. - Том 23.
261. Социальное расслоение и социальная мобильность. - М., - 1999. - 191с.
262. Социальные и межнациональные конфликты: причины и пути их разрешения в регионе // Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Махачкала. – 1999.
263. Социальные конфликты. Экспертиза. Прогнозирование. Технологии разрешения. Вып. 16. – Москва-Ставрополь. - 2000.
264. Спорные границы на Северном Кавказе / Под ред. Коппитерса Б. – М., - 1996.
265. Степанов Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, - 1997.
266. Стокгольмский синдром // Российская газета. – 2002. – 25 октября. – С. 3.
267. Страна-заложница. На кону война в Чечне и безопасность каждого россиянина // Известия. – 2002. – 25 октября.
268. Суворов А.И. Политический терроризм в России XIX – начала XX веков. Истоки, структура, особенности // Социологические исследования. – 2002. - №7. – С.54-60.
269. Тезисы докладов научно-практической конференции 24-26 мая. – Ростов-на-Дону: Дон. гос. тех. ун-т, - 1999. - 402с.
270. Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») // Социологические исследования. - 2001. - №5.

271. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль / Ляхов Е.Г., Попов А.В. – Ростов-на-Дону, - 1999. - 435с.
272. Терроризм: современные аспекты / Под ред. Киреева М.П. – М., - 1999. - 102с.
273. Тишков В.А. Вперед, назад или в никуда? Северный Кавказ: проблемы и политика // Независимая газета. – 1998. – 22 января.
274. Тишков В.А. Стратегия противодействия экстремизму // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликта. - 1999. Январь – февраль. - № 23. - С. 19.
275. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. – Мн.: Харвест, - 2003.
276. Трофимчук Н.А. Религия и проблемы национальной безопасности России // Безопасность Евразии. - 2002. - №1.- С. 513.
277. Трубников В. Борьба без компромиссов: Одни лишь силовые действия проблему терроризма не решат // Независимая газета. – 2001. – 23 октября.
278. Усиков А., Яременко В. Многогранная борьба с терроризмом: она не имеет претендентов в прошлом // Независимое военное обозрение. – 2001. - №45. – С.2
279. Устинов В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право. – 2003 - № 3. - С. 14 - 17.
280. Утопический социализм в России: Хрестоматия. - М.: Политиздат, 1985.
281. Хантингтон Самюэл. Грядущее столкновение цивилизаций, или Запад против остального мира // За рубежом. - 1993. - №30. - С.11.
282. Хлебников И. Власть и терроризм // Независимая газета. - 2000. - № 13.
283. Хлобустов О. Об историческом опыте борьбы с терроризмом // Юридическая газета. - № 5. - Январь. - С. 4.
284. Хоперская Л.Л. Управление этническими сообществами в Ростовской области // Местное управление многоэтническими сообществами в странах СНГ / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. – Москва: ОАО Авиаиздат, - 2001.

285. Хроника захвата заложников // Российская газета. – 2002. – 25 октября. – С. 4.
286. Чагилов В.Р. Этничность и постсовременность: политизированная этническая идентичность в контексте процессов глобализации и модернизации // Этничность, культура и менталитет: теоретико-методологические и культурологические аспекты изучения этнического. Сб. статей. – Карачаевск, - 2000.
287. Чагилов В.Р. Проблема политизации этнической идентичности (старые парадигмы и новейшие вызовы). – М., 2000.
288. Шагов С., Соколов А. Государственный департамент США о международном терроризме // Зарубежное военное обозрение. – 2001. - №10. – С. 7-8.
289. Шакирма М. Экстремистские течения в исламе // Нуркул Ислам. – 1998. – 5 апреля.
290. Шаповалов В.А. Геополитика как идеология современности // Проблемы геополитики и Северный Кавказ: Сб. научных трудов. – Ставрополь: Издательство: СГУ. - 2001 - С. 3-8.
291. Шаповалов В.А. Регион и регионоведческие исследования / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – Москва-Ставрополь, - 2000.
292. Шаров А. Потомки проклянут террористов // Российская газета. – 2002. – 26 октября. – С. 3.
293. Шастова Е.А. Геополитические аспекты политической идеологии постсоветской России / Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. кандидата полит. наук. - Ставрополь, - 2002. - С. 18.
294. Шафаревич И. Две дороги – к одному обрыву // Новый мир. – 1989 - №7.
295. Экбаль Ахмад. Терроризм: у «них» и у «нас» - <http://www.your.com/search.php?p=your>.
296. Экстремизм в Интернете // Российская газета. – 2002. – 25 октября. – С. 8.
297. Экономическая безопасность: энциклопедия. М.: Правовое просвещение,

- 2000. - С. 218-219.
298. Эпштейн В.А. Политический терроризм как феномен современного общества. - Казань.- 1998. - 184с.
299. Эпштейн В.А. Терроризм: проблема определения понятия – [http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2001/issue 2/vest2...6\[1\].htm](http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2001/issue 2/vest2...6[1].htm)
300. Эфир по сценарию бандитов. Террористические атаки: символика, драматургия, коммерция // Российская газета. – 2002. – 25 октября. – С. 3.
301. Юридическая конфликтология / Под ред. Кудрявцева В.Н. М., - 1999. - С.109.
302. Якуничкин В. Правозащитники с большой дороги: обвинение либерализма и либерального терроризма. М., - 1999. - С. 115.
303. Ясносокирский Ю.А. Политико-правовые механизмы предотвращения и урегулирования конфликтов в рамках ОБСЕ // Политические исследования. – 1999. - № 5.
304. Adams J. The Real Financing of Terror. – New York: Simon and Schuster, - 1986.
305. Hansen G. Religion and marital adjustment / Ed. J.E. Schumaker // Religion and mental health. N.Y., -1992. - P. 189-198.
306. Jenkins B. The Who, What, What, Where, How and Why of Terrorism. // Paper presented at the Detroit Police Department Conference on “Urban Terrorism: Planning or Chaos?”. – November. – 1984.
307. Laqueur W. The Age of Terrorism. Boston: little, Brown, - 1987. - P. 6
308. Lasater T.M. Religions organizations and largescale health related lifestu le change programs // J. of Health Education. - 1991. - №22. - P.233-239.
309. Terrorism and International Order. – Middletown,Ct : - 1993. - P.5.
310. Duranton-Crabol, Anne Marie. L’Europe de l’extreme droite de 1945a nos jours. Bruxelles. - 1991. - P. 221.
311. Politischer Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten. - 1989. - P. 385.
312. Grosscup B. The Explosion of Terrorism. – Far Hills, NJ: New Horizons, - 1987. - P.78.

313. Crenshaw M. Terrorism, Legitimacy, and Power. – Middletown, CT: Wesleyan University Press, - 1983. - P.107.
314. Schmid A.P. Political Terrorism: A Research Guide to Concepts, Theories, Data Bases and Literature. – New Brunswick, CT: Transaction, - 1983. - P.124.
315. Terrorism and International Order. – Middletown, Ct : - 1993. - P.5.

Документы

1. Указ Президента РФ «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» от 10 января 2000г. // Собрание законодательства РФ. - 2000. - №2. - Ст.170.
2. Указ Президента РФ «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» от 21 апреля 2000г. // Собрание законодательства РФ. - 2000. - №17. - Ст.1852.
3. Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» от 15 июня 1996г. // Собрание законодательства РФ. - 1996. - №25. - Ст.3010.
4. ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в ред. от 13.02.2002г. №20-ФЗ // Сборник законов РФ. М.: Эксмо, - 2002. - С.600.
5. ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25июля 2002 года // Сборник законов РФ. - 2002. - № 114-ФЗ.
6. ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» в ред. ФЗ от 26.03.2000 №45-ФЗ // Сборник законов РФ. М.: Эксмо, - 2002. - С.99-103.
7. Конституция Российской Федерации. Раздел I. Ст. 13, ч. 2 // Сборник законов РФ. М.: Эксмо, - 2002. - С.3.
8. О предупреждении проявлений фашистской опасности в РФ: Материалы парламентских слушаний 14.02.1995 / Федеральное собрание – парламент РФ. Гос. Дума. М., - 1995. - С. 95.